

Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Цвяк Александр Александрович

ЧАСТНЫЕ ВОЕННЫЕ КОМПАНИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА

5.5.2. Политические институты, процессы, технологии

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель

Брега Александр Васильевич,
доктор политических наук, профессор

Москва – 2025

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Теоретико-методологические основы исследования применения частных военных компаний по реализации политических интересов.....	17
1.1 Парамилитарные формирования как силовой инструмент государства.....	17
1.2 Концептуальные подходы к анализу деятельности ЧВК.....	40
1.3 Политические интересы государства как факторы деятельности ЧВК.....	56
Глава 2 Практика использования ЧВК в продвижении политических интересов государства: мировой и отечественный опыт.....	76
2.1 Особенности использования ЧВК при продвижении военно-политических целей иностранными государствами	76
2.2 Специфика институционализации и использования ЧВК в современных российских условиях	105
2.3 Модели использования частных военных компаний в продвижении политических интересов	122
Глава 3 Основные направления политико-правового регулирования деятельности ЧВК в Российской Федерации.....	137
3.1 Нормативно-правовые проблемы регулирования ЧВК и пути их решения.....	137
3.2 Государственный и гражданский контроль над деятельностью ЧВК..	161
Заключение.....	179
Список литературы.....	184

Введение

Актуальность темы исследования определяется, во-первых, значительным расширением применения частных военных компаний (далее – ЧВК) в политических целях в современных условиях. Данные компании, являясь активным участником процесса аутсорсинга военных услуг, снимают часть «нагрузки» с вооруженных сил при выполнении специальных задач, где использование армии может привести к значительным политическим издержкам. К направлениям их деятельности относятся силовые операции, охранные мероприятия, материально-техническая поддержка, а также обучение персонала, консультационные и информационно-разведывательные услуги. При этом ЧВК обеспечивают не только внешнюю, но и внутреннюю безопасность страны, в частности, путём привлечения их к мероприятиям по антитеррористической защите.

О всё большем росте военно-охранных услуг свидетельствует тот факт, что за 2024 год их рынок достиг отметки в 250 миллиардов долларов [79], а количество проводимых крупных операций в XXI веке возросло по меньшей мере в 9 раз [154]. Существенным образом расширилась и география присутствия ЧВК, затронув значительную часть государств Африки и Ближнего Востока. Развитие ЧВК в настоящее время наблюдается и в ряде стран, для которых ранее была свойственна опора исключительно на вооруженные силы – например, к их числу могут быть отнесены Китай и Турция.

Во-вторых, частные военные компании всё чаще включаются в состав военной организации государства в качестве двухмодальных объединений, в которых сотрудники заключают контракты одновременно и с самой ЧВК, и с принимающей стороной в лице вооруженных сил, национальной гвардии или иных подразделений. Подобное обстоятельство в свою очередь обусловлено изменением характера военных конфликтов,

специфической чертой которых является сочетание как прямого межгосударственного, так и гибридного противостояния, требующего гибкого использования разнородных силовых инструментов. При этом, получая соответствующий конвенциональный статус, на частные военные компании не распространяются ограничения, действующие в отношении представителей вооруженных сил. Очевидно, что вопросы такого двойного использования и подчинения требуют дополнительной нормативной и политической регуляции.

В-третьих, на развитие частных военных компаний оказывают влияние изменения в социально-политической сфере. Государства всё чаще обращаются к ЧВК в целях сокрытия реальных масштабов вовлеченности в вооруженные конфликты, участие в которых является значимым конфликтогенным фактором в обществе, а следовательно – и политическим риском. Использование частных формирований позволяет избегать необходимости в проведении мобилизационных мероприятий или снижать их объемы, что существенным образом влияет на степень удовлетворения пацифистских настроений в обществе. Кроме того, развитие ЧВК связано и с канализированием милитаристской энергии общества и направлением её на нужды военной политики.

В-четвертых, к настоящему времени недостаточно исследована политическая составляющая деятельности частных военных компаний. Указанное обстоятельство требует дальнейшей теоретической разработки использования ЧВК, учитывающей разнообразие их форм, включающее как легальные, так и незарегистрированные организации, а также военные, охранные, обеспечивающие и иные типы. Следовательно, представляется необходимым осуществление анализа ЧВК на предмет их роли в качестве инструмента достижения политических интересов государства, а также определение самих интересов, в реализации которых они могут быть задействованы.

В-пятых, отсутствие четкого нормативно-правового и политического статуса у частных военных компаний в Российской Федерации является значительным препятствием для процесса их институционализации, что обуславливает потребность в разработке соответствующих направлений нормативно-правового регулирования, а также механизмов их контроля со стороны государства и гражданского общества. С учетом этого, представляется необходимым как обращение к мировому опыту развития рынка частных военных услуг, так и учет российской специфики передачи военных и охранных функций негосударственным структурам. Сами же направления регулирования и контроля при этом должны отвечать как требованиям учета государственных и общественных интересов, так и обеспечивать условия для легитимного, конвенционального функционирования частных военных компаний.

Степень разработанности темы исследования. Научную литературу, касающуюся исследования, следует разделить на несколько составных категорий.

Первая группа включает в себя работы, посвященные теоретическому и концептуальному осмыслению процессов взаимодействия государства и силовых структур. К числу их авторов относятся М. Вебер [4], С. Хантингтон [23], П. Фивер [20], М. Яновиц [155], Д. Сутерс [142], в работах которых анализируются политико-социальные механизмы использования вооруженных сил и военизированных формирований, а также особенности основополагающей роли государства в реализации военно-политических задач. Работы российских исследователей А.А. Кокошина [6] и А.А. Бартоша [1] представляют значимую ценность, включающую описание и систематизацию ключевых параметров обеспечения национальной безопасности как сложного, многосоставного явления. Кроме того, особенную ценность в рамках данной группы источников имеют работы А.В. Бреги [3], Н.Н. Кулаковой [32] и Д.Л. Цыбакова [33], категоризирующие такие ключевые понятия и термины как «политический риск»,

«военно-политические интересы» и «парамилитарные формирования», активно используемые в исследовании.

Вторую группу источников составляют работы, посвященные гибридизации конфликтов, важной составной частью которых является переход к негосударственным акторам силовых действий. Авторами исследований в этом направлении являются А.А. Сушенцов [14], А.В. Манойло [124], А.Д. Куманьков [10], Б. Лиддел Гарт [11], М. Кревельд [9], Г. Мюнклер [13], фокусирующиеся на выделении системообразующих факторов войн нового типа, отличающихся значительным усложнением структуры их участников, а также гибридизацией форм участия в конфликтах.

Большую ценность имеют исследования, описывающие изменения современных войн в категориях перехода к конфликтам низкой интенсивности, в рамках которых зачастую отсутствуют строго определяемые начало и конец противоборства. Д. Бест [2], как и М. Калдор [5], формулирует состояние правовой неопределенности в отношении современных войн, для которых свойственно совмещение действий как государственных, так и негосударственных структур. Г. Тиле, К. Малкасян, У. Линд [15] в свою очередь фокусируются на отображении повышенного значения усилий по «борьбе за умы и сердца», имеющих в современных реалиях не меньшую важность, чем сами боевые действия.

В третью группу источников включены работы, посвященные непосредственным аспектам функционирования частных военных компаний, а также особенностей их взаимодействия с государственными институтами. К числу зарубежных представителей данной группы относятся П. Сингер [29], Ш. Макфейт [25], Д. Скейхилл [28], Р. Уэсселер [17], ставшие фактическими первопроходцами в системном описании функционала современных ЧВК, а также особенностей их использования в государственных целях.

Среди российских исследователей вызывают интерес труды А.Г. Волеводза [42, 110], И.П. Коновалова, О.В. Валецкого [7], М.А. Небольсиной [65, 114, 128], в которых рассматриваются ключевые этапы и особенности становления частных военных компаний, а также направления их участия в военных, военно-полицейских и обеспечивающих мероприятиях. Кроме того, автор обращается к работам таких исследователей, как Н.М. Уваров [16], Ю.С. Апухтин [105], А.И. Никитин [129], В.Н. Малышев, А.Е. Руденко, Е.С. Катун [123], В.Н. Старцун [141].

Четвертую группу источников составляют неструктурируемые публикации по теме исследования, представленные в виде статей в интернет-порталах, а также материалов в блогах и социальных сетях. Относительная закрытость тематики частных военных компаний формулирует ограниченность и определенную лаконичность информации, предоставляемой самими государствами, вследствие чего повышенное значение приобретают материалы СМИ, свидетельства и мемуары экс-сотрудников и другие источники, целью использования которых является не только получения информации о событиях «на местах», но и выделение основополагающих факторов и особенностей развития частных военных компаний в целом.

Обзор научной литературы по теме диссертации показывает множественность анализа феномена частных военных компаний. Большая часть исследований фокусируется на вопросах непосредственных механизмов их функционирования, а также направлений правового регулирования, в то время как специфика их использования государственными заказчиками на уровне реализации политических интересов остается недостаточно проработанной. Кроме того, для значительного числа исследований характерно определение частных военных компаний как относительно самостоятельных акторов. Вследствие этого представляется, что анализ ЧВК как инструмента, используемого современными государствами, требует дополнительного изучения.

Цель исследования – выявить причины, способы и тенденции использования частных военных компаний как инструмента продвижения политических интересов государства в современных условиях.

Исходя из цели, обозначим **задачи исследования**:

- а) уточнить понятие частных военных компаний и предложить их авторскую классификацию;
- б) структурировать основные государственные интересы, реализуемые частными военными компаниями в политике;
- в) определить модели использования частных военных компаний государствами на основе анализа зарубежной и отечественной практики;
- г) предложить варианты дальнейшего политико-правового регулирования деятельности частных военных компаний в Российской Федерации;
- д) выявить направления совершенствования гражданского контроля над деятельностью частных военных компаний.

Объект исследования – частные военные компании как инструмент продвижения государственных интересов в политике.

Предмет исследования – современная специфика использования частных военных компаний в достижении политических целей государства.

Область исследования соответствует п. 17. «Политические изменения и развитие. Политические реформы и революции», п. 26. «Социальные и политические конфликты: причины, факторы, типы и технологии регулирования», п. 32. «Политические риски: модели и технологии управления» Паспорта научной специальности 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки).

Гипотеза исследования. Частные военные компании, становясь значимым силовым ресурсом современных государств, используются для достижения политических целей. Это обуславливает многообразие форматов их использования государственной властью, а также необходимость

формирования конвенциональных механизмов их применения в политике и создания новых форм государственного и гражданского контроля.

Научная новизна исследования состоит в:

- а) уточнении определения частных военных компаний и их классификации, основанной на типе организационной структуры;
- б) выявлении ключевых государственно-политических интересов, реализуемых частными военными компаниями;
- в) разработке теоретических моделей использования ЧВК государствами;
- г) предложенных вариантах политико-правового регулирования частных военных компаний в Российской Федерации;
- д) определении направлений совершенствования государственного и гражданского контроля над деятельностью частных военных компаний.

Теоретическая значимость работы. Концептуальные положения исследования позволяют использовать их для дальнейшего анализа механизмов использования частных военных компаний по реализации политических интересов государства. Кроме того, выводы и положения могут быть применены в анализе общих системных факторов развития военно-политической сферы современных государств.

Практическая значимость работы состоит в предложенных вариантах регулирования деятельности частных военных компаний как инструмента реализации политических интересов государства, а также в формах их гражданского контроля. Материалы исследования могут быть полезны для процесса законодательного регулирования деятельности ЧВК в Российской Федерации.

Представляется, что одной из основных проблем в направлении легализации ЧВК является наблюдаемая «обобщенность» данного понятия. В то же время, как показано в исследовании, деятельность частных военных компаний имеет принципиально разные формы, вследствие чего возникает

необходимость дифференциации подходов к регулированию ЧВК, основанной на разграничении их видов.

Методология и методы исследования. Особенности тематики исследования требуют использования междисциплинарного подхода, направленного на всестороннее рассмотрение деятельности частных военных компаний.

Одним из основных методов для данной научной задачи исследования является системный, использовавшийся для анализа частных военных компаний как компонента силовых ресурсов государства, привлекаемых для продвижения политических интересов. Исторический метод применялся для анализа динамики и условий развития частных военных компаний как в российской, так и в мировой практике, а также для выделения основных этапов процесса их институционализации.

Теоретико-методологические основы исследования включают в себя теорию неореализма, теорию секьюритизации, модель принципала-агента, а также теории инструментализма и конструктивизма. Неореализм в контексте исследования используется для выделения ключевых факторов деятельности ЧВК и определения политических интересов государства. Применение теории секьюритизации обусловлено потребностью анализа политического дискурса, формируемого в обществе перед непосредственным задействованием ЧВК. Модель принципала-агента, инструментализм и конструктивизм в свою очередь дополняют аналитическую целостность исследования, позволяя рассмотреть деятельность ЧВК с отдельных направлений, в частности, при анализе механизмов договорных отношений в военной сфере, особенностей институционального развития ЧВК и факторов их взаимодействия с внешней средой соответственно.

Положения, выносимые на защиту:

а) Частные военные компании представляют собой негосударственные субъекты в сфере военных услуг и безопасности, которые функционируют на договорной основе как в интересах

коммерческих организаций, так и государства, прежде всего в области обеспечения обороны страны и реализации геополитических и геоэкономических целей.

Авторский подход заключается в том, что ЧВК – это один из видов парамилитарных формирований, связанных как с военизированной, так и с военной деятельностью. Государства, вступающие в договорные отношения с ЧВК, фактически передают им часть своей легитимности, что выделяет частные военные компании на фоне наемнических подразделений. При этом, договорной характер отношений предполагает отсутствие у ЧВК собственной политической субъектности, что отделяет их от других видов парамилитарных формирований, таких как ополчения, боевые ячейки и вооруженные движения.

С учетом ценности существующих классификаций ЧВК, целесообразно предложить классификацию, основанную не только на типах оказываемых услуг или видов их контрагентов, но и на организационных структурных особенностях самих ЧВК. Выделение таких критериев как «легальность» и «устойчивость» позволяет выявить ключевые компоненты организационной структуры действий, направленных на поддержку государства.

Исходя из этого, по типу нормативно-правового статуса частные военные компании могут быть разделены на *корпоративные* и *некорпоративные*. К числу корпоративных ЧВК относятся структуры, имеющие официальную регистрацию, а также при необходимости лицензию, соответствующую профилю их деятельности. Некорпоративные частные военные компании являются незарегистрированными организациями, действующими, в том числе, через легальные компании-посредники.

Другое направление классификации связано с определением функционального статуса частных военных компаний, в рамках которого возможно выделение *структурированных* и *гибридных* ЧВК. Структурированные ЧВК, вне зависимости от наличия у них легального

правового статуса, представлены устойчивыми организациями, имеющими персональные контракты со своими сотрудниками. Гибридные ЧВК представляют новое явление, связанное с распространением прокси-войн. К ним относятся отряды, группы и подразделения, не имеющие устойчивой внутренней структуры, используемые как средство агрегирования заинтересованных лиц и фактически включаемые в состав вооруженных сил принимающего их государства (С. 20-21; 25-28).

б) Деятельность ЧВК становится важным элементом продвижения государственных интересов, которые связаны с необходимостью поиска способов:

- достижения военно-политических целей в условиях гибридного и прямого межгосударственного противоборства, включая прямое и вспомогательное участие ЧВК в симметричных и асимметричных конфликтах;

- снижения внутренней конфликтности общества, связанной с возможностью человеческих потерь в военной деятельности при обязательной воинской повинности, а также в удовлетворении пацифистских настроений и в направлении милитаристской энергии общества;

- обеспечения антитеррористической безопасности, в том числе с нивелированием политических рисков от угроз террористического характера. Очевидно, что перечень политически мотивированных обстоятельств использования ЧВК в политике представленным перечнем не ограничивается и в реальной практике могут возникать и иные основания для привлечения частных военных компаний (С. 62-63).

в) Многообразие форм использования ЧВК для продвижения политических интересов может быть представлено в различных моделях. Так, автором выделяются следующие теоретические модели: *направляющая, партнерская, патронажная*.

Каждая из них включает в себя семь элементов сравнения: правовой статус, источники финансирования, возможность участия в боевых

действиях, степень самостоятельности, происхождение материально-технической базы и вооружения, методы рекрутирования персонала, наличие собственной атрибутики.

Направляющая модель подразумевает активное влияние государства на частные военные компании, используя их как инструмент дополнения вооруженных сил и оставляя за ними определенную самостоятельность в вопросах корпоративного развития. Партнерская модель предполагает создание соответствующей институциональной среды, в рамках которой государства могут контрактовать отдельные услуги ЧВК, не оказывая прямого влияния на их внутренние процессы. Патронажная модель связана с установлением полноформатного контроля над деятельностью конкретных компаний, подразумевающим постановку целей и задач, преимущественно реализуемых в сфере замещения вооруженных сил.

Представленные модели не являются взаимоисключающими. Используя их государства сочетают данные модели исходя из возникающих потребностей, политической традиции и правовых установлений (С. 123-130).

г) В качестве основных вариантов дальнейшего развития частных военных компаний в России автором выделены следующие:

- инерционный, предполагающий отсутствие институционализации ЧВК и соответствующего правового регулирования;
- разграничительный, предполагающий создание механизмов для легального ведения ЧВК исключительно зарубежной деятельности;
- инкорпорированный, подразумевающий полноценное создание сегмента частных военных услуг в российском правовом поле по образцу западных государств;
- дифференцированный, предполагающий создание нескольких одновременно действующих форматов использования ЧВК.

Дифференцированный вариант представляется к рассмотрению в качестве компромиссного, учитывающего необходимость привлечения

негосударственных субъектов к реализации государственных интересов и политико-правовые ограничения и риски. Согласно нему, компании, функционирующие внутри Российской Федерации, могут привлекаться для обеспечения безопасности приграничных территорий, а также отраслевых объектов на базе действующего законодательства посредством расширения передаваемых охранным организациям полномочий при условии строгого контроля со стороны государства. Для зарубежной деятельности могут быть использованы отдельные компании, функционирующие в условиях существенно меньшего нормативного регулирования, направленные на силовое обеспечение внешнеполитических интересов Российской Федерации (С. 153-159).

д) Неурегулированность статуса и отсутствие должной институционализации ЧВК в Российской Федерации является не только правовой, но и политической проблемой, создающей существенные риски, связанные с возможной утратой политической лояльности со стороны негосударственных военизированных групп. Исходя из этого, представляется необходимым разработка направлений совершенствования механизмов государственного и гражданского контроля.

Автором в этой связи предложены 2 основных направления государственного и гражданского контроля. Так, к предложениям в части установления *политического контроля* отнесено:

- введение механизмов многостороннего регулирования (как силовыми, так и гражданскими ведомствами);
- законодательно оформленный запрет на участие в политической деятельности;
- расширение возможностей для гражданского контроля.

Второе направление представлено *организационным контролем*, целью которого является внедрение механизмов непосредственного регулирования деятельности частных военных компаний. К нему отнесены:

- ведение общего реестра частных военных компаний;

- внедрение механизмов общего и специального лицензирования (в том числе экспортной деятельности);
- усиление финансового контроля и аудита;
- внедрение многомерного контроля над процессами слияний и поглощений частных военных компаний;
- усиление надзора за кадровой политикой организаций, включая контроль выполнения социальных обязательств;
- введение запрета на передачу услуг субподрядным организациям (С. 168-174).

Степень достоверности, апробация и внедрение результатов исследования. Выводы и основные положения диссертации обладают подтвержденной степенью достоверности, использованные методы научного исследования отвечают цели и задачам исследования. Корректно использованы исходные статистические и справочные данные, специальная научная литература и законодательные базы.

Результаты диссертации по мере их получения публиковались в журналах, входящих в перечень ВАК и докладывались на научных конференциях.

Основные теоретические и методологические положения, результаты и выводы исследования обсуждались и получили положительную оценку на следующих мероприятиях: на XVII Международной отраслевой научно-технической конференции «Технологии информационного общества» (Москва, Московский технический университет связи и информатики, 2-3 марта 2023 г.); на Международной научно-практической конференции «Проблемы и перспективы осуществления междисциплинарных исследований» (г. Уфа, Научно-издательский центр АЭТЕРНА, 10 декабря 2023 г.); на Международной научно-практической конференции «Новое мироустройство: принципы построения, перспективы, вызовы» (Москва, Московский государственный лингвистический университет, 23-24 октября 2024 г.).

Материалы диссертации применяются в практической деятельности ООО «ЧОО «Вымпел-ПАТРИОТ». В частности, разработанная модель организации контроля деятельности, основанная на выделении типов контрагентов в отдельные группы для повышения эффективности мероприятий, предусмотренных договорными отношениями. Указанная модель способствовала осуществлению внутрикорпоративного перехода от однофакторной системы контроля организации деятельности к двухфакторной, сочетающей выделение структурных блоков как по типу услуг, так и по типу заказчиков.

Материалы диссертации используются Кафедрой политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета в преподавании учебных дисциплин «Основы российской государственности», «Военно-политические аспекты международных отношений», «Политический анализ и прогнозирование».

Апробация и внедрение результатов исследования подтверждены соответствующими документами.

Публикации. Основные положения исследования отражены в 7 публикациях, общим объемом 3,25 п.л. (авторский объем 2,95 п.л.), в том числе 5 работ общим объемом 2,81 п.л. (авторский объем 2,51 п.л.) опубликованы в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК при Минобрнауки России.

Структура и объем диссертации обусловлены целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, включающего 157 наименований. Текст диссертации составляет 204 страницы, содержит 8 таблиц, 10 рисунков.

Глава 1

Теоретико-методологические основы исследования применения частных военных компаний по реализации политических интересов

1.1 Парамилитарные формирования как силовой инструмент государства

Частными военными компаниями или ЧВК (англ. private military companies – PMC) традиционно называются коммерческие организации, оказывающие на договорной основе услуги в сфере безопасности, проведения боевых операций, сопровождения и охраны грузов и персонала, материально-технического обеспечения подразделений вооруженных сил, разминирования, подготовки личного состава и других функций. Согласно Документу Монтрё они определяются как «частные предпринимательские субъекты, которые оказывают военные и/или охранные услуги независимо от того, как они себя характеризуют» [50].

П р и м е ч а н и е – Анализ различий между частными военными компаниями, частными охранными компаниями и наемническими формированиями был проведен автором совместно с О.М. Михайленком и отражен в соавторской публикации.

Смежными, и иногда взаимозаменяемыми с ЧВК являются также такие понятия, как «частные охранные компании» (Private Security Companies) и «частные военные и охранные компании» (Private Military and Security Companies) [144]. Необходимо отметить, что перевод термина Security Companies как охранных компаний является неточным в силу того, что для определения сугубо охранных мероприятий в зарубежной литературе используется слово Protection, в то время как Security – более комплексное понятие, обозначающее широкоформатное обеспечение безопасности. Тем не менее, в силу того, что аббревиатуры ЧОК и ЧВОК являются устоявшимися в использовании, в данной работе приводится именно такое определение.

В качестве причин подобного многообразия формулировок выделяются сразу несколько факторов. Во-первых, отсутствие единого терминологического подхода обусловлено дифференциацией услуг, предоставляемых компаниями. Тем самым складывается ситуация, при которой одна и та же организация может быть одновременно классифицирована и как ЧВК, и как ЧОК или ЧВОК. Во-вторых, специфика определения типа компаний напрямую зависит от географического фактора – ЧВК по общему правилу приоритетно действуют как инструмент внешней политики, в то время как охранные структуры преимущественно ориентируются на внутренний рынок. В-третьих, значительный эффект оказывают особенности национальных законодательств, формулирующие собственные требования к именованию видов компаний, действующих в сфере обеспечения безопасности.

Классические ЧВК в большей степени заимствуют принятые в вооруженных силах правила, порядки и особенности иерархии. Кроме того, на основании опыта вооруженных сил выстраивается методика выполнения поставленных задач. Фактически, в данном случае уместно утверждать о переносе имеющегося совокупного военного опыта в частную отрасль. Такие структуры занимаются преимущественно силовыми задачами, требующими задействования вооруженного персонала, оснащенного соответствующим снаряжением и техникой. Также отличительной особенностью компаний данного типа является возможность использования более тяжелых вооружений, не свойственных стандартным охранным компаниям. ЧОК и ЧВОК же по структурным признакам функционируют как классические бизнес-структуры, от которых их отличает военная направленность сферы деятельности.

В отношении термина «частные военные компании» следует отметить отсутствие конкретизированного определения как в международном праве, так и в большинстве национальных законодательств. Значительный прогресс в этой области был достигнут принятием вышеуказанного

Документа Монтрё, однако рекомендательный характер не позволяет должным образом осуществлять его использование в целях полноценного правового детерминирования понятия ЧВК [133]. Кроме того, формализованного определения ЧВК нет и в рамках научных дисциплин, включая политологию, что во многом вызвано продолжающимся процессом становления данного института в мировой политике. Исходя из этого, следует провести структурную операционализацию частных военных компаний как термина, закрепившегося в практической речи.

«Частные» в контексте дефиниции ЧВК определяет их негосударственный характер функционирования. Действуя в рамках официальных контрактов или основываясь в своей деятельности на неформальных поручениях и договоренностях с представителями государственных структур, ЧВК в любом случае остаются структурно обособлены от государственных органов. Однако, имеются и определенные исключения, включающие практику подписания сотрудниками двойных контрактов – одновременно и с ЧВК, и с вооруженными силами или иными государственными военизированными формированиями.

«Военные» предполагает указание на ключевое направление деятельности ЧВК – военную сферу. К ней следует отнести как непосредственное ведение боевых действий, так и вспомогательные логистические и инженерные операции, подготовку армейских и полицейских подразделений, а также иные обязанности, возлагаемые на частных подрядчиков.

В то же время это условие не является безальтернативным для категоризации компании как ЧВК. Многие из существующих частных военных компаний не занимаются выполнением военных функций, обеспечивая фактические охранные услуги. Однако, их отнесение к ЧВК связано с действиями в зонах повышенного риска (например, в случае с российской РСБ-Групп) или же столь большой численностью сотрудников и имеющихся материально-технических возможностей (в случае с британской

G4S), что рассмотрение в качестве обычных охранных компаний не отображает всю специфику их деятельности.

Слово «компания» свидетельствует о корпоративной основе функционирования ЧВК. Большая часть таких фирм действует как классические рыночные субъекты, используя в своей деятельности договорные формы отношений с заказчиками. В то же время, существование ЧВК, выполняющих возложенные на них задачи без формального оформления контрактных отношений, предполагает также обстоятельство, при котором слово «компания» используется в отношении общих элементов функционирования ЧВК и их структурных особенностей. Стоит также отметить, что легальный статус не является безальтернативным определяющим признаком для частной военной компании. Так, Группа Вагнера, несмотря на отсутствие регистрации, была полноценной ЧВК (с учетом определенной специфики) [122], в то время как некоторые современные квази-ЧВК, феномен которых будет рассмотрен далее, являются зарегистрированными компаниями, однако по своим функциональным особенностям выпадают из понятия классических ЧВК.

Исходя из этого, частные военные компании всё ещё не имеют устоявшегося определения в официальной государственной и международной правовой практике или в рамках научных дисциплин. Описание ЧВК позволяет определять их как феномен, имеющий соответствующие характеристики и свойства. По мнению автора, частные военные компании представляют собой *негосударственные субъекты в сфере военных услуг и безопасности, которые функционируют на договорной основе как в интересах коммерческих организаций, так и государства, прежде всего в области обеспечения обороны страны и реализации геополитических и геоэкономических целей.*

Авторский подход заключается в том, что ЧВК – это один из видов парамилитарных формирований, связанных как с военизированной, так и с военной деятельностью. Государства, вступающие в договорные отношения

с ЧВК, фактически передают им часть своей легитимности, что выделяет частные военные компании на фоне наемнических подразделений. При этом, договорной характер отношений предполагает отсутствие у ЧВК собственной политической субъектности, что отделяет их от других видов парамилитарных формирований, таких как ополчения, боевые ячейки и вооруженные движения.

В средствах массовой информации, публицистической литературе и общественных дискуссиях зачастую встречаются две наиболее популярные оценки ЧВК, подразумевающие их определение либо в виде «частных армий», либо в качестве «групп наемников». Несмотря на наличие прецедентов функционирования отдельных ЧВК, сопоставимых по своим возможностям с подразделениями вооруженных сил, такая практика представляется скорее исключением из правил. Классическими же целями ЧВК являются поддержка и дополнение армии, в то время как осуществление силовых операций первоочередно предполагает контртеррористический или контрповстанческий характер, а не ведение полномасштабных боевых действий.

Проведение прямых аналогий между наемниками и ЧВК также не является отвечающим действительности явлением. Несмотря на наличие целого ряда схожих черт, главными из которых является коммерческая сторона взаимоотношений между исполнителями и заказчиками процессов, а также присутствие в зонах боевых действий, между двумя этими группами существует системно выявляемая дифференциация. В частности:

- 1) ЧВК представлены организованными, как правило легальными структурами, имеющими официальный правовой статус, либо же существующими как незарегистрированные организации, однако имеющие сопутствующие свойства и характеристики, позволяющие отнести их к устойчивым формированиям. Наемники же выступают в роли слабо организованных групп, преимущественно не имеющих четкой иерархической

структуры, установленного свода правил поведения, а также официальной стороны контрактных взаимоотношений.

2) Ключевой целью подразделений наемников является прямое участие в боевых действиях, в то время как ЧВК используются для реализации широкого спектра задач, в том числе и невоенного характера, включая проведение гуманитарных и спасательных операций.

3) Контрагентами ЧВК являются преимущественно юридические лица, государственные институции или глобальные организации. Заказчиками наемников становятся представители отдельных повстанческих или политических движений, включая радикальные и террористические группировки.

4) Использование ЧВК является политически и общественно приемлемым действием, ассоциируемым с использованием негосударственного военизированного ресурса, в то время как бесконтрольная наемническая деятельность помимо нарушения норм законодательства означает и более широкое распространение потенциальных и фактических нарушений правил ведения войны и обращения с военнопленными и мирными жителями, что в конечном счете формирует негативное отношение к деятельности наемнических формирований со стороны общества. Однако, следует отметить, что действия сотрудников частных военных компаний также могут быть подвержены процессам криминализации [146].

5) Важным отличием ЧВК от наемников является существенная разница в уровне материально-технического обеспечения. Так, крупные ЧВК, ориентированные на нахождение в зонах военных конфликтов или проведение специальных операций, располагают несопоставимо более широким арсеналом вооружений.

Рассматривая классификации частных военных компаний, уместно отобразить типологию, приведённую И.П. Коноваловым. Так, среди видов ЧВК им выделяются:

«1) Компании военных услуг, принимающие участие непосредственно в боевых операциях;

2) Компании консалтинга, занимающиеся обучением и консультированием;

3) Логистические компании, обеспечивающие преимущественно тыловые работы;

4) Охранные компании, выполняющие весь спектр работ по обороне и защите субъектов заказа» [7].

Данная концепция является одной из разновидностей классификаций, основанных на работе Питера Уоррена Сингера «Корпоративные воины». Сам Сингер приводит следующее деление:

«1) Военные компании-провайдеры / поставщики услуг (military provider companies);

2) Военные консалтинговые компании (military consulting companies);

3) Военные обеспечивающие компании (military support companies)» [29].

Ключевым различием является наличие типа охранных компаний, которые Сингер не выделяет в отдельный подраздел. Кроме этого обобщающего разделения по функциям, Сингером приводятся и иные типы классификаций, имеющие, однако, по его мнению, существенные системные недостатки. В частности, одним из видов разделения компаний является их структурирование на активные и пассивные. Активные компании предназначены для ведения боевых действий или иных мероприятий с повышенной степенью риска, пассивные же компании фокусируются на так называемых услугах «второго эшелона» – мероприятиях по поддержке и усилению.

Ещё одно разделение касается более предметного фрагментирования участия в боевых действиях. Так, компании первого типа присутствуют на театре военных действий, однако не вступают в прямое вооруженное противоборство, ограничиваясь мероприятиями по поддержке, оснащению и

обслуживанию сил. Компании второго типа принимают непосредственное участие в военных операциях, однако действуют на уже освобожденных или захваченных территориях, обеспечивая стабилизацию обстановки. Наконец, компании третьего типа действуют на передовой, в единоличном качестве или сообща с другими ЧВК, отрядами или подразделениями вооруженных сил. Такие организации зачастую мимикрируют под подразделения конвенциональных формирований с поправкой на более развитые горизонтальные коммуникации и упрощенную систему управления.

По мнению П. Сингера значимым недостатком подобных видов классификаций является их нестабильность, переменчивость, возникающая на фоне мобильности компаний и их способности к быстрой смене форматов участия в конфликтах. Кроме того, подобная «теоретизация» деятельности ЧВК ослабляется субъективными факторами восприятия их деятельности.

Так, одно и то же действие, представленное, например, в виде установления контроля над ключевыми объектами и стратегическими коммуникациями, может восприниматься другими сторонами конфликта и как стабилизационное мероприятие, направленное на перевод конфликта из состояния горячей фазы, и как непосредственную эскалацию, целью которой является территориальное усиление одной из сторон.

К настоящему времени в зарубежных источниках сформированы и другие виды структурирования частных военных компаний. В частности, уместно обратиться к классификации, представленной Деборой Авант в работе «Рынок силы. Последствия приватизации безопасности» [18]. Так, Авант апеллирует к возникающей необходимости более глубокого анализа не только самих ЧВК как самостоятельных единиц, но в большей степени заключаемых ими контрактов. Целесообразность подобной практики обуславливается тем, что деятельность современных частных военных компаний оказывается столь многофункциональной, что вычленение из неё отдельных контрактов с последующим их анализом представляется более ценным, чем попытки классифицирования компаний в целом.

На основании этого Авант выделяет в качестве двух системообразующих групп контрактов военные (вооруженная и невооруженная поддержка военных формирований, а также комплекс функций в области консалтинга, логистики и иных форм поддержки вооруженных сил) и полицейские функции (комплексная поддержка полицейских подразделений, консалтинг, вооруженная и невооруженная охрана).

Несколько иная классификация была представлена Николасом Дью и Брайаном Хадженсом в исследовании «Эволюция частного военного сектора» [95]. В частности, ими выделялись следующие разновидности услуг, оказываемых частными военными компаниями:

- прямое участие в операциях;
- программы консультирования;
- логистические услуги.

В то же время, существенным ограничением рассматриваемых классификаций является их относительность – так, современные ЧВК, как правило, специализируются на оказании широкого перечня услуг, включая как боевые, так и вспомогательные действия. Кроме того, услуги одних и тех же ЧВК могут контрактроваться как государственными и коммерческими заказчиками, так и частными лицами.

С учетом ценности существующих классификаций, по мнению автора, является необходимым привести классификацию частных военных компаний, основанную не только на типах оказываемых услуг или видов их контрагентов, но и на организационных структурных особенностях самих ЧВК. Выделение таких критериев как «устойчивость» и «легальность» позволяет выявить ключевые компоненты организационной структуры действий, направленных на поддержку государства. Исходя из этого, по типу правового статуса частные военные компании могут быть разделены на *корпоративные* и *некорпоративные*.

К числу корпоративных ЧВК относятся структуры, имеющие официальную регистрацию, а также при необходимости лицензию, соответствующую профилю их деятельности. Значимым обстоятельством их использования является контрактное обслуживание услуг, подразумевающее договорной характер отношений между частной военной компанией и заказчиком. Стороной контракта со стороны ЧВК в обязательном порядке выступает сама компания либо её дочерние структуры. Их практическое значение для заказчиков обуславливается расширенными возможностями, которые данные компании могут предоставить для государственных интересов в сфере безопасности, а также тем, что взаимодействие с ними носит официальный характер. Формализация контрактных отношений подразумевает ответственность сторон и обеспечивает регламентацию проводимых мероприятий в рамках выполнения заказанных услуг.

Некорпоративные частные военные компании представлены формально незарегистрированными организациями. Однако, их деятельность не подразумевает хаотичного, бессистемного вида. Они нанимаются исходя из потребностей государства в обеспечении собственной военной безопасности и безопасности союзников, стремясь к установлению долгосрочной системы взаимоотношений.

Практика конфликтов в XXI веке показывает, что оплата услуг подобных компаний происходит преимущественно посредством выплат сторонним организациям, используемым как средство обналичивания прибыли и компенсации затрат. В частности, подобная ситуация была характерна для зарубежной деятельности ЧВК Вагнер. По оценкам американского Центра передовых исследований в области обороны (C4ADS), значительная часть выплат, осуществляемых в адрес Вагнера в Африканских странах за поддержку безопасности, происходила с участием легальных фирм, ассоциированных с лидером данной ЧВК [90].

Другое направление классификации связано с определением функционального статуса частных военных компаний, в рамках которого

возможно выделение *структурированных* и *гибридных* частных военных компаний.

Структурированные ЧВК, вне зависимости от наличия у них легального правового статуса, представлены устойчивыми организациями, имеющими персональные контракты со своими сотрудниками. Спектр услуг таких компаний при этом практически не ограничен и включает в себя различные направления: от охранных мероприятий и военного консалтинга до участия в боевых действиях.

Гибридные ЧВК представляют более новое явление, связанное с увеличением количества войн и конфликтов, а также ростом их интенсивности. К организациям подобного вида, иногда также именуемых *квази частными военными компаниями*, относятся отряды, группы и подразделения, не имеющие устойчивой внутренней структуры, используемые как средство агрегирования заинтересованных лиц и фактически включаемые в состав вооруженных сил принимающего их государства.

Организации подобного типа в определенной мере используются как промежуточное звено между самими сотрудниками ЧВК и вооруженными силами, включая «активное применение практики двойных контрактов – ситуаций, когда рекруты фактически входят и в состав ЧВК, и в состав подразделений вооруженных сил, национальной гвардии, полиции и других военизированных формирований принимающей стороны» [148].

Отсутствие объективно определяемой точки перехода бойцов из статуса фактических наемников в статус комбатантов (в случае, если такой переход вообще возможно выделить), формирует не только правовую неопределенность, но и отсутствие конкретизации в отношении статуса таких ЧВК в системе обеспечения безопасности государств, что позволяет утверждать о гибридности формата их существования.

Исходя из этого, представляется следующая классификация компаний:

- корпоративные структурированные;
- корпоративные гибридные;
- некорпоративные структурированные;
- некорпоративные гибридные.

Визуализация разновидностей частных военных компаний, типологизированных автором, представлена на рисунке 1.

Источник: составлено автором.

Рисунок 1 – Соотношение параметров легальности и устойчивости компаний к их видам

Несмотря на наличие специфических функций (включая прямое ведение боевых действий, то есть полноценную реализацию функционала вооруженных сил), большая часть услуг, реализуемых ЧВК, выстраивается вокруг обеспечения безопасности представителей государственных и международных структур, физических лиц и экономических агентов. Исходя из этого, функции ЧВК в обеспечении данной задачи могут быть классифицированы по аналогии с уровнями экономической безопасности.

На микроуровне (организация безопасности личности, организации) действия ЧВК сводятся к обеспечению физической защиты охраняемых лиц и предприятий, обеспечивая не только высокую степень защищенности охраняемых контрагентов, но и высвобождая силовые ресурсы государства

для решения более фундаментальных, объемных или стратегически важных задач.

На мезоуровне, подразумевающим региональную или отраслевую безопасность, ЧВК включаются в системные действия, реализуя свой потенциал в области обеспечения комплексной защищенности вверенных объектов. Поддержка региональной безопасности при помощи организаций, не включенных в систему органов власти, становится все более распространенным явлением, формирующимся в условиях необходимости учета территориальной специфики.

Так, в российской практике следует упомянуть создание и развитие в Крыму добровольческого разведывательно-штурмового батальона «Конвой» [57], призванного обеспечить безопасность полуострова в условиях чрезвычайных ситуаций и впоследствии перешедшего под управление Министерства обороны. Кроме того, в Москве в 2023 году в качестве автономной некоммерческой организации была создана Ведомственная охрана Правительства Москвы [37], особенностью которой стало наличие стрелкового оружия и бронированной техники.

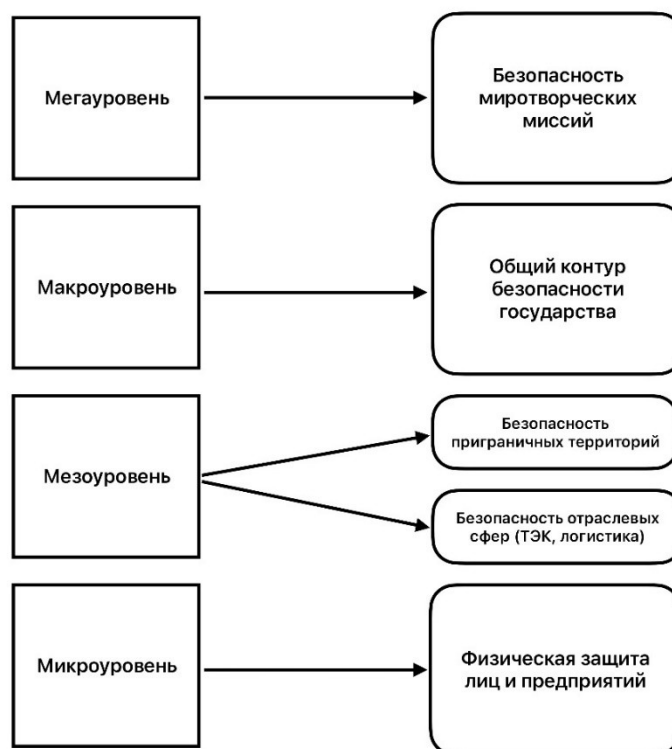
Отраслевая же безопасность приобретает особенное значение в условиях увеличения числа террористических угроз. Наиболее явным свидетельством тренда на формулирование и реализацию основ отраслевой безопасности является складывающаяся практика охраны нефтебаз, включающая постановку сеточных ограждений, развертывание средств радиоэлектронного подавления беспилотных летательных аппаратов, а также создание мобильных групп, оснащенных средствами направленного электронного воздействия и стрелковым оружием для противодействия потенциальным угрозам.

Макроуровень представлен вопросами обеспечения безопасности государства в целом, что подразумевает необходимость системного рассмотрения деятельности частных военных и охранных структур,

синергетический эффект от действия которых призван внести значимый вклад в обеспечение национальной безопасности.

На мегауровне, включающем межгосударственную региональную и международную проблематику, деятельность ЧВК становится направлена на поддержку миротворческих миссий, операций под эгидой ООН, включая обеспечение безопасности, действия по разминированию и контролю за ключевыми локациями.

Сопоставление ключевых уровней обеспечения безопасности и реализуемых функций ЧВК представлено на рисунке 2.

Источник: составлено автором.

Рисунок 2 – Сопоставление уровней обеспечения безопасности и функций ЧВК

ЧВК вовлекаются в широкий спектр задач, связанных с обеспечением безопасности на всех уровнях заказчиков – от отдельных физических и юридических лиц до межгосударственных объединений. Определяющим фактором целесообразности и эффективности применения ЧВК в данном случае является их способность к скрытому развёртыванию. Ввиду

доступной материально-технической базы и более простых принципов организации логистики по сравнению с вооруженными силами, частные военные компании способны перебрасывать персонал посредством обычных коммерческих воздушных, железнодорожных или морских рейсов, а также другими путями гражданского сообщения, не влекущими за собой привлечение внимания со стороны общественности или специальных служб иностранных государств.

Также, простота материально-технической базы обуславливает возможность её наличия на местах. Сотрудники ЧВК могут выезжать в регионы выполнения задач фактически без вооружения и экипировки, мимикрируя под гражданских лиц, а затем, оказываясь в зоне конфликта, получать необходимую технику и амуницию. Например, как в случае с представителями ЧВК Вагнер, задержанными в Белорусии в 2020 году, и ожидавшими вылета в Венесуэлу (впоследствии оказалось, что прилет вагнеровцев был осуществлен обманным путем в рамках спецоперации украинских спецслужб «Авеню», получившей в СМИ название «Вагнергейт») [87].

Другим важным преимуществом ЧВК в контексте их использования как средства достижения целей государственной политики является избегание международных политических и репутационных рисков, связанных с возложением ответственности на государства за применение ими военной силы. Частные военные компании ввиду присущего им статуса, подразумевающего автономность не только в фактическом, но и в правовом плане, не могут быть однозначно аффилированы с государством. В то же время подобная правовая неопределенность одновременно является и слабой стороной ЧВК, обеспечивая их меньшую подконтрольность.

Также, частные военные компании призваны решать вопросы снижения репутационных рисков государства внутри самого общества, снижая градус эмоционального и политического напряжения в условиях принятия участия конвенциональных вооруженных сил в военных

конфликтах. Подобные обстоятельства связаны и со способностью ЧВК концентрировать и канализировать милитаристскую энергию общества, направляя её на реализацию тех задач, которые государственные институты считают наиболее приоритетными.

Анализ действий ЧВК с позиции их включения в общенациональные процессы и действия, требует применение системного метода. Ключевой и базисной потребностью государства является обеспечение безопасности, значение которой заключается не только в поддержании условий для роста и развития, но и в сохранении государственности как таковой. Исходя из этой необходимости, государственные структуры осуществляют системные действия, направленные на формирование концептуальных основ и механизмов обеспечения безопасности на всех её уровнях.

Одним из наиболее актуальных направлений таких действий является выработка мер в сфере военной политики [119], ключевым компонентом которой является военная безопасность. Согласно Военной доктрине Российской Федерации, военная безопасность определяется как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризующееся отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять» [39]. В свою очередь, меры, направленные на поддержание военной безопасности, определяются и формулируются государством исходя из его военно-политических интересов, включающих в себя как саму потребность в обеспечении безопасности, так и задачи, связанные с реализацией национальных интересов.

Практическая область обеспечения военной безопасности подразумевает под собой меры по формированию, комплектованию и организации военных подразделений для защиты государства, а также его граждан, практическое совершенствование военного строительства, производство соответствующих необходимых материально-технических

средств, а также осуществление мобилизационных мероприятий и действий по линии военно-технического сотрудничества с зарубежными государствами.

Учитывая цели и задачи, стоящие перед государством, обеспечение военной безопасности требует создания соответствующих силовых ресурсов, важной частью которых является *военная организация*, под которой понимается совокупность органов, реализующих свои функции военными методами, а также предприятий научного и производственного контура, обеспечивающих эту деятельность. Последнее, однако, характерно не для всех государств. Так, в западной модели подобные организации ввиду негосударственного характера их учреждения не включаются в состав военной организации. Кроме военной организации применяется термин *организация войск*, являющийся более частным и подразумевающим непосредственное разделение вооруженных сил на основе действующих и создаваемых родов и видов войск.

Военная организация государства в свою очередь подразумевает как минимум два важнейших составных элемента:

- структурный, определяющий систему функционирования военной организации и порядок её деления на составные элементы;
- функциональный, определяющий механизмы обеспечения военной безопасности государства.

Помимо классических вооруженных сил, являющихся основой силовых ресурсов государства, следует рассмотреть понятие *военизированных организаций*, то есть таких структур, которые не включаются в состав вооруженных сил, но могут относиться к силовому компоненту государства и имеют смежные с ним признаки. К числу таких признаков относятся, в том числе, наличие системы званий, приказной порядок, наличие вооружений, специальной техники. Определяющим специфическим элементом таких организаций является наличие специальных

задач, отображенных в соответствующих нормативных документах, для реализации которых и создаются подобные структуры.

В российском законодательстве военизированными организациями являются государственные органы, имеющие право приобретать оружие. Исходя из этого, военизированные подразделения, такие как национальная гвардия государства или специальные подразделения полиции и разведывательных служб, не являются частью вооруженных сил, но, как было отмечено ранее, входят в единую структуру обеспечения безопасности государства. На некоторых видах подобных организаций следует остановиться подробнее.

В отношении внутренних войск следует отметить, что они «представлены во многих государствах, особенно часто в имеющих большую численность населения или продолжительную государственную границу. Подобные факторы определяют необходимость функционирования не только вооруженных сил и пограничной охраны, но и военизированных формирований, которые могут применяться как на постоянной основе (характерно, например, для Российской Федерации, располагающей войсками Национальной гвардии) и использоваться в качестве средств усиления или поддержки других подразделений (полиции в ходе специальных мероприятий, рейдов, или же вооруженных сил в формате поддержки боевых формирований в тыловых районах, обеспечения безопасности стратегических коммуникаций), так и зачастую ситуационно, в наиболее кризисные периоды (характерно в большей степени для Соединенных Штатов Америки), используясь для проведения обширных операций внутри или вне пределов государства. Кроме того, для американского опыта использования подразделений Национальной гвардии характерна реализация мобилизационного потенциала общества через систему резервистов и военных сборов» [148].

Национальная гвардия США по некоторым направлениям фактически дублирует Вооруженные силы, о чем свидетельствует опыт применения её

ударных подразделений в Ираке и Афганистане. Аналогичные меры получают распространение и в других государствах на фоне увеличения числа внешних и внутренних угроз. В частности, в Российской Федерации после событий, связанных с вооруженным мятежом со стороны ЧВК Вагнер, были внесены изменения в закон «О войсках национальной гвардии», установившие право Росгвардии иметь на вооружении тяжелую технику [51].

Одной из наиболее известных разновидностей внутренних войск является жандармерия, распространенная во многих государствах мира, включая Францию, Швейцарию, Грецию, Турцию, Ватикан. Французские подразделения Жандармерии примечательны тем, что находятся в совместном подчинении сразу двух вышестоящих структур – Министерства обороны и Министерства внутренних дел. В их функции входит осуществление роли военной и дорожной полиции, охрана высших должностных лиц Франции и стратегически важных объектов на территории страны, а также обеспечение защищенности общественных мероприятий.

Специальные полицейские подразделения с точки зрения государственной и общественной безопасности представляют ценность своей возможностью поддерживать и восстанавливать конституционный порядок в крупных районах и стратегически важных населенных пунктах. Несмотря на приоритетное внутригосударственное направление деятельности, они могут использоваться и для достижения целей военного характера. В частности, такие подразделения полицейского спецназа как французский GIGN и немецкий GSG 9 неоднократно использовались в зарубежных миссиях, направляясь для усиления воинских контингентов.

Существенное значение для обеспечения общественной и государственной безопасности имеют подразделения специального назначения, находящиеся в составе разведывательных и контрразведывательных структур (ЦСН ФСБ, FBI SWAT), являясь передовым инструментом в борьбе с угрозами террористического характера.

Помимо вооруженных сил и военизированных организаций следует рассмотреть такое явление, как *парамилитарные формирования*, не имеющее однозначного толкования. По своим функциональным признакам они подразумевают под собой милитаризированные (военизированные) структуры, не входящие в состав вооруженных сил. В российской практике, учитывая определенность термина военизированных организаций, к числу парамилитарных формирований относятся негосударственные субъекты. Исторически к ним причисляются казачество и различные дружины, выполняющие функции поддержки общественной безопасности и культурно-нравственного, патриотического воспитания.

В зарубежной же практике парамилитарные формирования определяются преимущественно на основе двух различных трактовок. Исходя из широкого определения, включающего все милитаризированные структуры, не входящие в вооруженные силы, к их числу относятся и вышеупомянутые подразделения внутренних войск, специальные полицейские отряды, а также негосударственные силовые ресурсы. В более узком представлении под парамилитарными формированиями понимаются исключительно негосударственные милитаризированные формы активности. Автор исследования в дальнейшем будет использовать именно эту трактовку, учитывая её совмещенность в отечественной и зарубежной литературе.

Одной из ключевых особенностей парамилитарных формирований, по мнению ведущего исследователя данного направления в российской политологической науке Д.Л. Цыбакова, является их иррегулярность, то есть непостоянный характер активности, зависящий от контекста политической обстановки и степени угроз безопасности. Кроме того, Д.Л. Цыбаков приводит понятие *военизированных общественных организаций* – то есть таких парамилитарных формирований, которые стремятся осуществить транзит от военно-силовых объединений к общественно-политическим, выдвигая соответствующие программы и заявления [33].

Важным обстоятельством применительно к анализу частных военных компаний является то, что не все структуры, определяемые как ЧВК, могут быть классифицированы в качестве парамилитарных формирований. Значительная часть организаций, задействованных в обеспечении вооруженных сил современных государств, выполняет логистические функции, обеспечивает ведение строительных работ, осуществляет ремонт и техническое обслуживание оборудования. Исходя из этого, понятие парамилитарных формирований и частных военных компаний находится в двойственном состоянии по отношению друг к другу. С одной стороны, частные военные компании входят в типологию парамилитарных формирований исходя из своих функциональных и структурных особенностей, являясь их разновидностью. С другой стороны, как отмечено выше, существуют виды частных военных компаний, основанных на принципиально иных моделях функционирования.

Многие другие компании, для которых свойственны охранные функции, причисляются к числу ЧВК в силу различных факторов вроде общего количества задействованных сотрудников, расширенной номенклатуры техники, вооружений и средств защиты, а также несопоставимо большего, чем у классических охранных структур, объема финансирования, источником которого являются контракты с государственными и другими частными субъектами.

Исходя из этого, деятельность ЧВК оказывается сопряженной:

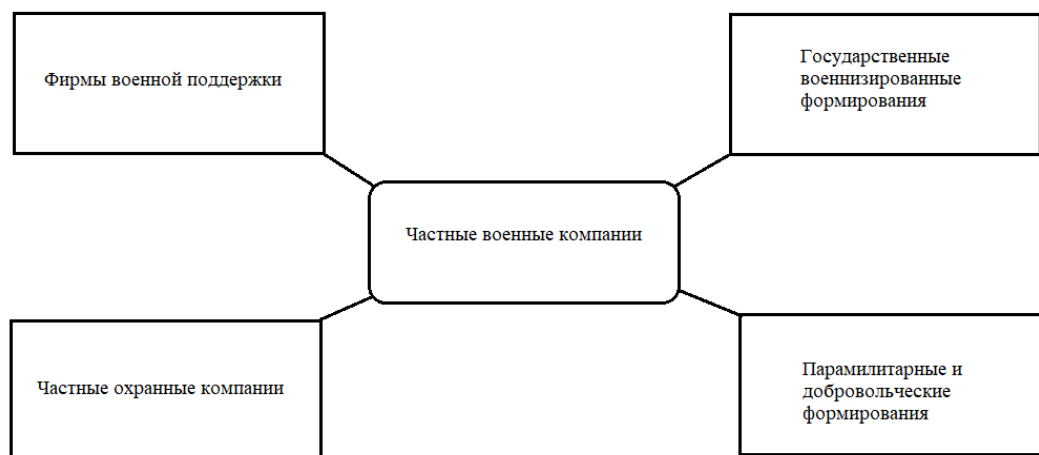
С частными охранными компаниями – в сфере осуществления комплексных охранных мероприятий.

С компаниями-поставщиками вооруженных сил – в сфере технического и технологического обеспечения материальных потребностей.

С вооруженными силами государств и иными государственными военизированными формированиями – в части фактического включения в состав или же в полном сопряжении действий и перехода под единое командование.

С парамилитарными и добровольческими формированиями – в части создания двухмодальных объединений, соединяющих в себе характеристики ЧВК (контрактная система, активное брендингирование) и добровольческих отрядов (фактическое сопряжение действий с вооруженными силами, переход под централизованное управление).

Визуализация подобного сопряжения представлена на рисунке 3.

Источник: составлено автором.

Рисунок 3 – Сферы сопряжения деятельности ЧВК и взаимосвязанных структур

Подводя определенный итог, следует отметить, что деятельность частных военных компаний как составного компонента парамилитарных формирований в современных реалиях значительным образом видоизменяется. С одной стороны, наблюдается отчетливая тенденция на расширение спектра оказываемых услуг. Частные военные компании не ограничиваются сугубо военными функциями, включающими присутствие вооруженных сотрудников, но также привлекаются к поддерживающим, обеспечительным и консалтинговым мероприятиям. Несмотря на наличие определенной предметной специфики каждой частной военной компании по отдельности (от структур, фокусирующихся на обеспечении вооруженной охраны до компаний, занимающихся поставкой медикаментов и технических средств), рынок частных военных услуг развивается не только по объемным характеристикам, но и по увеличению числа собственных направлений.

С другой, изменениям оказываются подвержены не только услуги, поставляемые компаниями, но и сами компании на уровне своей внутренней структуры. Если несколько десятилетий назад частные военные компании определялись как зарегистрированные организации, осуществляющие свои действия в так называемой «серой зоне», то к настоящему времени значительная часть подобных организаций пришла к поляризованному состоянию – от крупных коммерческих компаний до квази структур, формально отсутствующих в правовом поле или мимикрирующих под обычные компании, но по своим функциональным характеристикам определяемые как ЧВК.

Важным отмеченным изменением в этой связи представляется и другой ключевой элемент трансформации современных частных военных компаний – усиление их связанности с государственными военизированными подразделениями. Как было отмечено выше, подобная тенденция проявляется в увеличении количества прецедентов фактического включения ЧВК в состав вооруженных сил или иных государственных военизированных формирований, в том числе с сохранением «двойного» статуса, при котором сотрудники компании оказываются связаны контрактными обязательствами как с самой ЧВК, так и с государством-нанимателем их услуг.

В этой связи, представляется уместным вывод о том, что частные военные компании не имеют строго определяемого места в структуре силовых ресурсов государства, обеспечивая реализацию функций, свойственных большому числу иных силовых акторов – от охранных структур и добровольческих формирований до полицейских и военных подразделений. Подобное обстоятельство, однако, свидетельствует не только о сложностях категоризации и классификации частных военных компаний, но и о расширенных возможностях их использования, а также об общемировом тренде на усиление негосударственных силовых инструментов [24]. Распространенность же их привлечения к операциям в свою очередь оказывается напрямую связана с особенностями военно-политического

управления современных государств, демонстрируя значение общей институциональной среды, определяющей частоту, порядок и условия задействования частных военных компаний.

1.2 Концептуальные подходы к анализу деятельности ЧВК

Методологический инструментарий, применимый к анализу явления частных военных компаний как средства продвижения политических интересов, должен отвечать задачам как системного анализа, направленного на выявление общих закономерностей в развитии ЧВК, так и функционального, определяющего контекст их использования в динамике политических процессов.

Являясь элементом внутренней (в части использования для нужд обеспечения общественной безопасности) и внешней (в части реализации функций по обеспечению военной безопасности) политики, частные военные компании традиционно в первую очередь рассматриваются как инструмент проекции силы со стороны государств-регистраторов. Следуя задаче выявления основополагающих, фундаментальных основ функционирования ЧВК как инструмента государства, представляется необходимым обратиться к концепции неореализма, актуализировавшего парадигму классического политического реализма. Основой данной концепции, разработанной американским политологом Кеннетом Уолтцем [30], является утверждение о приоритете государства как института в мировой политике. Согласно Уолтцу, внутригосударственная проблематика политических отношений является более структурированной ввиду наличия независимого арбитра и главной инстанции – самого государства. На международной же арене, в условиях отсутствия формальной иерархической структуры, государства неизбежно стремятся к усилению своих позиций всеми доступными методами, призванными обеспечить им равновесное состояние безопасности. Тем самым, именно государства являются ключевыми инициаторами

глобальных изменений, в том числе и относящихся к процессам обеспечения безопасности.

Ключевыми факторами, обуславливающими действия государства в теории неореализма, являются выраженные потребности в достижении двух системообразующих компонентов: *национальных интересов* и *баланса сил*. Национальные интересы, согласно Уолтцу, являются объективизированными потребностями общества и государства. Подобные интересы проявляются и в политической, и в экономической форме, а также оказываются связаны с достижением целей в других системно значимых сферах развития государства. Баланс сил в свою очередь предполагает систему разделения и распределения совокупной мощи государств на региональные, тематические и иные блоки.

Главной целью установления баланса сил как естественного процесса является недопущение перевеса одной державы либо группы держав над другими, что подразумевает риски излишнего политического давления, выражаемого в покушении на суверенный статус других государств. Достижение такого баланса не может производиться ведущими государствами исключительно своими силами – для его построения необходимо привлечение союзников и установление протектора над более слабыми государствами, попадающими в зону влияния ведущих держав.

Ключевым параметром в анализе поведения государств как участников глобального политического процесса Уолтц считает эффект структуры – совокупность распределений возможностей государств в условиях анархичности системы международных отношений. Подобное распределение ролей в системе мировой политики при этом оказывается во взаимовлияющем положении и с внутренней политикой государств, определяя, в частности, особенности развития вооруженных сил и других структурных компонентов обеспечения национальной безопасности. В то же время, в отличие от классического реализма, постулировавшего приоритетное значение совокупной военной мощи, парадигма неореализма

по Уолтцу предполагает учет совокупного статуса различных сфер государства, включая также значение политических, экономических, социальных и иных факторов.

Другим ключевым понятием неореализма стала *дилемма безопасности* – состояние, в рамках которого стремление одного государства к обеспечению собственной безопасности и принятию соответствующих мер приводит к тому, что другие государства воспринимают подобные мероприятия как угрозу уже собственной безопасности, формулируя необходимость принятия ответных мер. Как следствие, обоюдное усиление государств и наращивание ими своего военного потенциала постепенно приводит к развитию конфликта, который изначально не был целью ни одного из них. Подобное развитие событий, конструируемое государствами, стремящимися к уравниванию системы безопасности, приводит к открытой эскалации, требующей дополнительного урегулирования.

Впоследствии, данный методологический подход получил название *оборонительного реализма*, в то время как ряд исследователей, включая, в частности, Джона Миршаймера [26], развили в рамках неореализма другое направление – *наступательный реализм*. Возвратившись во многом к классическим положениям теории политического реализма, наступательный реализм стал апологетикой дальнейшего усиления силового компонента государств и более активного инициирования агрессивных внешнеполитических мероприятий. В свою очередь, потребность во введении подобного теоретического концепта была продиктована возросшим числом конфликтов и террористических угроз на рубеже XX–XXI веков.

Одним из ключевых направлений для рассмотрения в рамках наступательного реализма стал вопрос выстраивания стратегических концепций внешней политики. В то время как оборонительный реализм выделял в качестве приоритета кооперационные стратегии, парадигма наступательного реализма учитывала первоочередную необходимость конфронтации как средства достижения состояния защищенности

государства. Миршаймер, в частности, указывал на сходство между человеческими эмоциями и государственными приоритетами, в определенной мере уподобляя их друг другу. Так, государство, испытывающее страх или опасения по поводу статуса своей безопасности, по Миршаймеру неизбежно должно усиливать собственные экономические и военные возможности для обеспечения самозащиты.

С учетом этого обстоятельства, дилемма безопасности, рассматривавшаяся в качестве ключевого параметра в рамках оборонительного реализма, теряла свою значимость при использовании наступательной парадигмы. Любое нейтральное разрешение упомянутой дилеммы, достигнутое путем кооперации или соглашений, в данном случае стало бы означать ослабление государства и утрату стратегической инициативы. Следовательно, в качестве приоритета обеспечения безопасности устанавливалась экспансия как средство расширения государственных возможностей. В то же время предполагалось, что сами по себе экспансивные устремления не должны становиться основой для вовлечения в неразумные конфликты – к числу таких Миршаймер в частности причислял вторжение в Ирак в 2003 году.

Пересмотру стали подлежать и подходы к определению параметров государственной мощи – как совокупной, так и военной. Отойдя от постулирования необходимости достижения относительной мощи по Уолтцу, Миршаймер описал приоритетность абсолютной мощи – то есть такого состояния, которое позволило бы государству чувствовать себя максимально безопасно в условиях возникающих рисков.

Теория неореализма, классически используемая для отображения внешнеполитической деятельности государств, существенным образом применима и к выявлению системообразующих основ функционирования отдельно взятых государств. Так, опираясь на неореализм, могут быть рассмотрены параметры и тенденции развития сферы обеспечения безопасности государства. В этой парадигме деятельность ЧВК

воспринимается как средство продвижения государством своих военно-политических и иных интересов, для достижения которых возможно обращение не только к конвенциональным формированиям, входящим в официальную структуру государства, но и к парамилитарным образованиям, в число которых входят и частные военные компании. В политическом смысле частные военные компании начинают выступать в качестве инструмента проведения государственной политики, функционируя как на основе заключаемых контрактов с правительственными структурами, так и в случае договорных отношений с частными заказчиками, обеспечивающими реализацию государственных политических и экономических интересов в стратегически важных географических зонах.

Частные военные компании усиливают многокомпонентные возможности государств, являясь новым инструментом, активно дополняющим привычные конвенциональные вооруженные формирования, а также иные государственные военизированные подразделения. Деятельность ЧВК в этом контексте следует определять не как ослабление государств, а как их усиление. Несмотря на передачу полномочий в рамках монополии на насилие, подобный механизм означает для государств большую гибкость и вариативность действий, а также способность к оперативному реагированию на угрозы национальной безопасности. В дополнение к этому деятельность частных военных компаний не приводит к необходимости осуществления соразмерного ответа на их действия со стороны других государств. Такие кейсы, как атака Вооруженными силами США подразделений ЧВК Вагнер в Сирии в феврале 2018 года или вытеснение французских войск из африканских государств представителями того же ЧВК Вагнер показывают, что деятельность вооруженных сил и ЧВК не равна в своем восприятии ведущими государствами. В частности, указанные ситуации, несмотря на их существенное значение «на земле», не привели к одномоментному осложнению отношений между странами-участниками процесса.

Частные субъекты военной политики в этом контексте являются отдельным инструментом со своей ограниченной зоной ответственности. То есть, за действия, направленные на ослабление одного государства, в большей степени отвечают сами ЧВК, но не власти другого государства напрямую. Данным обстоятельством достигается разрешение проблемы, связанной с дилеммой безопасности. Само же государство в свою очередь устанавливается безальтернативным источником развития частных военных компаний, инициируя их создание напрямую либо же обеспечивая институциональное поле их функционирования. Кроме того, такие компании являются неотъемлемой частью реализации политических интересов государства, обращенных к потребностям в достижении целей военной политики и общественной безопасности.

Применительно к данному исследованию автор опирается на теорию неореализма в контексте её способности объяснять не только глобальные процессы, но и механизмы, происходящие внутри самих государств и формулируемые на основании сочетания определяемых потребностей, целей, интересов и угроз [8]. Рассматриваясь с позиций неореализма, ЧВК действуют как инструмент достижения объективных, структурных интересов государства, отображающих стремление к обеспечению национальной безопасности и защите государственных интересов. В то же время практика использования ЧВК показывает, что их применение зачастую является результатом конструируемых действий, возникающих на фоне субъективной оценки угроз и опасностей. В этом отношении уместно обратиться к теории секьюритизации, разработанной Копенгагенской школой и призванной отображать порядок и специфику управляемых политических процессов.

Теория секьюритизации получила активное распространение в 1990-е годы на фоне изменений в глобальной политике, связанных с повышенным влиянием религиозных, этнических, социально-экономических и иных факторов на политические действия, осуществляемые ведущими государствами. Разработка концепции послужила попыткой вынести

проблемы безопасности за пределы исключительно военной сферы и придать ей более широкое наполнение, учитывающее влияние различных аспектов развития общества и государства. Данное наименование было впервые использовано в 1990-е годы Оле Вейвером, датским политологом и специалистом в области международных отношений, а также Барри Бузаном, профессором Копенгагенского института исследования мира [19]. Фокусируясь на многостороннем анализе государственных и негосударственных институтов, теория секьюритизации во многом положила теоретическое начало под концепт существования новых форм обеспечения безопасности, к числу которых могут быть отнесены и современные частные военные компании.

В рамках данной концепции подразумевается существование объективных факторов, которые при прохождении ими оценки со стороны соответствующих структур получают наименование угроз. В дальнейшем данные угрозы подвергаются двум принципиально важным процедурам: *политизации* и *секьюритизации*. Политизация подразумевает вынесение темы или проблемы, указывающей на угрозу, в разряд актуальных и обсуждаемых в обществе. То есть, помимо объективной стороны угрозы, имеющей военное или иное значение, добавляется субъективное, означающее контекстуальную основу принимаемых в дальнейшем решений. Секьюритизация же означает набор принимаемых мер и действий, направленных на купирование угрозы, её ликвидацию или создание предпосылок для её нераспространения. Структурными компонентами такого процесса становятся:

- актор, субъект секьюритизации (сторона, выдвигающая проблему в ранг угрозы);
- объект секьюритизации (непосредственная угроза, рассматриваемая актором в качестве существенной или экзистенциальной);
- аудитория (участники политического процесса, такие как общество в целом, отдельные группы и индивиды, и принимающие объект

секьюритизации как проблему, требующую осуществления практических действий, или задействованные в её решении).

Актор может быть представлен не только государством в целом, но и отдельными политическими и бизнес-элитами или иными группами интересов. Однако, ввиду того, что конечное определение принимаемых мер первоочередно остается за высшим военно-политическим руководством, теория секьюритизации по отношению к анализу ЧВК также может быть обозначена как государствоцентричная.

Ключевым элементом модели секьюритизации представляется понятие дискурса. Основываясь на теории речевых актов, секьюритизация предполагает использование иллокутивного акта, отображающего целевое содержание дискурса. Подобная модель наглядным образом демонстрируется на примере войны с терроризмом, объявленной властями Соединенных Штатов Америки после атак 11 сентября. Угроза, получившая фактологическое измерение, была вынесена в публичную плоскость. Обсуждение необходимых к принятию мер стало направлением дискуссий политических партий, профильных экспертов, средств массовой информации и самих граждан. Далее, основываясь на консенсусном состоянии общества, обосновывающим необходимость ведения непримиримой борьбы с терроризмом, военно-политическим руководством были определены мероприятия, включающие военные контртеррористические операции, сопряженные с активным задействованием частных военных компаний.

Изменение дискурсивной среды в отношении борьбы с терроризмом при этом характерным образом повлияло и на восприятие террористической угрозы в тех регионах, где ранее она или отрицалась или существенным образом преуменьшалась. В частности, после атак 11 сентября изменилось и отношение США к событиям на Северном Кавказе, которые ранее воспринимались как внутривнутриполитический и в некоторой степени гражданский конфликт. С учетом же изменившейся конъюнктуры борьба с

вооруженными группировками начала рассматриваться как противодействие явным экстремистским и террористическим сообществам.

Другим одним из наиболее характерных примеров возможности применения теории секьюритизации к политическим процессам является проблематика миграции населения из Мексики в США. Хотя сам факт физического перехода мигрантов, а также транспортировки наркотиков и оружия через границу существовал независимо от особенностей внутренней политики США, именно характер правящей партии формулировал как определяемый уровень чрезвычайности этой проблемы, так и меры, требуемые для её преодоления. В частности, могут быть выделены по меньшей мере две стадии, связанные со сменой администраций:

- отсутствие приоритетного государственного внимания к проблеме и сопутствующих крупномасштабных мер по её урегулированию в администрациях Барака Обамы и Джо Байдена;

- вынесение проблемы в ранг экзистенциальной угрозы и принятие сопутствующих мер регулирования, включая привлечение частных подрядчиков для обеспечения безопасности границы во время первого и второго президентских сроков Дональда Трампа.

В данном случае указанная теория позволяет рассмотреть ЧВК как важных участников проведения государственной политики в области безопасности. Также важным элементом теории секьюритизации является то, что государство, в случае наличия прямых угроз его устойчивому и стабильному функционированию, имеет возможность принимать решения, расходящиеся со стандартными и ранее установленными процедурами. На практике подобные действия могут подразумевать использование гибридных элементов, не входящих в официальную структуру государственных органов. Исходя из этого, открывается доступ к привлечению ЧВК к обязанностям вооруженных сил или иных военизированных структур. Государство в рамках этой концепции выступает как актор процессов, его инициатор;

проблемы, требующие осуществления действий, являются объектом секьюритизации; общество и сами ЧВК – аудиторией процесса.

На основании указанных выше особенностей представляется целесообразным рассмотрение деятельности ЧВК через призму обеих представленных концепций. Неореализм этом контексте отвечает за объяснение фундаментальных, базисных причин использования военных подрядчиков, связанных с необходимостью перехода к более эффективным и при этом менее осуждаемым со стороны других государств средствам проекции национальных интересов и обеспечения безопасности, в то время как теория секьюритизации позволяет рассмотреть политический контекст использования ЧВК, основанный на формулировании и политизации угроз, установленных в качестве основных в общественно-государственном дискурсе.

В то же время многофакторность процесса развития частных военных компаний обуславливает возможность их анализа через призму и других теорий. Основываясь на этом, представляется целесообразным провести обзорный анализ ключевых концепций, применимых к предметному рассмотрению аспектов существования и развития ЧВК в современном мире. К числу таких концепций, по мнению автора, могут быть отнесены модель принципала-агента, инструментализм и конструктивизм.

Модель принципала-агента, изначально появившаяся в рамках экономической науки, в дальнейшем распространилась на политологию и теорию международных отношений [157]. Смысловое содержание данной концепции выстраивается вокруг анализа взаимодействия двух ключевых участников процесса договорных отношений: агента, то есть исполнителя тех или иных действий, и принципала, являющегося их заказчиком. Подобная парадигма предполагает передачу агенту не только обязанностей по выполнению конкретизированных действий, но и определённой степени самостоятельности в решении государственных целей и задач. Во многом такая передача связана не только с наличием у агента более

квалифицированных и подходящих ресурсов для выполнения конкретной задачи, но и с асимметричностью информации между сторонами, заключающейся в том, что ЧВК обладают фактическими данными об обстановке в зонах конфликтов, подбирая необходимые способы достижения целей, определяемых заказчиками.

Фактически, данная тенденция выражается в том, что государство, выступающее заказчиком услуг частных военных компаний, то есть принципалом, согласует основополагающие, ключевые условия исполнения контрактов, необходимых ему для достижения собственных целей. В то же время особенности их практической реализации, связанные с анализом обстановки и принятия решений на местах, возлагаются на агентов – ЧВК.

В данном контексте частные военные компании не только реализуются в качестве инструментов исполнения установленных целей и задач, но и получают роль самостоятельных акторов, имеющих возможность разрабатывать и претворять программы действий. На практике подобные действия могут сводиться к тому, что ЧВК самостоятельно определяют способы и нормы деятельности в заданных обстоятельствах. Подобные решения могут носить не просто локальный характер, но и становиться правилом как для других ЧВК, так и для государственных военизированных институций, заимствующих у частных военных компаний методы управления и подходы к исполнению задач. Кроме того, через данную теорию могут быть рассмотрены не только внутрикорпоративные основы формирования и функционирования частных военных компаний, но и внешний контур их деятельности, подразумевающий переговорный процесс с контрагентами – заказчиками услуг, включая как другие частные компании, так и государственные структуры зарубежных стран. Подобная свобода выбора, присущая скорее экономическим игрокам, нежели военизированным структурам, во многом также является свидетельством того, что ЧВК являются по своему уникальным элементом обеспечения национальной

безопасности и продвижения государственных интересов, имеющим, однако, существенные ограничения.

В разрезе модели принципала-агента зачастую встречается тезис о том, что частные военные компании фактически используются как средство для ведения «войны по доверенности», что подчеркивает их роль как инструмента проведения государственной политики. В то же время, как и в случае с любым иным делегированием полномочий, в отношении частных военных компаний неизбежно возникает необходимость анализа проблемных направлений деятельности.

Одним из ключевых негативных явлений, рассматриваемых с позиции теории принципала-агента, является экономическая и политическая эгоистичность агента, незаинтересованного в полном устранении решаемых им проблем. Так, деятельность многих ЧВК, активно использующихся в зонах вооруженных конфликтов, сводится не к созданию условий и предпосылок для их разрешения, а к ситуативным мерам, которые, с одной стороны, не позволяют конфликтам выйти за уже сформированные рамки, но в то же время и не разрешают их, что делает частные военные компании заинтересованными лицами, чьи действия влияют на динамику конфликта. В отличие от государств и международных институций, стремящихся к разрешению противоречий и достижению выгодных позиций с точки зрения национальных интересов, частные подрядчики в большей степени склонны к деятельности в условиях тлеющих конфликтов, обеспечивающих стабильный поток заказов.

В качестве другого важного направления рассмотрения деятельности частных военных компаний может быть выделен инструментализм. Изначально являясь направлением в философии науки, инструментализм в дальнейшем получил политическое измерение, обозначающее процесс воздействия актора на объект посредством структурированных и заранее определенных действий. Кроме того, подобное воздействие подвергается оценке и анализу с целью последующей корректировки предпринимаемых

действий. Рассматриваясь как инструмент реализации государственных целей и задач, частные военные компании находятся в зоне зависимости от внешних акторов на всех этапах своей деятельности: от регистрации и набора персонала до исполнения контрактных обязательств и купирования потенциальных рисков, что обуславливает особенности их структурирования в системе национальной безопасности государств [149].

Важным обстоятельством в этой связи представляется то, что инструментализм не отвергает возможность анализа самостоятельных действий частных военных компаний, осуществляемых ими в рамках полномочий или путем выхода за их пределы, однако определяет подобные действия как изначально запланированные. В случае, если деятельность ЧВК становится деструктивной применительно к изначально поставленным задачам, то с позиции инструментализма выраженной необходимостью является не только купирование непосредственных последствий таких действий, но и выработка новой системы институциональных подходов, обеспечивающих недопущение подобных ситуаций в дальнейшем. На практике такие мероприятия были реализованы, в частности, после вооруженного мятежа ЧВК Вагнер, приведшего к коррекции системы функционирования российских частных военных компаний. Другим примером следует считать реформирование системы контроля за американскими ЧВК на территории Ирака, связанного с рядом резонансных случаев, подпадающих под классификацию военных преступлений.

Кроме того, посредством инструментализма определяется функция ЧВК как полноправного структурного элемента силовых ресурсов государства. В этом контексте можно утверждать, что современные государства всё чаще доверяют исполнение своих задач коммерческим структурам ввиду их большей гибкости, оперативности, а в отдельных случаях и повышенной степени эффективности. Государство при этом не удаляется с политической арены, оставаясь главным модератором стратегических процессов. Частные подрядчики при этом образуют

своеобразный пул компаний, которые могут быть задействованы государством на постоянной основе. Властные институты в этой парадигме стремятся к поиску надёжных постоянных контрагентов, с которым они могут выстраивать доверительные долгосрочные отношения. Причём характер подобного взаимодействия может быть крайне широким и включать как большие временные промежутки, так и предполагать значительный объем бюджетирования, выделяемого на соответствующие отрасли. Соответственно, рассматриваясь с точки зрения инструментализма, частные военные компании утверждаются в роли института, призванного забрать на аутсорсинг часть государственных услуг там, где это обеспечивает повышение степени эффективности проводимых мероприятий и при этом находится в параметрах, определяемых государственными институтами, не выходя за их пределы. Частные военные компании в этом контексте не являются противопоставлением государственным органам, а выполняют функции по их дополнению, но не вытеснению.

Реализуя отдельные, пусть и объемные направления услуг, частные подрядчики не оказывают влияние на центральную, основную линию действий государственных органов военной политики, а именно на такие направления как стратегическое планирование и вопросы формирования доктрины и концепции развития вооруженных сил и достижения военно-политических целей. ЧВК в данном случае рассматриваются как менее бюрократизированный институт с присущей ему модернизированной иерархической структурой, который может быть задействован для достижения государственных целей.

Также применительным к анализу частных военных компаний как феномена в мировой политике является конструктивистский подход. Содержание данной концепции подразумевает, что на систему международных отношений оказывают влияние не только сложившиеся материальные факторы, но и социально-культурные, идеолого-политические, нормативно-ценностные и другие установки и элементы. Частные акторы,

действующие в области военных и охранных услуг в данном контексте получают свои полномочия и возможности, исходя из контекста общественного развития, допускающего переход к наемным подразделениям, в частности, с целью снижения градуса антимилитаристских настроений.

Конструктивизм также позволяет рассматривать взаимодействия государства и ЧВК с позиции личных отношений между должностными лицами. Особенности функционирования частных военных компаний предполагают тесное взаимодействие между их руководством с одной стороны и представителями органов политического и военного управления с другой. Исходя из этого, сам процесс развития ЧВК оказывается связан не только с реалистическими условиями необходимости в них, но и с качеством социальных практик, сложившихся в результате вышеуказанного взаимодействия. Кроме того, подобная форма зависимости не только возникает из взаимодействия с конкретным контрагентом, но и находится в прямой связи от общей системы военно-политических факторов и особенностей, применимых к конкретному государству.

Несмотря на приоритетные военные функции, к услугам ЧВК относятся и мероприятия небоевого характера – обеспечение тыла, подготовка солдат, силовая поддержка гуманитарных миссий, разминирование и иные функции, призванные, помимо прочего, расположить к себе местное население. Исходя из этого, именно повышенные возможности частных военных компаний и широкий спектр предоставляемых ими услуг позволяет рассматривать их одновременно и как прямой, силовой инструмент, и как средство обеспечения мероприятий, относящихся к категории гуманитарных (*winning hearts and minds*). Данное обстоятельство подчеркивает гибридный характер действия частных военных компаний и их способность приспосабливаться к быстроменяющимся запросам государственных институций и частных контрагентов.

Подобное обстоятельство определяет страновую специфику, которая учитывается частными военными компаниями. В частности, действия

подрядчиков в Ираке и Афганистане зачастую согласовывались не только с государственными институтами, но и с локальными лидерами, от взаимодействия с которыми зависела безопасность самих контрактников. Следовательно, функциональность частных военных компаний зависит как от непосредственных элементов связанной с ними военной, социальной, политической и экономической среды, так и от общего формата развития общества и его институтов.

Краткое содержание таких теорий применительно к анализу частных военных компаний представлено в рамках таблицы 1.

Таблица 1 – Соотношение объяснительных теорий и их применимости к анализу ЧВК

Теория	Исследовательская ценность
Неореализм	Объяснение системных факторов развития ЧВК как силового инструмента государства
Теория секьюритизации	Определение механизмов субъективизации политических интересов, следствием которых является привлечение ЧВК к реализации государственной политики
Модель принципала-агента	Выявление ключевых особенностей и проблем взаимодействия государственных институтов и ЧВК по линии заказчик – исполнитель
Инструментализм	Определение характеристик ЧВК как института в системе силовых ресурсов государства
Конструктивизм	Выделение не прямых функций ЧВК как значимого компонента их функционирования

Источник: составлено автором.

На основании изложенного представляется, что широта концептуальных подходов к анализу предметного поля существования и функционирования ЧВК является свидетельством их неоднородного характера, зависящего от внутренних факторов самих государств, особенностей военно-политического управления, а также изменений социально-экономического и культурно-ценностного характера, в равной степени определяющих особенности использования гибридных инструментов проводимой государствами политики. По мнению автора, ни одна из указанных теорий не может единолично объяснить механизмы отношения современных государств к использованию ЧВК. Методологическое определение ЧВК, являющихся гибридным

инструментом, требует столь же разнопланового подхода. Значительная часть теоретических исследований, направленных на анализ негосударственных силовых институций, концентрируется вокруг их роли в структуре международных отношений, в меньшей степени концентрируясь на рассмотрении их как составной части государственного инструментария. Кроме того, зачастую встречается оценка ЧВК как равноправных самостоятельных акторов, развивающихся в неолиберальной парадигме горизонтальных связей с государством. В этих условиях представляется необходимым дальнейшее теоретическое осмысление подходов, фокусирующихся на рассмотрении вертикально интегрированной связки отношений и непосредственного использования государствами военных подрядчиков.

Сами же ЧВК при этом остаются в стадии своего активного развития, результатом чего является перманентное изменение форматов деятельности, появление новых типов компаний, а также процессы как усиления, так и ослабления их роли в зависимости от конкретно рассматриваемых государств. Исходя из этого, определение фундаментальных теоретико-методологических подходов к анализу ЧВК является попыткой не только систематизации их изучения, но и выстраивания моделей их дальнейшего развития.

1.3 Политические интересы государства как факторы деятельности ЧВК

Помимо своего непосредственного военного значения, определяемого категориями боевой эффективности, ЧВК являются средством достижения политических интересов государства. Следовательно, для рассмотрения частных военных компаний как явления, применительного к теме исследования, необходимо операционализировать понятие *политического интереса*, являющегося фундаментальной основой причин их использования.

Политический интерес как термин предполагает под собой обозначенную совокупность целей и задач политических акторов. При этом подобные цели и задачи возникают исходя из существующих или потенциально необходимых потребностей, реализация которых требует осуществления практических действий. Политический интерес является центральным звеном политического поведения, определяя механизмы достижения ожидаемых результатов. Понятия объективности и субъективности применительно к политическим интересам выстраиваются в зависимости от типа формулируемых целей и задач. Так, если планируемые мероприятия упрочняют позиции отдельных групп во власти, их можно отнести к субъективным, направленным на реализацию частной инициативы. Объективные же политические интересы возникают из осознаваемых потребностей, влияя на общий контекст развития государства.

Объектами политического интереса считаются такие составляющие, как:

- власть как форма организации отношений в обществе;
- функциональные механизмы реализации властных полномочий;
- политическая деятельность индивидов, групп, объединений, партий;
- политический аппарат;
- политическая элита.

Субъектом политического интереса применительно к настоящему исследованию является государство как первичный источник власти и принимаемых решений, влияющих на общественное развитие. Следует отметить, что объективные государственные интересы основываются на необходимости достижения консенсусного статуса, при котором в определенной степени удовлетворяются потребности различных социальных слоев, групп населения, а также формальных и неформальных политических и экономических элитных групп.

Также, специфической особенностью, связанной с государственными политическими интересами, является стратегическое целеполагание,

составные части которого по длительности своей реализации могут превосходить период политической активности их инициаторов. Исходя из этого, формируется запрос на выстраивание системы устойчивого государственного управления, обеспечивающего реализацию политических интересов при смене представителей правящей элиты.

В то же время политические интересы государства могут носить и стихийный, ситуационный характер, оказываясь связанными с текущей конъюнктурой и вызовами, требующими немедленной реакции. Учитывая эти обстоятельства, государства формируют инструментарий достижения собственных целей и задач, имеющих как краткосрочный, так и долгосрочный характер.

Анализируя понятие политического интереса, как и в случае с общими тенденциями развития ЧВК, следует обратиться к ранее упомянутой в исследовании теории политического реализма. В качестве одного из основателей данного направления следует отметить Ганса Моргентау [27], внесшего значимый вклад в развитие политологии как научной дисциплины. Национальные интересы в представлении Моргентау являются концентрированным выражением власти и могущества государства, определяя направления проводимой политики. При этом такие интересы имеют динамический характер, находясь в зависимости от обстоятельств внешней среды и существующего исторического контекста. Исходя из этого, образуется связь между условиями развития государства и определяемыми приоритетами. Кроме того, согласно Моргентау именно интересы определяют государственную политику, а не субъективные идеи и представления отдельных лиц.

Применительно к проводимой государством политике Моргентау выделял три базовые модели:

- 1) Политика, направленная на сохранение, поддержание власти.
- 2) Политика, направленная на усиление власти и наращивание ресурсов, в том числе политических.

3) Политика, направленная на демонстрацию силы.

Сами интересы, в свою очередь, являются стандартом, за определением которых следует анализ дальнейших действий. Схожая оценка озвучивается советско-канадским ученым Олегом Ариным (Алексом Бэттлером) [108]. Согласно разработанной им схеме выработки концепции национальной безопасности государств, на первом этапе непременно должны стоять определяемые национальные интересы, вокруг анализа и интерпретации которых уже происходит процесс обозначения реальных или потенциальных угроз, за которым следует выработка конкретных политических мер.

Однако интересы имеют двунаправленное отношение к целям, определяемым на их основе. С одной стороны, цель является производной от интереса – то есть конечной точкой его достижения. С другой стороны, понятие цели зачастую размывается и видоизменяется до состояния интереса. Например, развитие совокупной военной мощи государства может рассматриваться и как национальный интерес, имеющий самостоятельную ценность, и как цель, достижение которой необходимо для реализации других задач. Самим же Моргентау в качестве ключевых задач выделялись власть, сила и выживание – категории, которые в равной степени могут рассматриваться и в виде ключевых определяемых потребностей государства, и в форме прикладных направлений политических действий, реализуемых посредством механизмов накопления, усиления и использования ресурсов соответственно.

Канадским политологом Калеви Холсти [22] выделяются следующие типы целей:

- 1) Фундаментальные (стержневые), включающие вопросы безопасности, суверенности и независимости государства.

- 2) Среднесрочные, подразумевающие взаимодействие с союзническими блоками, усиление экономических возможностей, экстерриториальное развитие.

3) Перспективные цели, определяющие стремления государства.

Классификация интересов, сформированная Институтом стратегических исследований Университета национальной обороны США, предполагает разделение на подгруппы, дифференцированные по признаку обязательности применения военной силы [73]. Так, в качестве первой категории выделяются интересы *выживания*, включающие потребность в защите от внутренних и внешних угроз. Достижение и обеспечение подобных интересов является столь значимым приоритетом, что не подразумевает ограничений на использование силы. В рамках второй подгруппы выделяются *жизненно важные* интересы, подразумевающие поддержание лидерства США в мире. Их обеспечение, в свою очередь, является приоритетным, но не безусловным и зависит от характера политического контекста. Наконец, в рамках третьей группы выделяются *важные* интересы, включающие международные обязательства и не подразумевающие полноценного применения силы.

Несмотря на специфику данной классификации, основанной на выявлении оснований для применения военной силы, она является важным подтверждением необходимости дифференцированного подхода к интересам государства. Общей же характеристикой рассмотренных классификаций является их трехступенчатая структура, включающая в зависимости от используемых формулировок критические, важные и перспективные направления.

Следует отметить, что отнесение каких-либо интересов (целей) к перспективным не означает автоматически, что на них будет обращен меньший фокус государства, чем на среднесрочные и фундаментальные. Так, зачастую военные конфликты начинаются и развиваются на фоне субъективного или некорректного анализа угроз и стремлений государства.

К числу таких прецедентов следует отнести, например:

1) Войну во Вьетнаме, основанную на теории об «эффекте домино» в отношении государств Юго-Восточной Азии, и приведшую к несоразмерно большим затратам и потерям американской армии.

2) Агрессию Ирака против Кувейта, ставшую следствием, в том числе, недооценки возможностей и политической воли применения военной силы со стороны государств международной коалиции.

3) Операцию Аргентины против малозначимых Фолклендских островов, имевшую сугубо политический характер и приведшую к закономерному военному поражению от Великобритании.

Соответственно, само по себе формулирование интересов и целей государства не определяет соразмерность осуществляемых действий. Однако, отсутствие системной классификации интересов обуславливает невозможность анализа государственной политики на предмет её эффективности. Учитывая это, представляется целесообразным при анализе иерархии интересов учитывать политический контекст развития государства и особенности общественного дискурса.

Политические интересы как ключевая составная часть национальных интересов направлены на развитие возможностей государства, поддержание военной и общественной безопасности, а также обеспечение отдельных направлений внутренней и внешней политики. В частности, они могут быть представлены следующими категориями:

- военно-политическими интересами;
- внутригосударственными социально-экономическими интересами;
- международными политическими и экономическими интересами;
- интересами в сфере обеспечения общественной безопасности;
- интересами в сфере идеологического сплочения общества.

Военно-политические интересы являются ключевыми в системе приоритетов государства, формулируя необходимость в проектировании основ государственной и национальной безопасности. Согласно определению Н.Н. Кулаковой, их можно определить как «осознанную

политической элитой потребность в обеспечении военной безопасности, защите суверенитета и целостности страны с использованием военной силы» [32].

В то же время на процессы взаимодействия государств и частных военных компаний влияют не только военно-политические, но и другие интересы. К их числу относятся политические интересы государства в области внутренней политики, основанные на потребностях в стабильности и купировании негативных тенденций общественного развития. Кроме того, такие интересы основываются и на факторах культурного, идеологического развития, влияющих на сферу безопасности и компоненты военной организации.

В современных условиях частные военные компании значительно увеличивают диапазон оказываемых услуг, становясь многофункциональным инструментом достижения государственных целей и задач. Деятельность ЧВК становится важным элементом продвижения государственных интересов, которые связаны с необходимостью поиска способов:

- достижения военно-политических целей в условиях гибридного и прямого межгосударственного противоборства, включая прямое и вспомогательное участие ЧВК в симметричных и асимметричных конфликтах;

- снижения внутренней конфликтогенности общества, связанной с возможностью человеческих потерь в военной деятельности при обязательной воинской повинности, а также в удовлетворении пацифистских настроений и в направлении милитаристской энергии общества;

- обеспечения антитеррористической безопасности, в том числе с нивелированием политических рисков от угроз террористического характера.

Очевидно, что перечень политически мотивированных обстоятельств использования ЧВК в политике представленным перечнем не ограничивается и в реальной практике могут возникать и иные основания для привлечения частных военных компаний. Однако, представленные интересы могут быть обозначены в качестве ключевых по отношению к целеполаганию применения негосударственных силовых инструментов.

Интерес в достижении военно-политических целей в условиях гибридного и прямого межгосударственного противоборства является ключевым для определения места ЧВК в системе безопасности современных государств, а также практической ценности частных подрядчиков как инструмента реализации политических интересов. Само появление запроса на использование неклассических инструментов проекции силы связано с существенным образом изменившимися условиями мировой и региональной политики.

Для анализа данного интереса следует конкретизировать явление гибридных конфликтов. Традиционно, под ними подразумевают «использование военных и невоенных инструментов в интегрированной кампании, направленной на достижение внезапности, захват инициативы и получение психологических преимуществ, использующих дипломатические возможности; масштабные и стремительные информационные, электронные и кибероперации; прикрытие и сокрытие военных и разведывательных действий в сочетании с экономическим давлением» [88].

Авторами данного термина считаются высокопоставленные офицеры Корпуса морской пехоты США Джеймс Мэттис и Фрэнк Хоффман. Анализируя общемировую архитектуру безопасности, сложившуюся после начала активной борьбы с терроризмом и старта американских экспедиционных компаний на Ближнем Востоке, они описали ключевые вызовы и угрозы, имеющие неклассическое военное выражение. Мэттис, став в дальнейшем министром обороны в администрации Дональда Трампа [131], также сфокусировался на развитии подразделений специального

назначения как наиболее гибких и оперативных частей, способных быстро реагировать на угрозы гибридного характера.

Обобщая сложившийся в последние десятилетия опыт боевых действий, а также анализируя новые конфликты, следует рассмотреть по меньшей мере два типа боевых действий, специфичное состояние каждого из которых определяет характер организации самих ЧВК. К такому типу могут быть отнесены симметричные и асимметричные конфликты, являющиеся связанными с гибридными войнами понятиями [113].

Под симметричными конфликтами или симметричными войнами подразумевают противостояние двух или более сил, использующих для достижения своих целей регулярные вооруженные формирования и подразделения с примерно равной степенью интенсивности. При всей кажущейся архаичности подобного типа вооруженных конфликтов они не утратили свое присутствие в современном мире и остаются важной составной частью мировой политики.

Частные военные компании в данном случае применяются в качестве инструмента прямого противоборства, действуя совместно с регулярными вооруженными силами, дополняя их на поле боя и в тылу. При этом сотрудники ЧВК могут использоваться и на наиболее важных участках, действуя как подразделения специального назначения, в чьи задачи входят точечные операции, и задействоваться в качестве классической пехоты, штурмовиков, на наиболее важных и ответственных направлениях [17].

Под асимметричными конфликтами в свою очередь подразумевается состояние, в котором силы сторон оцениваются как неравные, исходя либо из общего уровня военной, экономической и технической мощи, либо из того, в каком объеме применяются задействованные силы и средства. Характер применения частных военных компаний в асимметричном конфликте находится как в прямой, так и в обратной зависимости от уровня представленности регулярных вооруженных сил. Так, к числу асимметричных конфликтов могут быть отнесены и борьба с пиратством

около берегов Сомали в Аденском заливе, и имевший место конфликт на территории Афганистана с участием западной коалиции. При этом, если в первом случае ЧВК выступали фактически в роли самостоятельных проводников силы, занимаясь охраной морских судов, в то время как вооруженные силы задействовались либо для патрулирования, либо для непосредственного освобождения заложников, то во втором случае частные военные компании использовались преимущественно для выполнения услуг аутсорсинга, являясь дополнением к государственным формированиям.

В то же время важно отметить, что само понятие симметричного или асимметричного конфликта применительно к ЧВК может быть условным и меняться в зависимости от позиций, с которых рассматривается применение военных подрядчиков. Так, ряд европейских и американских ЧВК, используемых в конфликте на территории Украины, могут определяться как инструмент симметричной войны в том качестве, что сам конфликт подразумевает противостояние двух армий с применением всех доступных сил и средств. В то же время эти же ЧВК могут быть рассмотрены и как инструмент асимметричной войны, если принимать во внимание место расположения их головных структур. То есть, применительно к противостоянию между украинской и российской армиями западные ЧВК будут считаться участником симметричной войны, а к отношениям по линии Российская Федерация – страны Запада уже стороной асимметричного конфликта.

Следовательно, важность привлечения ЧВК к реализации военно-политических целей обуславливается их многофункциональностью и способностью использоваться как в рамках силовых операций, так и мероприятий вспомогательного характера – логистики, обучения и разминирования. С учетом увеличения числа гибридных конфликтов [136], представляется, что подобная деятельность будеткратно расширяться по мере появления новых локаций использования вооруженных сил.

Интерес в снижении внутренней конфликтогенности общества является другим ключевым фактором, обуславливающим привлечение частных компаний к партнерству с государственными структурами. ЧВК в данном контексте позволяют аккумулировать необходимые кадровые ресурсы, минимизируя при этом репутационные издержки и потенциальное общественное недовольство вокруг ключевых изменений военно-политического характера. В рамках анализа тенденций в социокультурном восприятии вооруженных сил и военных конфликтов следует обратиться к концепции постгероизма, разработанной в работах военных историков и теоретиков Герфрида Мюнклера и Эдварда Люттвака. Являясь своеобразным последствием большого числа кровопролитных войн в XX веке, многие из которых имели характер не национально-освободительных, а связанных с реализацией государственных интересов, постгероизм подразумевает под собой состояние общественного сознания, отрицающего героизм на войне и готовность к самопожертвованию во время её проведения как наивысшие проявления общечеловеческого героизма [106]. На первый план героизма нового типа выходят гражданские приоритеты и ценности – борьба за права человека, свободу воли и убеждений, социальную справедливость.

Пацифизм как явление стал значимым фактором социального и политического развития, влияющим на методы реализации военной политики государств, включая более активное привлечение частных субъектов. ЧВК в этом контексте являются важным звеном в стабилизации антимилитаристских устремлений отдельных граждан. Принципиальным вопросом становится соотнесение их эффективности как института, использующего материальные средства стимулирования против классического подхода, предполагающего нематериальное общественное принуждение.

Мобилизационные и призывные процедуры безусловно обладают рядом преимуществ, таких как быстрота и оперативность набора,

массовость, создание дополнительного фокуса общественного внимания к проблеме отражения внешней агрессии или необходимости реализации государственных интересов на территории других государств. Однако, подобные механизмы отличаются и наличием слабых сторон как внутреннего, организационного характера, так и внешнего, ориентированного на весь общественно-политический контур.

Процессы принудительного рекрутирования могут сталкиваться с критикой общества, попытками легальных и нелегальных оппозиционных политических сил использовать данное обстоятельство как рычаг давления и инструмент воздействия на публично-административные органы власти. В случае же с задействованием частных военных компаний обеспечивается отсутствие или снижение общественной критики в адрес властей.

Достаточно распространенными являются оценочные суждения о том, что ключевой фактор мотивации сотрудников частных военных компаний, как и наемников – материальный. Однако такой подход становится более распространенным и в классических вооруженных силах современных государств, менее активно занимающихся идеологической работой и в большей степени концентрирующихся на материальной обеспеченности военнослужащих и социальных гарантиях для них и членов их семей. Кроме того, сам факт получения материального вознаграждения не подразумевает автоматическое отсутствие других побудительных мотивов – чувства патриотизма, стремления к самореализации или просто интереса к военной сфере.

При этом следует констатировать, что в современных реалиях наблюдается определенная поляризация ценностных установок граждан, а многие представители гражданского общества исходят из позиций, противоположных пацифизму [143]. Соответственно, особенную важность приобретает процесс агрегирования и направления милитаристских устремлений части населения для реализации государственных нужд. Например, в российской практике из футбольных ультрас был создан отряд

«Эспаньола», принявший активное участие в боевых действиях. При этом подобная ситуация имеет и другую особенность. Так, привлекая в свои ряды представителей милитаризированной среды, частные военные компании не только усиливают возможности государства, но и выводят из группы риска людей, чье поведение могло быть потенциально девиантным применительно к территории страны-регистратора ЧВК.

Однако, как было отмечено ранее, такая модель не является универсальной и зависит по меньшей мере от нескольких факторов, таких как продолжительность периода, в течение которого необходимо сформировать новые подразделения, уровень общественных настроений и их специфика, а также, первостепенно, наличие соответствующих материальных возможностей у инициаторов подобного набора. Уместно утверждать, что подобные процедуры могут проходить и параллельно, дополняя друг друга в зависимости от контекста актуальной политической обстановки.

Государственный политический интерес в обеспечении антитеррористической безопасности также является ключевым направлением, связанным с активным привлечением частных военных компаний. Формирующийся современный мировой порядок в значительной степени сопряжен с воздействием на него вопросов обеспечения безопасности общественно-политических режимов, граждан государств и экономических агентов. Экстремизм и его крайняя форма – терроризм, в этом контексте представляют значительную угрозу для общества, а форматы защиты от него влияют на более масштабные процессы государственного устройства [112]. С учетом того, что терроризм из своего изначального состояния, подразумевающего хотя бы некоторую политическую направленность, превратился в большей степени в форму фактического истребления идеологических, религиозных и иных, по мнению сторонников экстремистских течений, противников, фиксируется значительный рост урона, причиняемого подобными действиями – от людских до материальных потерь.

В частности, согласно данным отчета Глобального индекса терроризма за 2024 год, опубликованным международным Институтом экономики и мира, число стран с зафиксированными террористическими актами увеличилось с 58 до 66. При этом подобная тенденция наблюдается не только в неблагополучных регионах третьего мира. Так, число атак в странах Запада за год возросло на 63%, а общее количество развитых западных государств среди первых пятидесяти позиций рейтинга по числу и смертоносности атак достигло семи [101]. Безусловно, противодействие подобным угрозам первостепенно находится в зоне компетенции государственных специальных служб. В то же время мировая практика последних десятилетий показывает, что комплексное обеспечение контура государственной и общественной безопасности неотделимо и от деятельности частных структур, предоставляющих соответствующие услуги.

Во-первых, одним из ключевых подобных направлений можно считать физическую охрану лиц и объектов, подпадающих под критерии общественно важных. Подразделения ЧВК охраняют гражданский персонал и представителей миссий ООН в наиболее горячих точках планеты с высокой степенью террористической угрозы. Отдельное место уделяется и защите дипломатического корпуса. Сотрудники министерств иностранных дел исторически находятся в потенциальной группе риска со стороны организаций радикального толка. Подобные меры включают в себя как охрану дипломатов в местах их поездок, так и обеспечение безопасности самих посольств, что характерно, например, для многих западных стран, где функции охраны подобных зданий всё чаще отдают на аутсорсинг частным охранным подрядчикам.

Во-вторых, большое значение в обеспечении антитеррористической защищенности имеют действия, направленные на охрану крупных инфраструктурных и производственных объектов. Так, в частности, российская охрannая компания ЛУКОМ-А занималась обеспечением безопасности объектов компании Лукойл на территории Иракского

Курдистана, защищая как сами стратегически важные объекты, так и работающий на них персонал от потенциальных атак со стороны террористических групп. Следует отметить, что подобные угрозы имели системный характер [45], что обуславливало значимость привлечения профильных структур для обеспечения безопасности.

В-третьих, наблюдается тренд на усиление контроля и сопутствующих мер безопасности в Аденском заливе и других потенциально опасных для морского судоходства зонах. Российские и зарубежные суда, проходящие мимо берегов Сомали, зачастую становятся целью для противоправных действий со стороны организованных преступных групп [58]. И хотя пираты ассоциируются в большей степени с интересами по захвату заложников с целью выкупа, зачастую они входят в группы, аффилированные с террористическими ячейками, использующими их деятельность в качестве источника финансирования собственных операций. Обеспечение безопасности судоходства является вопросом не только защиты жизни и здоровья экипажа судов, но и элементом противодействия терроризму в региональном масштабе. Услуги военизированной охраны подобного рода предоставляются, например, российской компанией РСБ-Групп, привлекающей вооруженных специалистов для защиты кораблей [127]. Практика же последних десятилетий показывает, что практически все успешные попытки захвата судов осуществлялись в условиях отсутствия на кораблях охранных подразделений.

В-четвертых, важным направлением антитеррористических мер является защита массовых мероприятий. Так, во время проведения Олимпийских игр в Лондоне в 2012 и в Париже в 2024 году к обеспечению безопасности помимо полиции, специальных подразделений и армии активно привлекались частные подрядчики. В частности, в Лондоне активно задействовалась британская G4S, сотрудники которой дополняли специалистов государственных структур, выстраивая общую систему обеспечения безопасности мероприятий.

Следует отметить, что частные военные компании задействуются в двух принципиально важных стадиях обеспечения безопасности. На первой стадии военизированные охранные структуры помогают в предотвращении террористических актов, создавая так называемый видимый контур безопасности, который призван отпугивать потенциальных преступников от совершения противоправных действий. На второй стадии в случае, если террористические группы всё же идут на осуществление задуманных планов, то ЧВК выступают в активной роли, обеспечивая безопасность физических лиц и объектов.

Антитеррористическая защищенность общества при этом является важным политическим и электоральным фактором, обеспечивающим гражданам государства чувство безопасности и убежденности в способности правительства противостоять угрозам подобного рода. Концептуальное значение данного фактора подчеркивается развитием программ борьбы с терроризмом национального и международного уровня. В Великобритании в 2003 году на фоне усиления угроз безопасности была принята стратегия CONTEST, получившая последнюю редакцию в 2018 году [94], призванная объединить разрозненные действия полицейских, разведывательных и военных ведомств в единую систему. В ряде других стран Европы были созданы специальные структуры, призванные аккумулировать ресурсы специальных служб и осуществлять управление антитеррористической деятельностью. В рамках этого направления во Франции была создана Координационная группа по борьбе с терроризмом (UCLAT) [132], в Германии – Общий центр по борьбе с терроризмом (GTAZ) [97].

Важное значение имеют и специальные региональные структуры, призванные публично освещать проблематику терроризма и координировать усилия по её нивелированию. В частности, Антитеррористический центр СНГ объединяет усилия министерств обороны, внутренних дел и органов государственной безопасности стран-участников Содружества независимых государств [121].

Указанные обстоятельства подчеркивают приоритетность мер обеспечения антитеррористической безопасности не только как направления деятельности специальных структур, но и как политического интереса государства. Развитие государственно-частного сотрудничества в области безопасности является важным шагом в сторону усиления защищенности общества перед лицом возникающих угроз и проблем насильственного характера, к числу которых безусловно относится экстремистская и террористическая деятельность.

С учетом изложенного, представляется также необходимым описание структурных элементов конвертации политических интересов государства в непосредственные механизмы использования ЧВК. Визуализация подобного процесса представлена на рисунке 4.

Источник: составлено автором.

Рисунок 4 – Механизм использования ЧВК как средства реализации политических интересов

На «нулевом» (базисном) этапе происходит определение государственных политических интересов, связанных как с внешней, так и с внутренней политикой. Также, на данном этапе происходит определение модели государственной политики – экспансионистской, нейтральной, ориентированной на конфронтацию или кооперацию.

На первом этапе осуществляется сопоставление двух ключевых параметров, связанных с выстраиванием конкретных направлений государственной политики. С одной стороны, происходит определение политических, экономических, военных и иных целей – концентрированного выражения интересов. С другой – проводится анализ потенциальных и реальных рисков и угроз, осуществляется их категоризация.

Связка цель – угроза в свою очередь обуславливает необходимость перехода к следующему этапу, связанному с определением сил и средств достижения поставленных целей, а также купирования рисков и угроз. На данном этапе происходит анализ как располагаемых, так и потенциально необходимых ресурсов. В зависимости от контекста политическое руководство принимает решение либо об использовании стандартных процедур (в случае, если частные военные компании уже существуют в рамках конкретного государства и имеют опыт совместных действий с вооруженными силами или иными силовыми структурами), либо о переходе к созданию негосударственных силовых акторов. Тем самым, осуществляется принятие политического решения об использовании ЧВК.

На следующем этапе происходит непосредственное использование ЧВК для реализации задач, возникающих в сфере военной политики или общественной безопасности. Впоследствии, осуществляется анализ их действий на предмет эффективности и возникающих политических, экономических и имиджевых издержек, следствием чего является коррекция отдельных направлений использования частных подрядчиков. Итогом же становится один из трех вариантов – завершение контракта (его исполнение),

прекращение (по отрицательным результатам, или же в силу институциональных изменений), а также его пролонгация.

Выводы по главе 1

По мнению автора, ЧВК представляют собой негосударственные субъекты в сфере военных услуг и безопасности, которые функционируют на договорной основе как в интересах коммерческих организаций, так и государства, прежде всего в области обеспечения обороны страны и реализации геополитических и геоэкономических целей.

В части классификации ЧВК автором выделены такие виды компаний как корпоративные структурированные, корпоративные гибридные, некорпоративные структурированные, некорпоративные гибридные. Критериями для подобной классификации послужили устойчивость компаний и их легальность. Системные характеристики ЧВК как военно-политического института находятся в прямой взаимосвязи с общей организационной структурой обеспечения безопасности государства, включая аспекты развития частных охранных организаций, государственных военизированных подразделений, вооруженных сил и добровольческих формирований.

К основным теоретико-методологическим подходам, применимым для исследования ЧВК, могут быть отнесены: неореализм, теория секьюритизации, модель принципала-агента, инструментализм и конструктивизм. Неореализм в контексте изучения ЧВК позволяет определить государство основным инициатором их создания и развития, используя их для продвижения собственных интересов. Теория секьюритизации в свою очередь может использоваться для выявления основ политического дискурса в сфере безопасности.

Рассматривая политические интересы, в продвижении которых участвуют ЧВК, автором выделяются следующие ключевые направления:

- достижение военно-политических целей в условиях гибридного и прямого межгосударственного противоборства;

- снижение внутренней конфликтности общества;
- обеспечение антитеррористической безопасности.

Использование ЧВК как средства реализации политических интересов государства выражено многоступенчатым механизмом, включающим в себя как определение самих интересов, целей и угроз, так и выработку способов их достижения, включая обращение к неклассическим формам военной активности.

Глава 2

Практика использования ЧВК в продвижении политических интересов государства: мировой и отечественный опыт

2.1 Особенности использования ЧВК при продвижении военно-политических целей иностранными государствами

Анализируя практику использования частных военных компаний как инструмента реализации государственных целей и задач, необходимо обратить внимание на исторический контекст и особенности их возникновения. Механизмы передачи частным лицам традиционно государственных функций обороны, защиты территории и ведения наступательных действий восходят ещё к Древним векам, однако полноценная трансформация наемников в фактические частные армии произошла позднее – с появлением в Средневековой Европе немецких пехотинцев Ландснехтов и итальянских отрядов Кондотьеров. К сильным сторонам подобных формирований относились хорошее обмундирование, высокий уровень подготовки и слаженность подразделений.

В то же время, нередкими были случаи когда отряды, нанятые одной стороной конфликта, перекупались противоборствующими силами, что безусловно снижало степень восприятия наемников как надежных исполнителей взятых на себя договорных обязательств. Кардинальное изменение ситуации, связанное с угасанием наемных армий, произошло вследствие Тридцатилетней войны 1618–1648 годов, закрепившей за государствами монополию на применение силы. Ещё более существенно потребность в наемниках снизилась в результате перехода в Новое время европейских армий на комплектование по принципу всеобщей воинской повинности, решившей вопрос с количественной нехваткой подразделений.

Новый расцвет наемнического движения пришелся уже на 1960-е годы и был вызван резким ростом числа конфликтов в мире, первопричиной многих из которых стал процесс деколонизации Африки, повлекшей противостояние как между колониями и их владельцами, так и между различными этническими, религиозными, племенными и иными группами местного населения. Ведущую роль в участии в африканских конфликтах сыграли французские, бельгийские и британские граждане, имевшие давний опыт присутствия на данном континенте.

Наиболее известными представителями вольных наемников стали Боб Денар, Майк Хоар, Жан Шрамм и другие [81]. Ключевыми особенностями данных командиров стали харизматический тип лидерства и выстраивание подчиненных структур (Боб Денар, в частности, стал командующим президентской гвардией на Коморских островах), распадавшихся после отстранения их лидеров, а также многочисленные смены собственных нанимателей, многие из которых находились во враждебных друг к другу отношениях.

П р и м е ч а н и е – Анализ ключевых этапов развития ЧВК, а также факторов их институционализации был проведен автором совместно с О.М. Михайленком и отражен в соавторской публикации.

Первой же созданной и официально зарегистрированной частной военной компанией считается британская Watchguard International, основанная Дэвидом Стирлингом в 1967 году. Стирлинг, будучи одним из сооснователей специальной авиадесантной службы Великобритании (SAS) – фактически первого в мире подразделения специального назначения в современном понимании этого термина, использовал свои связи в правительственных кругах для продвижения идеи о компании, которая бы выполняла функции, аналогичные задачам вооруженных сил, но в тех условиях, когда задействование армии было бы политически неприемлемо [147].

Другой важной компанией для реализации британских внешнеполитических интересов стала «Кини Мини» (Keenie Meenie Services),

созданная в 1975 году. Основу её командования, как и в случае с Watchguard International, составили отставные командиры SAS, имевшие не только опыт боевых действий, но и умение организовывать структуру и механизмы управления в новых подразделениях. Данные фирмы, как и ряд других создаваемых компаний, получили возможности для собственного развития в силу нескольких тенденций, которые кардинальным образом изменили отношение военно-политических элит к военной организации собственных государств.

Во-первых, существенным изменением в мировой политике второй половины XX века стал отход от прямой территориальной конфронтации между ведущими государствами в пользу развертывания сил и средств в странах третьего мира. Причинами этого процесса, помимо желания главных держав избежать ядерной войны, стали факторы развития самих африканских, ближневосточных, южноазиатских государств, а также стран Латинской Америки. Рост численности населения в совокупности с предоставлением им независимости привел к развитию собственной политической субъектности государств, а также их стремлению войти в сферу влияния новых крупных игроков, способных предоставить им большие возможности, чем прежние доминионы. Противостояние между США и СССР вокруг Кубы, Вьетнама, Камбоджи, Лаоса и других государств стало побудительным мотивом к созданию профессиональных структур, имеющих должный уровень компетенций для реализации государственных интересов.

Великобритания, в свою очередь потерявшая уровень представленности в мировой политике, перешла к точечным действиям в зонах своего наибольшего внимания. В частности, британские ЧВК использовались для поддержки правящих режимов в Саудовской Аравии и Йемене – государств, имевших критически важное значение для британской внешней политики и экономики, особенно в контексте энергетического фактора. Кроме того, Дэвидом Стирлингом в 1970-1971-х годах была проведена попытка осуществления государственного переворота в Ливии,

связанная с необходимостью свержения Муаммара Каддафи, который в свою очередь до этого сам осуществил переворот в отношении прозападно настроенной монархии [156].

При этом деятельность указанных ЧВК не предполагала полностью закрытый характер в силу наличия у компаний легальной регистрации. Традиционно, для выполнения силовых миссий государства могли направлять либо свои вооруженные силы, либо так называемых «нелегалов», то есть отдельные группы, не аффилированные с правительством и используемые для локальных операций. Задействование же ЧВК позволило найти необходимый баланс между этими формами. Разворачивая деятельность частных фирм, государства фактически осуществляли проекцию силы [150], имея при этом возможность использовать правдоподобное отрицание (*plausible deniability*) в отношении собственных руководящих действий.

Во-вторых, значимым изменением стала трансформация характера боевых действий. Новые конфликты 1960-1970-х годов, включая, например, арабо-израильские войны и конфликты на Африканском континенте, показали, что наличие крупной военной мощи не является фактором, обеспечивающим гарантированную эффективность применения таких войск. Куда большим значением для результативности обладали вопросы гибкой и оперативной организации войск. Исходя из данного подхода, достижение военных целей привязывалось не к общему количеству техники или солдат, а к качеству тактики и стратегии их использования, особенно в условиях проведения контрповстанческих операций. Частные военные компании вроде Watchguard International и KMS в этом контексте представляли под собой более мобильные и гибкие структуры, способные к проведению точечных высокоэффективных миссий. Однако, указанные факторы, несмотря на их существенное значение для общей модернизации подходов к управлению военными ресурсами, имели ограниченное влияние на рынок частных военных услуг ведущих государств, за исключением Великобритании.

Отдельные ЧВК при этом воспринимались исключительно как более организованные и устойчивые группы наемных солдат, что существенно ограничивало спектр оказываемых ими услуг.

Процесс приватизации военных услуг стал фактическим противопоставлением теории бюрократии Макса Вебера [4]. Рассматривая бюрократию как организованную форму человеческой деятельности, Вебер считал её появление и развитие следствием двух ключевых факторов – наличия выверенной системы правовых механизмов и совокупности устоявшихся особенностей организационной практики. Применительно к военной организации бюрократия означала сепарацию обязанностей, вертикально ориентированную иерархическую систему, формализованные правила и нормы, а также равные возможности карьерного роста, основанные на квалификации.

Необходимо отметить, что «особенно актуальной данная тема стала для Соединенных Штатов, которые в начале 1990-х годов перешли к принципиально иной системе развития и обеспечения устойчивого функционирования вооруженных сил. Ранее существовавшая схема, при которой частные компании производили технику, вооружение и элементы снабжения, а обязанности по их эксплуатации возлагались на тыловые войска, сменилась на подход, в котором частные подрядчики присутствовали практически на всех этапах обеспечения армии. Одним из главных действующих лиц этого процесса стал Дик Чейни, начавший продвигать данный курс во время пребывания на посту министра обороны в период с 1989 года по 1993 год. Чейни распространил практику перехода к заключению аутсорсинговых контрактов с частными компаниями, начинавшими занимать все более крупные позиции в сегменте военных услуг. С одной стороны, такой механизм имел под собой рациональное основание. В основе ранее главенствующих не только в США, но и в целом в сравнительном большинстве стран мира, подходов лежало стремление государственных структур обладать собственным обслуживающим

аппаратом. Даже выполнение таких обобщенных функций как уборка или обеспечение питанием в каждом ведомстве возлагалось, как правило, на внутренние подразделения. С переходом передовых экономик на систему аутсорсинга, при которой максимально возможное число вспомогательных задач передавалось в ведение сторонних контрагентов, подобные изменения стали проникать и в сферу вооруженных сил, пусть и более медленными темпами. Революция же в этой области, наступившая в 1990-е годы привела к тому, что в Вооруженных силах США фактически не осталось направлений, в которые бы не были вовлечены частные подрядчики» [147].

Одним из наиболее демонстративных свидетельств перехода на аутсорсинг военных услуг стало использование представителей ЧВК для охраны американских посольств в зонах повышенной опасности – ранее эта миссия десятилетиями традиционно возлагалась на солдат Корпуса морской пехоты США. Самих же бойцов начали именовать операторами (PMC operators), по аналогии с термином, применявшимся в отношении представителей подразделений специального назначения [152].

Не обладая собственной политической субъектностью, частные военные компании стали активно участвовать в поддержке политических сил. В частности, компания Blackwater к концу XX века стала активно аккумулировать вокруг себя избирателей-республиканцев с традиционными консервативными и христианскими взглядами, регулярно внося пожертвования в партию и спонсируя мероприятия по предвыборной агитации. Тем самым, её деятельность подразумевала не только выполнение прямых функциональных обязанностей, но и реализацию внутривнутриполитических интересов элитных групп.

Кроме того, частные военные компании в полной мере утвердились в качестве инструмента сохранения политических ресурсов. Одним из наиболее известных примеров, иллюстрирующих подобную тенденцию, можно считать историю взаимоотношений вышеупомянутого Дика Чейни и компании Halliburton. Являясь министром обороны в администрации

Джорджа Буша-старшего, Чейни активно проводил политику передачи военных услуг частным подрядчикам, в том числе и названной компании.

С приходом к власти Билла Клинтона и демократической партии, Чейни вошел в состав Совета директоров Halliburton, имевшей в составе частную военную компанию KBR. В дальнейшем деятельность компании настолько кратно возросла в объемах, что стала одним из факторов назначения Дика Чейни вице-президентом в 2001 году. Следует отметить, что подобные примеры не могут быть явно обозначены в качестве системного явления, однако они послужили важным прецедентом, позволяющим рассматривать частные военные компании как одно из средств достижения внутриполитических преференций, направленных на получение и сохранение власти.

Начало экспедиционных компаний в Ираке и Афганистане привело к значительному росту количества оказываемых услуг частными подрядчиками, получившими доступ к исполнению договоров на охрану, снабжение и материально-техническое обеспечение групп войск и сторонних частных контрагентов. Кроме того, частные подрядчики начали использоваться для сопровождения и обеспечения деятельности международных миссий, включая Организацию Объединённых Наций, Всемирную организацию здравоохранения и другие глобальные структуры. Резко вырос спрос на оказание услуг по обеспечению безопасности в части сопровождения представителей транснациональных корпораций, работавших в секторах добычи и переработки энергоресурсов, транспорта и электроснабжения. При этом сама деятельность ЧВК находилась под плотным контролем со стороны правительств США и Великобритании, занимавшихся не только выдачей лицензий на осуществление ЧВК международных операций, но и осуществлением непосредственного надзора за деятельностью военных компаний на местах.

Ведущую роль в этом процессе сыграла сама республиканская президентская администрация, стремившаяся не только к купированию

возникших угроз, но и имевшая необходимость политической реабилитации перед обществом за недостаточность проводимых мероприятий перед самим терактом. В частности, Ричард Алан Кларк, советник президента по борьбе с терроризмом, утверждал, что до событий 11 сентября система обеспечения безопасности имела крайне значительные пробелы, связанные не только с фактическими мерами на местах, но и с особенностями военно-политического управления [80]. В условиях перестройки данной системы, вызванной чрезвычайными обстоятельствами, частные военные компании стали использоваться как инструмент дополнения государственных функций в области военной и общественной безопасности.

Данные, обнародованные в Конгрессе США, свидетельствовали о том, что общее число заключенных контрактов между Министерством обороны и частными подрядчиками в период с 1994 года по 2008 год выросло в 7,5 раз – с 75 тысяч до 571 тысячи. Денежное же выражение заключенных контрактов росло ещё большими темпами – с 11 до 165 миллиардов долларов, обеспечивая пятнадцатикратный рост выручки частных подрядчиков [114].

Подобные факты также являлись отражением процессов общего удорожания военных действий, вызванного повышением технологической составляющей вооруженных сил и изменением тактики ведения операций, при которых роль пехотных подразделений стала сводиться к задачам по контролю и удержанию, а штурмовые действия осуществлялись при значительной предварительной авиационной и артиллерийской подготовке, что снижало потери, однако приводило к значительному увеличению расходов.

Кроме отображения внешнего контекста и условий, в рамках которых существовали ЧВК, не менее важно выделить и элементы их внутренней структурной эволюции. Можно констатировать, что хотя частные военные компании не являются однородным явлением, однозначно определяемым в структуре государств и зачастую представлены дифференцированными формами и разнородными видами, в их развитии возможно проследить

определённые тенденции. Институционализация ЧВК как военно-политического института в данном контексте предполагает переход от двух основополагающих форм, представленных в XX веке – наемничества и фактических параллельных вооруженных сил, к многофункциональным структурам, обеспечивающим реализацию государственных целей и задач.

Как отмечалось ранее, первые ЧВК, подобные Watchguard International, фактически дублировали конвенциональные вооруженные формирования. Работая под маскировкой частных компаний, на практике они действовали напрямую в интересах вооруженных сил и органов внешней разведки, предоставляя правительству более гибкие пути для реализации внешнеполитических задач. В настоящее время частные военные компании зачастую формируют субъектность, обеспеченную как совершенствованием своих возможностей, так и общим запросом на коммерциализацию военной сферы. Исходя из этого также расширяются их функциональные направления, предоставляющие государствам обширный спектр опций для усиления своего влияния на мировой арене. В рамках анализа этого процесса представляется целесообразным рассмотреть особенности становления ключевых ЧВК – лидеров рынка частных военных услуг.

Наиболее известной и часто упоминаемой ЧВК является американская Blackwater, прочно ассоциирующаяся не только с ведением кампаний в Ираке и Афганистане, но и с американской внешней и военной политикой XXI века в целом [41]. Основанная в 1997 году выходцем из спецназа ВМС США Эриком Принсом и инструктором по стрельбе Элом Кларком, компания первоначально не рассматривалась в качестве ЧВК, а представляла под собой фирму по обучению навыкам стрельбы и ведения боевых действий. По признанию самого Принса, необходимость подобного формата была обусловлена тем, что любой человек в США мог получить квалификацию пилота или научиться управлять водными судами, однако в случае, если гражданин захотел обучиться военному делу, то у него не

существовало никаких иных вариантов кроме поступления на государственную военную службу. Со становлением же Blackwater в качестве владельца крупнейшего стрельбища на территории США вокруг компании стали концентрироваться ветераны вооруженных сил и подразделений специального назначения. Кардинальные изменения в статусе компании произошли после событий 11 сентября. Развертывание сети сотрудников ЦРУ в Афганистане потребовало обеспечения их соответствующей вооруженной охраной. Получив экспортную лицензию и свой первый контракт с государством, Blackwater постепенно начала формироваться в качестве лидера рынка военно-охранных услуг [82].

Само же развитие компании может быть рассмотрено в более широком контексте политических действий в сфере государственного управления. Так, министр обороны Дональд Рамсфелд и вице-президент США Дик Чейни проводили политику по отторжению от Пентагона ряда исторически присущих ему направлений деятельности с целью создания пула частных компаний, ориентированных на них, как на лиц, оказывающих услуги по фактическому протекторату. Сам же Принс в отношении Blackwater утверждал, что её роль сводилась к тому, чтобы сделать с военным сектором США то, что частная компания FedEx сделала с федеральной почтой – то есть выполнять свои функции более оперативно, качественно и профессионально, чем это делают сами представители вооруженных сил.

В 2009 году на фоне ряда скандалов организация была переименована в Xe Services LLC, а в 2010 году – в Academi. Оба раза смены названия были связаны преимущественно с имиджевой составляющей в силу того, что деятельность сотрудников компании нередко приводила к жертвам среди мирного населения. В то же время потери были характерны и для самой компании, остро отражаясь в общественном поле зрения. Так, в 2004 году, после того, как колонна с сотрудниками Blackwater попала в заранее устроенную засаду около города

Фаллуджа в Ираке, а четверо её контракторов были убиты с последующим выставлением тел погибших перед телекамерами, Вооруженные силы США осуществили штурм города, проведя первую в истории Иракской войны кампанию по целенаправленному масштабному разгрому повстанческих групп, а не официальных вооруженных формирований бывшей армии Саддама Хусейна. Этот инцидент, ставший одним из наиболее медийных во всей Иракской войне, наглядным образом отобразил сложившийся к тому времени высокий уровень кооперации между частными подрядчиками и армией.

О подобной же тенденции свидетельствовали не только фактические события в зоне боевых действий, но и экономические показатели. С начала Иракской кампании большую часть прибыли компания стала получать в рамках исполнения договорных обязательств с американским правительством. Подобное обстоятельство определялось особым, почти привилегированным положением компании на фоне других поставщиков военных услуг и полной поддержкой её деятельности со стороны правительства США, которое начало периодически задействовать сотрудников Academi и на других направлениях. Например, в проведении спасательных операций во время природных катаклизмов, включая локализацию и устранение последствий урагана Катрина.

Опираясь на собственную развитую инфраструктуру, включавшую не только значительные запасы вооружений и сухопутной техники, но и подразделения воздушных сил (включая легкие многоцелевые вертолеты и легкую самолетную авиацию), а также морские подразделения, компания начала представлять военную силу, ранее доступную по своей мощи и мобильности только классическим армиям, что открыло возможности для американского правительства по поддержанию политики реализации собственных целей и соответствующему контролируемому информационному сопровождению. Так, например, при опубликовании данных о числе американских военнослужащих в зоне боевых действий,

количество частных контрактников закономерно не указывалось, что позволяло минимизировать репутационные издержки внутри страны, продолжая при этом проведение политики контроля над ключевыми коммуникациями на территории Ирака и Афганистана. Однако, как было отмечено ранее, деятельность контракторов, сопряженная с чередой скандалов, не позволяло характеризовать ЧВК как полностью отсутствующий в информационном пространстве инструмент для проведения теневых операций. Скорее, Blackwater оттягивал на себя часть общественной критики, минимизируя её до возможных пределов и открывая американскому высшему военно-политическому руководству возможности для продолжения активных действий различного характера.

Кроме того, важнейшим направлением деятельности Academi (Blackwater) являлась поддержка союзников США. Так, военно-морское подразделение компании неоднократно проводило совместные учения и осуществляло программы подготовки со странами Европы и Азии, приводя их вооруженные силы под стандарты Вооруженных сил США.

Важным прецедентом в сегменте частных военных компаний можно считать американскую корпорацию DynCorp, зарегистрированную в 1946 году – задолго до появления самого термина ЧВК. Фактически, сотрудники DynCorp не занимаются проведением боевых и даже охранных операций, а фокус их внимания расположен в нише технологического обслуживания и поддержки инфраструктуры. В то же время, в американской практике эта компания последние десятилетия традиционно относится к частным военным компаниям во многом благодаря масштабам своей деятельности, выходящим за пределы стандартных фирм поддержки. В данном контексте можно утверждать, что деятельность фирмы является настолько крупной, что не относясь изначально к специфике ЧВК, позволяет компании становиться важным производственным и технологическим образованием в сегменте национальной безопасности Соединенных Штатов Америки.

Занимаясь вопросами логистической поддержки, инженерным делом, IT-операциями и киберразведкой, DynCorp работает совместно не только с правительством, но и с ведущими американскими корпорациями. Классифицируясь как ЧВК многопрофильного назначения, данная компания представляет один из возможных форматов частных военных компаний будущего, в рамках которого приоритетной формой активности будут не только мероприятия в зонах боевых действий, но и использование всех элементов технологического прогресса для выполнения поставленных государственными и частными заказчиками целей.

Другим примером условно непрофильной частной военной компании является американская MPRI, учрежденная в 1987 году. Её ключевым отличием является характер создания – она была основана не обычными бойцами, а высшим командным составом армии США. При общем числе сотрудников в 3 000 человек в её штате находится порядка 350 бывших американских генералов, что в равной степени свидетельствует как о том, что компания выступает в роли своеобразного флагмана почетной пенсии для высокопоставленных руководителей подразделений вооруженных сил, так и о том, что компания имеет крайне высокую степень привлекательности для внешних заказчиков за счет своих связей в высшем военно-политическом руководстве [118]. В этой связи также отмечается налаженная связь MPRI с ведущими силовыми ведомствами, включая Пентагон и ЦРУ. Подобные контакты, обеспеченные в первую очередь кадровой политикой компании, неизбежно вовлекают её в сферу государственных интересов. Стоит отметить, что, как и DynCorp, MPRI также является своеобразным исключением из «классических» частных военных компаний. Фокусируясь на консалтинге и стратегическом планировании в рамках своей деятельности, отмеченной и во время Боснийского конфликта, и в ряде реформ вооруженных сил Латиноамериканских государств, компания расширяет географию

собственных операций, принимая большое участие в африканских миссиях последних лет.

MPRI становится в один ряд с классическими боевыми частными военными компаниями вроде Blackwater не только по степени и выраженности своего воздействия на технические аспекты функционирования и поддержания боевой готовности вооруженных сил США и союзнических им государств, но и ввиду влияния на военно-политические действия [111]. Так, активная деятельность MPRI вокруг конфликта в Югославии, подразумевавшая профессиональную подготовку бойцов на местах [105], во многом поспособствовала тому, что Соединенные Штаты ограничили свою операцию против Сербии воздушным компонентом, избежав политических рисков, связанных с проведением полноценной наземной операции.

Анализируя специфику частных военных компаний в Европе, следует выделить Великобританию, также располагающую значительным количеством ЧВК. Самой крупной и известной из их числа на данный момент является компания G4S. Суммарное число сотрудников компании со всеми международными филиалами оценивается более чем в 700 тысяч человек, что делает её крупнейшей охранной структурой в мире. G4S специализируется на обеспечении широкого спектра услуг в сфере безопасности, включая личную охрану физических лиц, объектов и инкассацию. Кроме того, компания привлекается для обеспечения антитеррористической защищенности общественных мест, объектов инфраструктуры и производственных предприятий. Отдельный блок деятельности компании составляют услуги в сфере кибербезопасности и противодействию хакерским и мошенническим угрозам.

G4S, как и американские ЧВК DynCorp и MPRI, является примером скорее нетипичного подхода к определению частной военной компании. Для её деятельности так же не свойственно проведение боевых операций, как и в целом нахождение непосредственно в зонах боевых действий. Однако,

учитывая объёмы и масштабы её деятельности на различных континентах, данную компанию зачастую также определяют как ЧВК. Являясь не просто поставщиком услуг в сфере безопасности и консалтинга, но и крайне важным работодателем, G4S получает новое измерение своей значимости в структуре системы обеспечения безопасности многих государств и самой Великобритании в частности [98].

В отличие от американских ЧВК с присущим им как правило широким форматом возможных услуг и британских ЧВК, которые в некоторой мере схожи по правовому статусу с российскими частными охранными организациями (с поправкой на более расширенный функционал), французские частные военные компании фактически прямо дублируют армейские подразделения. Эта традиция, восходящая ещё к Французскому легиону, остаётся актуальной и по сегодняшний день. Самая крупная французская ЧВК, Groupe-ЕНС, созданная в 1999 году бывшими офицерами Вооруженных сил Франции, задействовалась на целом ряде географических направлений, включая Ирак, Афганистан, а также в африканских странах, для которых было характерно активное использование Вооруженных сил Франции – в том числе, в Мали и Кот-д-Ивуаре [138].

Для Германии в целом характерна та же специфика отношений властей и ЧВК, что и для Франции. Asgaard German Security Group, крупнейшая немецкая частная военная компания, была создана отставными командирами десантных подразделений. Компания оказывала услуги по подготовке личного состава, планированию операций, а также разминированию и материально-техническому обеспечению.

При этом развитие ЧВК характерно не только для стран Запада. Так, активное развитие получают китайские ЧВК, используясь как средство усиления государственных возможностей. Важнейшей из таких компаний является Shandong Huawei Security Group, ведущая активную деятельность с 2010 года. Привлекая в свои ряды бывших военнослужащих и сотрудников специальных подразделений полиции, группа активным образом работает на

Ближневосточном и Африканском рынках, сопровождая проекты китайских государственных и частных компаний, работающих в сфере строительства, инфраструктуры и нефтедобычи.

В случае с Китаем следует также отметить и привлечение иностранных ЧВК. Упомянутый ранее основатель Blackwater Эрик Принс после отхода от непосредственного управления компанией переключился на создание проектов в сфере обеспечения безопасности в новых регионах. В частности, активная деятельность по созданию ЧВК была развернута им в Абу-Даби. Другим ключевым направлением стало основание Frontier Security Group, ориентированной на китайский рынок. Работая с такими компаниями-лидерами китайской экономики как Citic Group, новая ЧВК Принса обеспечивала безопасность китайских рабочих, топ-менеджмента и производственно-логистических объектов на территории африканских государств, включая Сомали, Кению и Мали [126].

К другому важному проекту компании относится участие в строительстве лагерей в Синьцзян-уйгурском автономном районе, ставшее не только общественно-информационным скандалом, но и важным прецедентом, отображающим двойственную природу политических интересов государств. С одной стороны, Соединенные Штаты на официальном уровне неоднократно поднимали проблему уйгурского населения, заявляя о возможных нарушениях в адрес гражданских лиц со стороны китайских властей. Официальная позиция при этом, вероятно, была выражена необходимостью поддержания бренда страны-контроллера за соблюдением прав человека. С другой стороны, непубличные меры, осуществляемые правительством США, свидетельствовали об ином внутреннем отношении к данной проблеме. Учитывая активное присутствие уйгурских террористических групп на территории Сирии, США придавали этому вопросу особое значение. В частности, с приходом новых сирийских властей в 2025 году, им было рекомендовано включить в состав вооруженных сил умеренные уйгурские отряды с целью недопущения

присоединения последних к радикальным группам [35]. Учитывая связанность самого Принса с представителями вооруженных сил и разведывательных служб, представляется вероятным, что деятельность его стороннего проекта по созданию лагерей и зон особого контроля не могла происходить без одобрения военно-политического руководства США. Подобный прецедент наглядным образом демонстрирует, сколь значимую роль могут играть ЧВК в построении контактов и совместных действий, реализуемых даже между государствами-оппонентами.

Некоторые китайские компании действуют и на территориях повышенной опасности, например в Ираке и Пакистане, обеспечивая не только защиту китайских граждан, но и поддержку геополитических и геоэкономических интересов. Рассматривая специфику данных компаний, следует отдельно остановиться на том, что для китайского пути развития ЧВК характерна определенная осторожность их использования. Китайские компании в большей степени призваны охранять стратегические коммуникации и объекты, а также китайский персонал, работающий за рубежом, воздерживаясь при этом от задействования своих сотрудников в случае возникновения критических рисков.

В ряде случаев китайские ЧВК используются и для выполнения вспомогательных для вооруженных сил функций, как это имеет место быть в Джибути, где находится важнейшая зарубежная китайская военно-морская база [115]. Контракторы в этом случае работают под непосредственным шефством руководства вооруженных сил, дополняя и усиливая общий уровень китайского присутствия в этом стратегически важном для центрального правительства регионе.

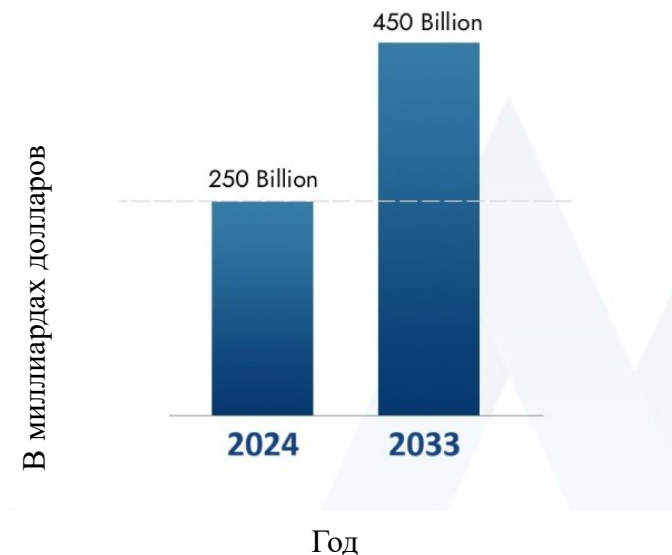
Активно развиваются ЧВК на территории Турции. В частности, компания SADAT, основанная в 2012 году, к настоящему времени считается одним из передовых флагманов проекции турецких внешнеполитических интересов. Насчитывая в своём составе более 7 тысяч сотрудников, SADAT способствует активному распространению сферы турецкого влияния на

Ближний Восток и Северную Африку. Сотрудники данной компании были замечены на территории Сирии, Ливии, Нигерии, Сомали, Катара и ряда других государств. Кроме того, отмечались случаи участия сотрудников SADAT в переброске иностранных наемников для участия во Второй Карабахской войне. В отношении политических факторов использования компании следует выделить по меньшей мере два аспекта. Во-первых, бойцы SADAT приняли активные участие в подавлении попытки военного переворота в Турции в 2016 году, продемонстрировав свою лояльность к действующей власти. Во-вторых, на внешней арене, помимо реализации военно-политических интересов, SADAT активно участвует в распространении концепции пантюркизма, занимаясь не только военной, но и идеологической подготовкой. При этом подобные обстоятельства не являются сторонней оценкой, а непосредственно зафиксированы в корпоративном манифесте самой компании [104].

Следует констатировать явный рост использования ЧВК, политическое и военное значение которых повышается с каждым годом. Несмотря на наличие определённых страновых особенностей, связанных как с законодательством, так и с иными факторами вроде общественного мнения, особенностей использования вооруженных сил и развитости собственных служб безопасности крупных корпораций, можно утверждать, что интересы как государственных структур, так и частных компаний сходятся в необходимости использования ЧВК как инструмента реализации собственных целей и задач.

Количественные данные, определяющие объем рынка частных военных услуг, разнятся в зависимости от методологии подсчета, однако, несмотря на это, представляется допустимым определение примерных значений. В частности, организация War on Want оценивает соответствующий объем в диапазоне от 100 до 400 миллиардов долларов [52].

Market Research представляет несколько более усредненные значения – 250 миллиардов долларов по состоянию на 2024 год, с перспективой почти двукратного увеличения объема рынка – до 450 миллиардов к 2033 году [79]. Изменения в объеме рынка военных услуг представлены на рисунке 5.

Источник: отчет Market Research [79].

Рисунок 5 – Темпы развития рынка частных военных услуг

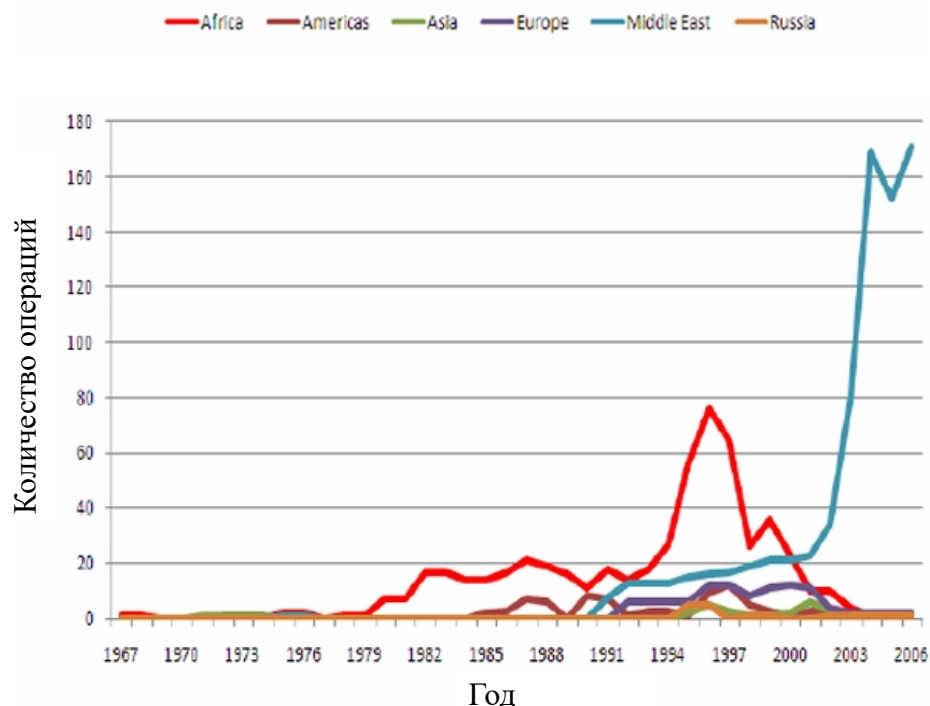
Общее число компаний, несмотря на относительность подобных подсчетов, оценивается War on Want в 3 тыс. Представляется, что прогнозирование изменения числа компаний является более сложной задачей в силу того, что, несмотря на видимое увеличение числа подобных структур, многие из них укрупняются, объединяясь в холдинги или проходя через процедуры слияния.

В частности, одно из наиболее крупных объединений произошло между ранее конкурирующими структурами – Academi (бывшая Blackwater) и Triple Canopy, лидировавших по оказанию военных услуг на территории Ирака и Афганистана. Созданная в результате объединения компания Constellis на данный момент может считаться, вероятно, наиболее оснащенной и подготовленной ЧВК в западном полушарии.

Данные о количестве проводимых операций являются ещё более относительной категорией, поскольку возникает существенная необходимость в определении их критериев – должны ли к ним относиться

исключительно боевые и охранные миссии, либо под ними следует подразумевать и вспомогательные мероприятия.

Одна из немногих представленных в публичном пространстве статистик приведена на рисунке 6.

Источник: исследование Outsourcing War [154].

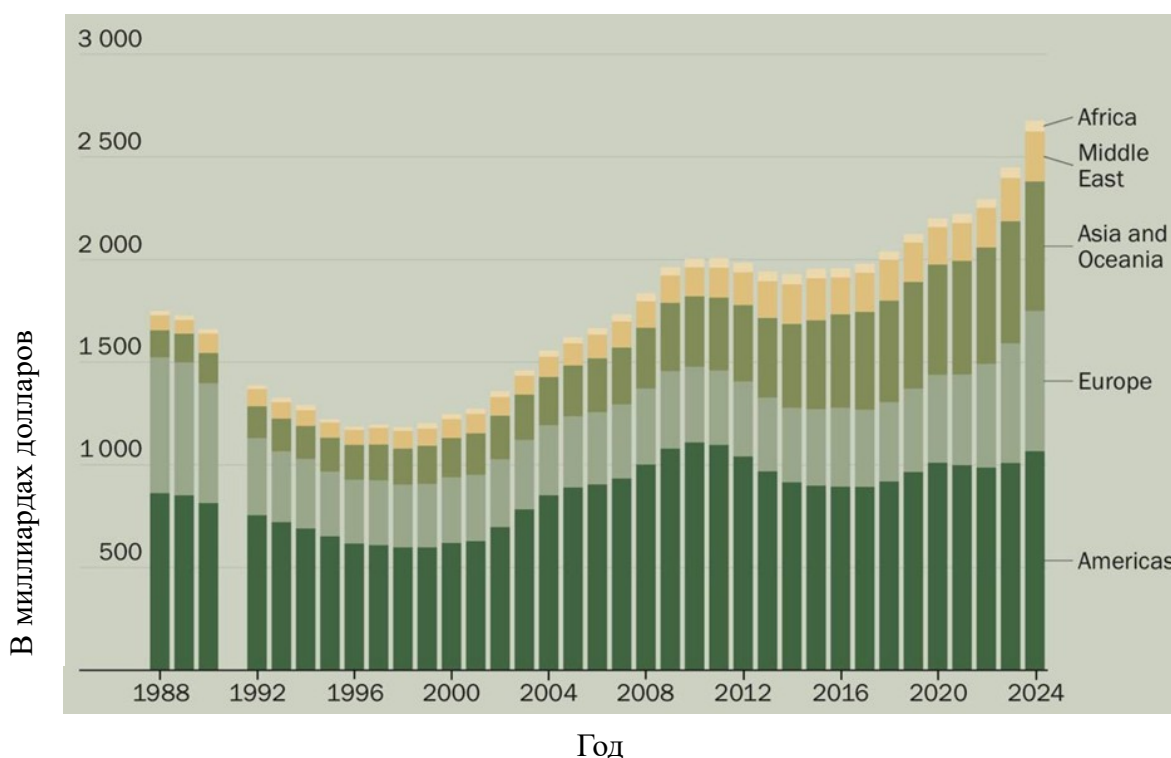
Рисунок 6 – Количество проводимых ЧВК операций в мире

Начиная отсчет с 1967 года, даты создания компании Watchguard International, данные показывают существенный рост количества мероприятий в Африке в 1980-е и 1990-е годы, а также экспоненциальное увеличение количества операций на Ближнем Востоке в 2000-х годах, связанное с началом кампании по борьбе с терроризмом после терактов 11 сентября. При этом, следует отметить наличие данных о проведении операций на территории России, пришедшихся на период 1995 года – активной фазы Первой чеченской войны.

Развитие рынка частных военных услуг находится в прямой зависимости от объема расходов на вооруженные силы государств. В силу того, что заказчиком ЧВК являются не только другие частные компании, но и государства, подобный тренд приводит к экспоненциальному росту

аутсорсинговых услуг. Данные Стокгольмского института изучения мира показывают, что глобальные расходы на военную сферу имеют тенденцию к ежегодному росту, достигнув в 2024 году отметки в 2,5 триллиона долларов [99].

Распределение мировых расходов по регионам за последние десятилетия визуализированы на рисунке 7.

Источник: отчет SIPRI [99].

Рисунок 7 – Распределение роста военных расходов в мире

Темпы роста военных бюджетов государств при этом основываются как на необходимости подготовки к отражению потенциальных угроз, так и финансирования операционных расходов на ведение боевых действий. В частности, по актуальным данным шведского исследовательского центра Uppsala Conflict Data Program, в 2024 году произошло 61 вооруженное противостояние между двумя и более государствами, что является наибольшим значением с момента окончания Второй мировой войны [103]. Данные обстоятельства косвенно указывают и на возрастающую роль ЧВК, учитывая высокий процент функций вооруженных сил, переданных на аутсорсинг. Отчасти такой рост отображает изменения и в политической

конъюнктуре. Так, европейские государства начинают активно приводить свои военные бюджеты под необходимый по стандартам НАТО уровень в 2% от ВВП. В том числе, и в связи с позицией Соединенных Штатов, ранее указывавших на необходимость соблюдения данного условия для сохранения американских вложений в европейскую оборонную инфраструктуру. В то же время существует и альтернативная точка зрения на контекст развития ЧВК и их место в военно-политической системе современных государств. Отчасти частные военные компании теряют своё преимущество в качестве инструмента замещения вооруженных сил государств ввиду того, что негласный консенсус на применение насилия государствами в рамках современной международной политической системы видоизменился до состояния, в котором акт насилия, точечная операция или операция ограниченного возмездия одного государства против другого больше не воспринимается как непосредственный предлог к войне.

В мировой практике становятся всё более распространены такие действия, как проведение ограниченных ударов с использованием высокоточного вооружения морского и воздушного базирования, атаки беспилотными летательными аппаратами, задействование сил специальных операций, а в ряде случаев и ликвидационные мероприятия в отношении высокопоставленных лиц из числа военной и научной элиты, как это характерно, например, для военного противостояния Израиля и Ирана. События 2025 года на примере противостояния Индии – Пакистана и Камбоджи – Тайланда демонстрируют изменения в характере военных действий. Так, подобные конфликты не начинаются с официального объявления войны, а также не имеют строго установленного начала и конца, развиваясь от приграничных боестолкновений, в которых практически невозможно достоверно определить инициировавшую их сторону, и доходя до плавного угасания посредством политического урегулирования. Однако, подобные проявления, несмотря на их контекст, могут быть рассмотрены как свидетельство не ослабления позиций частных военных компаний в

современном мире, а их дальнейшего преобразования и развития в качестве инструмента дополнения конвенциональных вооруженных сил и специальных структур.

Вооруженное противостояние на территории Украины прямым образом отображает тенденцию, в рамках которой современные государства могут комбинировать задействование института военных советников с использованием частных военных компаний (в том числе не имеющих официальной регистрации) для работы непосредственно на поле боя. Присутствие зарубежных ЧВК на Украине отмечалось ещё до начала проведения объявленной правительством АТО в 2014 году. К числу таких компаний относилась, в частности, вышеупомянутая британская G4S, оказывавшая охранные и консультационные услуги [120]. С началом ведения полномасштабных боевых действий на Донбассе активно распространялась информация о привлечении к поддержке Вооруженных сил Украины американских и европейских ЧВК, включая компанию Blackwater. Несмотря на значительное количество подобных сообщений, на официальном уровне подобное присутствие не подтверждалось, как не было и достоверно установленных фактов прямого участия компаний в оперативной деятельности на территории Украины. С большей степени вероятности можно было свидетельствовать о присутствии в зоне АТО вольных наемников, не организованных в виде частных военных компаний.

С началом Специальной военной операции, объявленной Российской Федерацией в 2022 году, США и страны ЕС начали кампанию по активной поддержке Вооруженных сил Украины [145]. Фактически, такая поддержка с самого начала стала подразумевать не только поставки вооружений и военной техники, но и организацию военной помощи личным составом для решения кадровых проблем украинской армии. Для координации мероприятий по набору наемников был создан Интернациональный легион территориальной обороны Украины, в дальнейшем вошедший в состав сухопутных войск.

В отличие от более давней и сложноорганизованной структуры Французского Иностранного легиона, причиной создания Интернационального легиона в свою очередь стало стремление легитимизировать участие в конфликте иностранных наемников, которые в дальнейшем группировались в отряды с собственной символикой и атрибутикой. Однако, часть таких подразделений находилась на стыке понятия наемников и частных военных компаний. Подобные компании, как правило, имели официальную регистрацию, однако формально существовали в качестве экономических агентов, оказывающих в государствах своего происхождения охранные, логистические и иные вспомогательные услуги.

Одним из наиболее известных примеров подобной структуры стала американская Группа Моцарта – отсылавшая своим названием к российской ЧВК Вагнер. Её основателем выступили отставные полковники Корпуса морской пехоты США Эндрю Бейн и Эндрю Милберн, а структурное ядро составили бывшие кадровые военнослужащие из различных родов войск. В то же время в материале The New York Times, посвященном деятельности группы, отмечалось, что большое количество включенных в состав группы экс-военнослужащих страдали от посттравматического стрессового расстройства и алкоголизма, что качественно влияло на эффективность действий группы [96]. Обострившиеся между руководством компании противоречия привели к её уходу из зоны боевых действий в феврале 2023 года, однако Группа Моцарта стала прообразом для организации и механизмов функционирования других частных военных компаний в конфликте на территории Украины.

Ещё более долгую историю активности на территории Украины имеет американская ЧВК Forward Observations Group, основанная Дерриком Бейлсом, также бывшим представителем Вооруженных сил США. Компания размещала личный состав в Киеве в первую фазу боевых действий для контроля объектов и вооруженного патрулирования, а в 2024 году отметилась участием во вторжении в Курскую область совместно с

подразделениями Вооруженных сил Украины. При этом подобные действия сопровождались повышенной медийной активностью руководства – на выкладываемых в социальных сетях фотографиях присутствовали вооруженные бойцы FOG. В качестве особенности компании следует выделить формат её легального прикрытия. Официально, она позиционируется как бренд военной одежды и аксессуаров для тактической медицины, что не объясняет наличие у нее техники и оружия, которое, вероятно, передается по непубличным каналам.

Ещё одним примером ЧВК нового типа является британская компания Elite Global Response, основанная в 2022 году Морхидом Салливаном, экс-военнослужащим Французского Иностранного легиона. Салливан был осужден в Великобритании за торговлю наркотиками и, вскоре после завершения своего заключения, основал частное охрannое предприятие, состоявшее первоначально из его бывших сослуживцев по Иностранному легиону [83]. В том же году Elite Global Response приступила к выполнению функций по непосредственной подготовке военнослужащих Территориальной обороны и бойцов иностранных наемнических объединений.

Крайне активным участием отметились представители польских ЧВК. Значительное присутствие польского наемного контингента отмечалось и до 2022 года, когда официально зарегистрированные компании, такие как ASBS Othago и European Security Academy, развивали на территории Украины совместные программы по подготовке кадров [89]. С появлением Интернационального легиона, ставшего, как отмечалось ранее, своеобразным прикрытием для прибывших наемников, число отрядов польских ЧВК увеличилось кратно. Во многом этот процесс связан не только со стремлением Польского правительства поддержать союзное им государство, но и с особенностями собственного военно-политического курса. Польша наиболее активно среди всех стран Европейского союза занимается программой качественного обновления своих вооруженных сил, закупая в

частности современные южнокорейские танки K2, самоходные гаубицы K9PL, а также реактивные системы залпового огня Homa-K. Изменения касаются и количественного состава армии – так, в 2022 году Президентом Анджеем Дудой было объявлено о планах двукратного увеличения численности вооруженных сил [74]. Частные военные компании, как официальные, так и неофициальные, в этом контексте играют важную роль в получении ценного боевого опыта, а также навыков управления и координации подразделений.

Кроме того, ряд европейских компаний концентрировались на выполнении важных охранных функций. В частности, ЧВК Argus работала по контракту с Европейской службой внешних операций (European External Action Service), обеспечивая защиту посольств и эвакуацию их персонала.

Исходя из указанных фактов, следует отметить, что тенденции развития присутствия ЧВК на Украине выстраиваются вокруг концепции гибридного противостояния стран Запада и Российской Федерации. Вовлечение блока НАТО в конфликт фактически происходит в рамках двухуровневой системы. На верхнем уровне за деятельность отвечают кадровые офицеры, находящиеся, судя по публичным данным, на действующей военной службе. Их роль сводится к координации мероприятий, управлению подразделениями, анализу и разведке (картографической, спутниковой, радиотехнической).

На нижнем уровне находятся представители частных военных компаний, в чьи обязанности входит ведение боевых действий, обучение и логистическая поддержка на местах. Статус экс-военных позволяет им избегать прямой привязки к своим государствам, при этом их положение в рамках Женевской конвенции не является однозначно определяемым, а сами они могут квалифицироваться одновременно и как представители Вооруженных сил Украины (за счет своего формального включения в Интернациональный легион), и как наемники. Данная практика является

принципиально отличной от той, что была распространена в Ираке и Афганистане, где оказывавшие услуги частные военные компании хотя и зачастую и выходили за рамки своих полномочий, но были структурированными организациями с установленными принципами и механизмами деятельности. Действующие же в рамках конфликта на Украине компании фактически размывают границы между классическими ЧВК, прокси-формированиями и наемными отрядами [140]. Ключевым преимуществом их использования, помимо значительно меньших репутационных издержек, является отсутствие необходимости согласовывать развертывание таких подразделений с Конгрессом, минуя официальные бюрократические процедуры, а также нести ответственность в случае негативного исхода операций.

Актуальным направлением деятельности частных военных компаний является обеспечение реализации государственных программ в стратегически важных направлениях развития биологии, военной медицины и смежных отраслях. Военно-биологические программы, реализуемые на территории Украины, стали публично обсуждаемой темой как в международной повестке, так и в самих Соединенных Штатах, используя, в частности, в политических комментариях таких представителей Республиканской партии, как Роберт Кеннеди-младший и Тулси Габбард [93]. В настоящее время подобные программы всё чаще реализуются с задействованием частных подрядчиков, которые в некоторых случаях позволяют государственным институциям отводить от себя публичную критику.

В частности, в Минобороны России заявляли о том, что американская частная военная компания Bancroft (дочерняя структура корпорации Amentum) обеспечивала осуществление лабораторных исследований в Центральноафриканской Республике в интересах Агентства по сокращению оборонных угроз при Министерстве обороны США [47]. Анализируя указанные обстоятельства, следует отметить, что у государственных органов

имеются все необходимые ресурсы для самостоятельного проведения подобных мероприятий, что подтверждается наличием в структуре оборонного ведомства США подразделений, выполняющих схожие функции. Однако, именно политический контекст и возможные репутационные издержки определяют использование частных военных компаний для их осуществления.

Суммируя вышеуказанные тезисы, следует привести краткую характеристику этапов развития частных военных компаний в мире, представленную в таблице 2.

Таблица 2 – Этапы развития частных военных компаний в мире

Временные рамки	Название этапа	Ключевые особенности
1960-1980-е годы	Создание первых ЧВК	Государственно-ориентированные направления действий, активное вовлечение в теневые операции
1990-е годы	Революция в сфере аутсорсинга	Получение доступа частных подрядчиков к государственным функциям, внутренняя перестройка логистики и снабжения вооруженных сил
2000-2010-е годы	Формирование крупных ЧВК – лидеров рынка	Резкий рост коммерциализации военных услуг
2020-е годы – настоящее время	Диверсификация ЧВК, появление квази-структур	Появление неформализованных структур, переход к действиям, свойственным прокси-формированиям

Источник: составлено автором.

Анализ этапов развития ЧВК в мире показывает, насколько различающимися могут быть форматы их деятельности. 2020-е годы отличаются повышенным использованием гибридных ЧВК, что несет в себе значительные управленческие и политические риски на длинной дистанции. Однако, эффективность таких компаний «в моменте» обуславливает существенный рост количества прецедентов их использования и развития в современных реалиях. В то же время рост рынка военных услуг затрагивает и более долговечные компании, стремящиеся к увеличению собственной многофункциональности и росту объемов. Следовательно, наиболее вероятным прогнозом в этой связи будет дальнейшее расширение участия

ЧВК в реализации государственных интересов в обозримой перспективе, а также поиск ими новых форматов деятельности, основанных на развитии собственных возможностей и компетенций.

Частные военные компании как военно-политический институт всё чаще становятся предметом детального анализа со стороны ведущих мировых аналитических центров, которые свидетельствуют о закреплении ЧВК в качестве важного элемента современной системы военно-политического мироустройства. Сам факт подобного пристального внимания к этой теме самым наглядным образом характеризует две устоявшиеся за последние годы тенденции: переход от прямых военных столкновений между крупными мировыми и региональными игроками к гибридным войнам [107] и использованию прокси сил, а также всё возрастающей ролью крупных корпораций, получивших возможность распространять и поддерживать свои интересы при помощи вооруженных формирований.

К числу вероятных направлений усиления присутствия зарубежных ЧВК, в особенности американских, по мнению автора могут быть отнесены Центральная и Латинская Америка, а также Украина. В случае с Центральной и Латинской Америкой вопрос развития частной военной инфраструктуры как средства усиления американского влияния в регионе обсуждается фактически на протяжении всего XXI века, однако именно в настоящее время данный вопрос получает должную степень секьюритизации в американском внутривнутриполитическом дискурсе. Рост криминогенной обстановки, активное развитие наркокартелей и увеличение числа парамилитарных формирований, способных вступать в прямые боестолкновения с государственными подразделениями, определяет необходимость расширения сектора обеспечения безопасности в этом регионе. Так, ранее упомянутым основателем компании Blackwater Эриком Принсом неоднократно поднимался вопрос о необходимости создания условий для нарушения практически беспрепятственно

осуществляемой логистики наркотиков и их прекурсоров через границу США и Мексики [70]. В качестве одного из средств решения указанной проблемы Принс предложил выдавать частным военным компаниям каперские свидетельства, разрешающие атаковать наркокартели по согласованию с государственными структурами.

В отношении же украинского вопроса частные военные компании могут быть задействованы в процессе установления контроля за стратегическими коммуникациями и объектами после окончания боевых действий. Если в настоящее время используемые ЧВК выполняют преимущественные силовые функции, являясь инструментом непрямого участия западных государств в конфликте, то размещение их в качестве подразделений контроля позволит продолжить осуществление проекции силы и поддержки американских и западноевропейских политических интересов при отсутствии необходимости использования вооруженных сил. Последнее обстоятельство, в частности, сталкивается не только с закономерным негативным восприятием со стороны российского руководства, но и потенциально может обусловить внутривнутриполитические издержки в самих западных государствах. Обращение же к частным военным компаниям, вероятно, представляется возможным способом нивелирования обоих указанных рисков.

2.2 Специфика институционализации и использования ЧВК в современных российских условиях

Развитие российских частных военных компаний, в отличие от стран Запада, началось относительно недавно, имея, при этом, иную первоначальную специфику. Как отмечалось в работе ранее, первые западные ЧВК фактически выступали в роли подразделений специального назначения, выведенных за штат государства в пользу частных структур, не связанных политическими ограничениями. СССР, решая аналогичные

задачи, использовал институт военных советников, а отсутствие частных структур в сфере военного снабжения и вспомогательных услуг объяснялось социалистическим типом экономического хозяйствования.

Изменение ситуации произошло уже в начале XXI века, когда ряд российских ЧОПов начал экспансию на внешние рынки. Для осуществления этого процесса потребовался переход к привлечению высокопрофессиональных сотрудников, большинство из которых являлись представителями военной среды, а также принципиально иного уровня материально-технического оснащения. Данный период, по мнению автора, следует определить как первый из четырех этапов в развитии российских частных военных компаний. Наиболее значимыми представителями данного этапа стали такие компании как РСБ-Групп, Moran Security Group, Тигр Топ-рент секьюрити, Орел-Антитеррор [7]. Рост числа оказываемых данными предприятиями услуг был связан с двумя экономическими факторами.

Во-первых, после падения режима Саддама Хусейна в 2003 году и перехода Ирака под контроль сил международной коалиции, представители российской нефтегазовой отрасли получили возможности для участия в промышленном и технологическом освоении местных месторождений. Ввиду наличия обстоятельств политического характера, а также факторов экономической конкуренции, подобная деятельность уступала по масштабам западным компаниям. Являясь активно развивающейся отраслью, зарубежная добыча природных ископаемых нуждалась в обеспечении охранных мероприятий, для которых не подходили стандартные ЧОПы.

Во-вторых, с началом нового века Россия значительно повысила уровень собственных торговых связей, что вызвало резкий рост морских логистических услуг. Учитывая проблемы безопасности судоходства, первые российские частные военные компании становились ключевым звеном в обеспечении надежного транзита грузов, а следовательно – дальнейшего развития внешнеэкономических связей государства. Следует отметить, что во

время этого периода российские ЧВК фактически действовали по собственной инициативе, а государственные институты ещё не рассматривали коммерциализацию военно-охранных услуг как перспективное направление.

Изменение ситуации произошло в 2011 году, когда в результате Арабской весны ряд традиционных союзников Российской Федерации оказался под угрозой внешней интервенции и внутренних гражданских конфликтов. В частности, для поддержки Сирийской Арабской Республики российскими военными был организован так называемый «Сирийский экспресс», снабжавший местные вооруженные силы техникой и боеприпасами. Важность подобных действий при этом обуславливалась не только необходимостью поддержки традиционного союзника, но и потребностью в проведении упреждающих мероприятий в отношении международных террористических групп [109]. Само же сирийское правительство стало активно заключать контракты с российскими ЧВК. Первым появившимся в средствах массовой информации случаем стала история с вышеупомянутой Moran Security Group, которая специально для проведения указанных мероприятий основала дочернюю структуру «Славянский корпус».

В октябре 2013 года её представители в количестве более 260 человек выехали в провинцию Хомс для контроля и удержания нефтяных месторождений, после чего, попав в организованную засаду, успешно отразили её с применением вооружения [77]. По возвращению в Москву несколько представителей компании были арестованы по подозрению в наемничестве, что послужило важным прецедентом, после которого стал усиливаться процесс коммуникации между частными военными подрядчиками и российским военно-политическим руководством. Упомянутый выше Орёл-Антитеррор, переименованный в 2008 году в Редут-Антитеррор, в 2014 году был выкуплен компанией «Стройтрансгаз», активно занимавшейся разработкой месторождений, для охраны которых в

условиях гражданской войны требовалась повышенная степень защищенности.

Ещё одним важным направлением активных действий в рамках второго этапа развития российских ЧВК стало участие сотрудников в конфликте на Юго-Востоке Украины в 2014–2015 годах. В отличие от Сирии, где к тому моменту российские компании занимались преимущественно охранными услугами, вступая в боевые контакты по необходимости, формирования на Украине изначально комплектовались под фактическое дублирование части армейских функций.

Однако, как и в сирийском кейсе, отсутствие легального статуса и институционализации ЧВК в российском правовом поле являлось существенным фактором, ограничивающим их возможности [139]. 1 мая 2014 года было создано объединение, которое получило название батальонно-тактической группы «Вагнер», впоследствии ставшее просто Группой Вагнера, важнейшей российской частной военной компанией [76].

С началом официальной российской военной кампании в Сирии в 2016 году и переходом стратегической инициативы к правительственным войскам, освобождаемые от террористических организаций территории остро нуждались в контроле со стороны всех потенциально возможных к развёртыванию сил. Кроме того, ЧВК начали активно использоваться и для проведения наступательных операций на территории САР. Российские специалисты показали себя как компетентные и мотивированные бойцы, собранные в высокоорганизованные воинские формирования, обладающие возможностями для ведения боевых действий различной интенсивности.

В силу закрытости данной сферы деятельность ЧВК приводила к формированию многочисленных слухов, как в случае с ЧВК «Туран», существование которой в дальнейшем никак не было подтверждено. Кроме того, за действия ЧВК иногда выдавалась работа спецназа Министерства обороны России. В то же время деятельность частных военных компаний имела определяющий характер для боевых действий на

земле. Если российская авиация и подразделения специального назначения концентрировались на ведении точечной войны, то потребность во фронтальных прорывах и штурмах закрывалась преимущественно именно бойцами ЧВК, дважды освобождавшими, в частности, город Пальмира.

Причины подобной ситуации имели и политическое выражение. Так, задействуя ЧВК, российское руководство избежало необходимости в отправке классических моторизованных подразделений на линию боевых действий, что уменьшало степень как международной, так и внутривойсковой напряженности. Тем самым, частные военные компании в рамках данного этапа своего развития определялись как средство достижения государственных политических интересов с наименьшими репутационными и иными рисками. Однако, российские ЧВК к тому моменту времени действовали в виде пехотных подразделений, а отсутствие тяжелой техники в случае кризисных ситуаций приводило к негативным последствиям.

Одним из наиболее информационно известных эпизодов является разгром групп ЧВК Вагнера в Дейр-Эз-Зоре 8 февраля 2018 года, в результате которого, по оценкам СМИ, погибло от нескольких десятков до нескольких сотен бойцов [55]. Атакующей стороной стали американские военные, использовавшие авиацию и артиллерию. Причины столь серьезного провала официально не были обозначены, однако вероятно, что фактором, приведшим к данному чрезвычайному происшествию, стал в том числе сложившийся недостаток координации между частными военными компаниями и военным ведомством.

Российские ЧВК использовались в качестве инструмента реализации стратегических военных и политических целей не только в Сирии, но и в других странах, имевших существенное значение для российских национальных интересов. Особенное внимание, в частности, было уделено Африканскому континенту. Подобное обстоятельство имело под собой очевидные политические основания, связанные с необходимостью создания

пояса союзников, учитывая кроме того давнюю историю взаимодействия Советского Союза с африканскими государствами. О важности данного процесса свидетельствовало и проведение в 2019 году саммита «Россия – Африка», собравшего представителей 45 стран [56]. Активное развитие товарооборота, развитие совместных проектов в энергетической и производственной сферах также обусловили необходимость оказания поддержки в сфере обеспечения безопасности, особенно учитывая кратно возросшие масштабы присутствия террористических группировок [34].

Ключевым инструментом достижения поставленных задач стали подразделения ЧВК Вагнер, использование которых, в отличие от привлечения вооруженных сил, позволило начать оказывать непосредственную военную помощь, избегая при этом внешнеполитических издержек. Одной из наиболее приоритетных зон геополитических интересов России стала Ливия. Первые сообщения о присутствии российских подразделений, появившиеся в 2019 году, указывали, что несколько сотен бойцов из ЧВК Вагнера приступили к оказанию военной поддержки союзному России маршалу Халифе Хафтару, при этом дополнительно уточнялось, что они были «почти взаимозаменяемы с ГРУ» и занимались обеспечением безопасности портов Тобрук и Дерна для российского флота [46].

Присутствие российских контрактников отмечалось также в Судане, где президент Омар аль-Башир заявлял российской стороне о необходимости защиты от действий США. Помимо ЧВК Вагнера, чьи представители занимались подготовкой суданской армии, а также защитой ключевых коммуникаций и инфраструктурных объектов, на территории этого государства действовали также подразделения РСБ-Групп.

После череды госпереворотов власть Судане перешла к политическим силам ещё более настроенным на сотрудничество с российскими ЧВК. Фактически, частные военные компании служили силовым прикрытием местного государственного аппарата, получая экономические преференции

за счет предоставления доступа к концессиям на добычу полезных ископаемых. Кроме того, в ноябре 2020 года было подписано соглашение о строительстве российского морского логистического центра в регионе. ЧВК своей деятельностью не только стабилизировали ситуацию в зоне повышенного риска, но и обеспечивали Российской Федерации политические и экономические преференции. Деятельность на территории Судана включала и гуманитарный компонент, подразумевавший обеспечение местного населения средствами индивидуальной защиты в период развития коронавирусной инфекции.

Относительно схожая ситуация сформировалась в Центральноафриканской Республике, где подразделения ЧВК Вагнер сыграли ключевую роль в поддержке местных избранных властей, а также своей активностью привели к фактическому изгнанию французских подразделений с территории государства и примирению ряда боевых групп [61]. Помимо политических аспектов, налаживание сотрудничества с властями Центральноафриканской Республики имело и экономическое выражение – так, ЧВК Вагнер успешно поставили под контроль процессы алмазодобывающей промышленности.

Деятельность ЧВК Вагнер в Мозамбике, включавшая помощь правительству в борьбе с радикальными исламистскими группировками, ознаменовалась тяжелыми боестолкновениями в условиях активизации террористических групп, а также привела к вытеснению местных частных военных компаний [85]. При этом важная функция российских ЧВК заключалась не только в непосредственном самостоятельном проведении боевых операций, но и в подготовке и координации местных сил. Тем самым, обеспечивались как непосредственно военные, так и консультативные функции, осуществляемые российской стороной.

География присутствия российских частных военных компаний не ограничивалась указанными выше примерами и распространялась также на такие государства, как Мали, Экваториальная Гвинея, Буркина-Фасо,

Эритрея, Камерун, Зимбабве и Мадагаскар. Использование ЧВК как инструмента реализации государственных интересов в этом контексте привело к первому со времен после распада Советского Союза активному проникновению России на африканский континент [116]. При этом, как отмечалось ранее, соперниками отечественных ЧВК становились не только противоборствующие стороны в национальных гражданских конфликтах, но и ведущие государства западного мира.

По оценочным данным общая средняя поддерживаемая численность ЧВК Вагнер в 2022 году в странах Африки составляла более 30 тысяч сотрудников. Следует отметить, что большую часть из них составляли непосредственно бойцы – штурмовики, минеры, операторы техники. Задействование же государственных формирований привело бы к необходимости привлечения значительно большего контингента военнослужащих.

Так, усредненной является мировая практика, при которой развертывание экспедиционных войск требует привлечения до 4-7 и более представителей тыловых и обслуживающих подразделений на каждого солдата, предназначенного для непосредственного участия в боевых действиях. Использование же ЧВК позволило обходиться фактически исключительно штурмовыми подразделениями. Отряды ЧВК в этом отношении отличались повышенной мобильностью, имея возможность комбинировать наступательные и оборонительные операции, а также осуществлять более гибкую ротацию подразделений, не требуя привлечения дополнительных чрезвычайных сил.

Опыт применения ЧВК Вагнер показывает, что в обобщенном виде направления действий Группы могут быть структурированы в четыре ключевых блока, включающие непосредственно военные, экономические, политические и гуманитарные мероприятия. Подобное обстоятельство очередной раз подчеркивает многофакторный характер частных военных

компаний и их способность к осуществлению мультифункциональных действий. Указанные мероприятия конкретизированы в рамках таблицы 3.

Таблица 3 – мероприятия ЧВК Вагнер в Африке

Направление действий	Мероприятия
Военные	1 Проведение наступательных и оборонительных операций 2 Контроль стратегических коммуникаций и объектов 3 Проведение контртеррористических мероприятий 4 Обеспечение физической безопасности региональных политических и военных лидеров 5 Обучение местных военных и полицейских подразделений
Экономические	Установление контроля над объектами добывающей промышленности (с получением части ренты)
Политические	1 Поддержка проведения электоральных и иных внутриполитических мероприятий 2 Осуществление политических консультаций глав государств и региональных лидеров
Гуманитарные	1 Разминирование дорог, объектов и населенных пунктов 2 Обеспечение продовольствием и медикаментами нуждающегося населения

Источник: составлено автором.

Безусловно, отдельного рассмотрения требует вопрос участия российских частных военных компаний в боевых действиях в рамках конфликта в Украине с 2022 года. Несмотря на отсутствие законодательного регулирования в этой сфере, следствием чего являлась юридическая неформальность существования ЧВК, деятельность частных военных структур, в первую очередь вышеупомянутой ЧВК Вагнера, стала во многом ключевой в контексте достижения военных целей на поле боя. Указанный период, по мнению автора, следует отнести к третьей фазе развития частных военных компаний в России.

Военное противостояние на территории Украины может быть рассмотрено как принципиально новая форма войны, сочетающая в себе классические механизмы, такие как полномасштабное развертывание и использование армии, взаимные удары дальнобойным оружием, обеспечение контроля территорий, и гибридные явления вроде использования прокси-сил, диверсий и терактов, а также информационно-психологических операций. В

ситуации с частными военными компаниями принципиальной новизной стало фактическое выстраивание из них параллельных вооруженных сил.

Ранее даже самые крупные ЧВК, вроде американской Blackwater или российской Группы Вагнера, имели ограниченные запасы техники и вооружений, предназначавшихся скорее для ведения локальных операций. С началом же боевых действий на Украине Группа Вагнера получила тяжелые артиллерийские системы, собственные танковые подразделения, системы ПВО, а также штурмовую фронтовую авиацию, пилотируемую профессиональными летчиками.

Ввиду существующей по настоящий момент недостаточности верифицируемой базы источников сравнение эффективности регулярных вооруженных сил и ЧВК представляется сугубо оценочным, однако, следует отметить, что многочисленные подразделения частных групп действовали результативно, обеспечив продвижение на значимых участках фронта, а также достигнув победного итога в сражениях за Кременную, Соледар и Бахмут.

К сильным сторонам частных военных компаний на этом периоде своего функционирования следует отнести целый ряд факторов. Во-первых, повышенную боеспособность и готовность к боевым действиям на наиболее тяжелых участках фронта. Так, опыт вышеуказанных сражений показывает, что бойцы ЧВК использовались в качестве штурмовых подразделений, призванных обеспечивать взятие крупных оснащенных укрепрайонов. Битва за Бахмут, имевшая явное политическое значение для украинской стороны, обозначила невозможность использования российских вооруженных сил ввиду потенциальных потерь, несоразмерных военной важности города. Использование же частных подразделений позволило конвенциональным вооруженным силам сфокусироваться на других, более оперативно значимых направлениях фронта. Тем самым, ЧВК Вагнер фактически включались в военный инструментарий государства.

Во-вторых, важное значение имели механизмы развитых горизонтальных связей. По оценке самого лидера ЧВК Вагнер Е. Пригожина [38], именно эти обстоятельства, обеспечивавшие донесение информации от рядового состава до командиров с последующей корректировкой возникающих сложностей, приводили к повышенной эффективности подразделений. Как отмечалось ранее в работе, подобные механизмы являются одними из ключевых преимуществ частных военных компаний, делающих их более гибкими образованиями, склонными к внутренним структурным изменениям.

В-третьих, высокую результативность демонстрировали механизмы формирования групповой сплоченности. Контекстный анализ интервью и мемуаров экс-бойцов Группы Вагнера показывает высокую степень преданности компании [12]. В частности, одним из важнейших правил, принятых на уровне руководства, было обязательное возвращение раненых и тел погибших вне зависимости от условий боестолкновений. Подобные меры, усиливаемые внутренней агитацией, приводили к формированию единства коллектива, демонстрировавшего патриотические качества. Однако, рассматриваясь в более широком контексте, параллельное развитие ценностных установок и в отношении государственных интересов, и в отношении самой компании, привело к долгосрочной негативной тенденции. Так, во время осуществления попытки мятежа в 2023 году групповая сплоченность привела к тяжелым последствиям, обозначив проблематику того, что корпоративная сплоченность является не только инструментом повышения эффективности подразделений, но и соответствующим политическим риском.

В-четвертых, весомое преимущество ЧВК Вагнер заключалось в привлечении к участию в боевых действиях граждан, не готовых к заключению контрактов с военным ведомством. Анализ источниковых данных показывает, что одним из обстоятельств, способствовавших активному набору в ЧВК Вагнер, были психологические установки самих

рекрутируемых. Если до 2022 года основной состав группы включал в себя бывших кадровых военнослужащих, то с началом полномасштабных боевых действий на Украине и необходимости привлечения больших людских резервов ситуация изменилась в значительной степени. Кандидаты могли быть условно разделены на две группы: относительное меньшинство, имеющее боевой опыт и историю службы в государственных военизированных организациях, и большинство, не имеющее боевого опыта или карьерного трека в силовых структурах.

Однако фактором, объединяющим данные группы, было нежелание заниматься военной деятельностью под эгидой государства. В то же время, частная компания с её более гибкой структурой и вышеупомянутыми развитыми горизонтальными связями, формулировала собственную ценность для указанных лиц. Одним из ключевых элементов привлекательности было отсутствие системы званий, замещенной исключительно на должности. С учетом этого отсутствовала необходимость в выслуге лет для получения вышестоящего статуса, а характер боевых действий подразумевал возможность быстрого перехода из категории штурмовиков в командиры подразделений.

Очевидной слабой стороной ЧВК Вагнер на этом этапе являлось нарушение координации с военным ведомством, выразившееся не только в локальных проблемах, но и в попытке вооруженного мятежа в июне 2023 года, после которого большая часть сотрудников компании была распущена или перешла в государственные подразделения, а командный состав оказался в Беларуси и Африканских странах. С момента этого события и перехода частных отрядов на подписание прямых контрактов с Министерством обороны произошло завершение третьей фазы развития российских ЧВК, ознаменованной периодом функционирования полноценных частных армий.

В рамках обозначаемой четвертой стадии развития оформилось фактическое включение частных военных компаний в систему обеспечения

военной безопасности государства. Заключение прямых контрактов обозначило заинтересованность государства в большем контроле и управлении деятельностью квази-ЧВК, выступавших скорее в виде неформальных объединений и не имевших под собой устойчивой правовой базы. В то же время, включившись в систему управления военным ведомством, подобные отряды продолжают находиться в неоднозначном юридическом статусе.

Большая часть таких структур оформлялась через посредника в виде ЧВК Редут, компании, ранее участвовавшей в Сирийском конфликте. Часть подразделений, развернутых в Африке, осталась в рамках основанных ранее компаний, однако в 2023 году Министерством обороны был создан аналогичный проект, получивший название Африканского корпуса. Замещение ЧВК силами указанного подразделения в частности начало происходить в Ливии, Буркина-Фасо и Центральноафриканской Республике. В июне 2025 подразделения ЧВК Вагнер начали выходить из Мали после более чем трехлетнего периода присутствия.

Несмотря на существенное ограничение географических зон присутствия, деятельность ЧВК Вагнер не была прекращена полностью. В частности, развернутые на территории Беларуси инструкторы продолжают выполнять функции по обучению белорусских подразделений сил специальных операций, внося соответствующий вклад как в развитие политического сотрудничества, так и в обеспечение безопасности Союзного государства.

Исходя из этого, можно констатировать, что влияние частных военных компаний после вооруженного мятежа ЧВК Вагнер было ограничено, а независимые подразделения перешли в разряд локальных групп, не имеющих доступных им ранее возможностей, особенно в части материально-технического оснащения.

Данный этап к настоящему моменту завершает периодизацию функционирования российских частных военных компаний, представленную в рамках таблицы 4.

Таблица 4 – Стадии развития российских ЧВК

Временные рамки	Название этапа	Ключевые особенности
2000-е годы	Зарождение первых ЧВК	Развитие ЧОПов, выход компаний на международные рынки
2011-2021 годы	Развитие военизированных компаний	Ориентация ЧВК на проведение боевых операций, активное вовлечение государства в создание ЧВК
2022-2023 годы	Формирование частных армий	Развитие материально-технического обеспечения ЧВК до стандартов вооруженных сил, проведение крупных войсковых операций
2023 год – настоящее время	Переформатирование сегмента частных военных компаний	Оформление деления ЧВК на легальные охранные структуры с расширенным спектром услуг, отдельные отряды, входящие в систему управления Минобороны, а также условно независимые подразделения с сокращенными возможностями

Источник: составлено автором.

Значение же частных военных компаний для национальных интересов России является существенным не только в политической, но и в экономической плоскости. Основными заказчиками услуг военизированной охраны в России представлены такие частные корпорации, судовладельцы и крупные предприятия, как «Татнефть», «Газпром», «Лукойл» или «Интер РАО ЕЭС». Однако по своей юридической форме услуги обеспечения безопасности предоставляются частными охранными, а не военными предприятиями.

В отношении вопроса о защите объектов топливно-энергетического комплекса, находящихся в собственности у российских корпораций, следует также отметить, что у практически каждой из крупных нефтегазовых компаний уже есть свои собственные охранные предприятия. К примеру, у Роснефти имеется собственное частное охранные предприятие «РН-Охрана», у Газпрома также имеется собственный ЧОП «Газпром охрана», а ЛУКОЙЛ

активно пользуется услугами агентства «ЛУКОМ-А», специализирующегося на охране объектов ТЭКа. Следует отметить, что согласно российскому законодательству частные охранные компании не могут быть дочерними структурами организаций, имеющий установленный основной вид деятельности, не связанный с предоставлением охранных услуг. Однако компании, функционирующее в сегменте топливно-энергетического комплекса, являются исключением из данного правила.

Сами же вопросы обеспечения безопасности топливно-энергетического комплекса на современном этапе оказываются связаны не только с производственным, но и с логистическим компонентом. Стабильность прохода российских судов через Балтику подвергается риску ввиду недружественных действий стран Запада. В частности, в мае 2025 года подразделениями ВМС Эстонии совместно с ВВС Польши была предпринята попытка по перехвату в нейтральных водах танкера Jaguar, не увенчавшаяся успехом лишь после привлечения российской авиации. Позднее, председателем Морской коллегии Российской Федерации Николаем Патрушевым было заявлено о имеющейся информации о планах по привлечению частных военных компаний для осуществления перехвата российских судов, ранее попавших под санкционные ограничения [71].

Одним из возможных ответов на подобные реальные и потенциальные действия, приносящие как прямые издержки, так и упущенную экономическую выгоду, представляется симметричное усиление охраны самих судов. В то время как российские военно-морские и военно-воздушные силы обеспечивают общую, системную безопасность российского мореходства, реализация мер по защите отдельно взятых кораблей требует более многокомпонентного подхода.

В частности, лидером партии «Справедливая Россия – За Правду» Сергеем Мироновым было высказано предложение о создании специальных «морских» ЧВК, которые могли бы обеспечивать безопасность маршрутов перевозки российских энергоресурсов [63]. В то время как современные

российские частные охранные организации имеют ограниченные ресурсы для защиты кораблей (ограничиваясь, как правило, размещением нескольких легковооруженных специалистов на борту), ЧВК, по мнению Миронова, смогли бы получить полноценное тяжелое вооружение, а также специализированные катера для защиты охраняемых кораблей от террористических, диверсионных действий или операций по их перехвату.

Безусловно, наличие на охраняемых кораблях групп сотрудников частной охраны не обуславливает появление юридической или фактической возможности оказывать сопротивление военным, пограничным или полицейским подразделениям других государств, однако их присутствие само по себе уже представляется значимым фактором проекции силы и отражения государственных приоритетов России, способным потенциально уменьшать количество провокаций в отношении российского торгового флота.

Другим перспективным направлением для российских частных военных компаний может стать Арктика. С учетом увеличения капитальных вложений в данный регион, а также развития Северного морского пути, представляется необходимым обеспечение стабильности логистики, а также безопасности ключевых объектов инфраструктуры. Кроме того, наблюдаемый тренд на милитаризацию Арктики обуславливает повышенное внимание к указанному вопросу со стороны государственных структур. На рост конфликтного потенциала указано, в частности, и в Стратегии развития арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года. Кроме того, примеры задействования ЧВК в Арктике уже являются реальностью. Так, в 2019 и 2020 годах частные подрядчики привлекались для обеспечения безопасности немецкого ледокола «Polarstern», использовавшегося в рамках экспедиции MOSAiC по исследованию физических процессов арктического климата [84].

При этом следует отметить, что как балтийский, так и арктический регион являются стратегически важными для Российской Федерации, а

обеспечение стабильного присутствия в них является не только фактором развития национальной экономики, но и важным геополитическим аспектом.

Подводя определенный итог, можно констатировать неоднозначность положения российских частных военных компаний на современном этапе своего развития. Несмотря на период своего активного роста, связанного с кратным увеличением числа компаний и их материально-технических и ресурсных возможностей, в настоящее время фиксируются тенденции, препятствующие устойчивому и долгосрочному развитию ЧВК как института в российской военно-политической практике.

Во-первых, влияние на этот процесс оказывают изменения в области реформирования российских Вооруженных сил и других военизированных организаций. Сформировавшийся тренд на усиление государственных структур тяжелой техникой и вооружением уменьшает привлекательность квази частных военных компаний как механизма обеспечения военной безопасности государства.

Во-вторых, ключевое значение в дискуссии о тенденциях развития частных военных компаний имеет внутривнутриполитическое направление, видоизменившееся после попытки вооруженного мятежа со стороны ЧВК Вагнер в июне 2023 года. Общество и власть более детально и скрупулёзно относятся к необходимости оперативного контроля за деятельностью вооруженных формирований, призванных выполнять свои прямые функции, не выходящие за пределы сферы безопасности. Фактически, подобная ситуация предполагает невозможность создания или развития компаний, аналогичных по уровню известности или популярности в милитаризованной среде.

В-третьих, российские частные военные компании подвергаются тем же внешнеполитическим испытаниям и сложностям, что и другие российские коммерческие структуры. Ограничения санкционного порядка вынуждают официально зарегистрированные российские охранные компании с расширенным функционалом сокращать свои действия за рубежом. В то же

время деятельность незарегистрированных компаний активно замещается на альтернативные проекты, такие как Африканский корпус Министерства обороны России.

Существующие легальные частные охранные компании с лицензиями на работу в зарубежных странах, находятся в куда более скромных условиях как с точки зрения материально-технической базы, так и с точки зрения доступа к сотрудничеству с официальными органами по вопросам подготовки сотрудников, повышения их квалификации или иных программ. Вместо этого подобные коммерческие охранные компании используют лишь свою весьма ограниченную инфраструктуру, и, как правило, не имеют возможностей для её легального расширения.

В России на текущий момент отсутствует какая-либо устоявшаяся концепция поддержки частных военных и охранных компаний, которая могла бы быть использована для всех подобных организаций без исключения. Сам рынок частных военных услуг в России может быть классифицирован как неустойчивый, зависящий от факторов внешне- и внутривнутриполитической турбулентности. Это обстоятельство сокращает возможности для стратегического анализа возможности построения сектора частных военных компаний в отечественной практике. В то же время усиление гибридных процессов мировой политики и реформирование российской системы безопасности с большой степенью вероятности может привести не к прекращению функционирования российских ЧВК, а к их дальнейшему трансформированию и поиску новых форматов активности.

2.3 Модели использования частных военных компаний в продвижении политических интересов

Анализируя практику развития частных военных компаний как инструмента реализации политических интересов государства, следует констатировать отсутствие в настоящий момент времени в политологической

и других науках структурированных моделей использования ЧВК. Частные военные компании рассматриваются в большей степени на предмет классификации по типам услуг или же с точки зрения определения правового статуса, однако для анализа контекста их существования и развития в разрезе политических интересов государства представляется необходимым типологизировать модели их использования, объединив ключевые характеристики деятельности.

Автором в этой связи предлагаются как элемент анализа следующие модели: *направляющая, партнерская, патронажная*.

Каждая из них включает в себя единые семь элементов сравнения:

- 1) Правовой статус.
- 2) Источники финансирования.
- 3) Возможность участия в боевых действиях.
- 4) Степень самостоятельности.
- 5) Происхождение материально-технической базы и вооружения.
- 6) Методы рекрутирования персонала.
- 7) Наличие собственной атрибутики.

Направляющая модель подразумевает под собой систему, при которой ЧВК изначально создаются независимыми акторами для реализации собственных коммерческих интересов, однако существуют, усиливаются и развиваются во взаимосвязи с государственными целями и задачами. ЧВК в данном случае получают большую часть заказов от государств (включая как само государство-регистратор, так и зарубежные страны), а также обладают преференциями в закупках техники и вооружений. Сильными сторонами компаний подобного типа являются, с одной стороны, их устойчивость, предполагающая возможность функционирования без обязательной необходимости в оперативном управлении со стороны государственных военных институций, а с другой – их стабильность в качестве оказания услуг по отношению к государству как заказчику.

Стабильность в данном случае проистекает из обоюдной выгоды, заключающейся в том, что государство начинает располагать гибкими в использовании формированиями, отвечающими необходимым профильным стандартам, а сами частные военные компании получают свободу действий на местах при законтрактованных условиях финансовой поддержки.

Правовой статус данных компаний является официальным, а допустимые перечни их деятельности практически совпадают с реально выполняемыми функциями. В странах Запада распространенным является подход, при котором подобные компании легализуются посредством двухступенчатой системы, в рамках которой первым этапом является создание и регистрация самой компании, а вторым – получение экспортной лицензии на деятельность в зарубежных государствах. Легальный правовой статус в свою очередь обуславливает и официальный характер финансирования. При этом, важным определяющим признаком является преимущественное контрактное обслуживание со стороны государственных структур, которое может достигать до 100% от общего объема заказов.

Для подобных компаний является возможным участие в боевых действиях в силу наличия технических ресурсов и должной степени компетентности персонала, однако это не является основной функцией или их ключевым признаком.

Степень самостоятельности компаний, функционирующих в рамках направляющей модели, может быть охарактеризована как относительная. Данные ЧВК преимущественно самостоятельно выбирают методы действий на местах и тактику проводимых операций. Однако, общие параметры их деятельности определяются в тесном взаимодействии с государственными структурами и прописываются в положениях соответствующих контрактов. Документальное закрепление договорённостей касается также, как правило, географических зон осуществления операций и форматов кооперации с подразделениями вооруженных сил.

Происхождение материально-технической базы имеет преимущественно официальный характер и формируется за счёт прямых закупок частными компаниями у других коммерческих структур или государственных организаций. Однако, ввиду фактического сопряжения действий частных контрактников и представителей армии на местах, допускается и определенный отход от официальных процедур.

Рекрутирование персонала в рамках направляющей модели предполагает легальный характер, а все принимаемые на службу сотрудники официально оформляются в штат. Подобная ситуация формирует дополнительные элементы привлекательности у потенциальных контрактников, стремящихся к получению финансовых и страховых гарантий.

Компании такого типа часто имеют и развивают собственную атрибутику. В частности, подобное обстоятельство было характерно для деятельности ЧВК Blackwater, стремившейся к активной персонализации своего бренда, в том числе с целью развития известности в сравнении с другими компаниями.

Ключевыми представителями направляющей модели являются такие компании, как:

- Academi (Blackwater), Triple Canopy, MPRI, KBR, DynCorp, Fort Defence Group Corporation (США).
- Keenie Meenie, Sandline International (Великобритания).
- Defense Conseil International (Франция).
- Asgaard German Security Group (Германия).
- SADAT (Турецкая Республика).
- Executive Outcomes (ЮАР).

Помимо представления описательной части направляющей модели, представляется необходимым также осуществление SWOT-анализа, целью которого является как выделение системных факторов развития модели, так и её сравнительных преимуществ и недостатков перед другими форматами

использования ЧВК с позиции государственных интересов. Результаты соответствующего анализа представлены в таблице 5.

Таблица 5 – SWOT-анализ направляющей модели

Сильные стороны:	Слабые стороны:
1 Расширенная функциональность компаний; 2 Кадровые и материально-технические ресурсы для проведения силовых мероприятий; 3 Налаженные механизмы взаимодействия с государственными структурами	1 Ограниченность механизмов верификации качества предоставляемых услуг; 2 Ориентированность на краткосрочные действия вместо реализации стратегических, долгосрочных мероприятий; 3 Необходимость использования методов неформального регулирования деятельности со стороны государства
Возможности:	Угрозы:
1 Развитие компетенций по замещению подразделений вооруженных сил; 2 Переход к многофункциональным объединениям, совмещающим функции полиции, вооруженных сил и специальных структур	1 Переход от статуса инструмента государства к статусу инструмента корпораций; 2 Переток квалифицированных кадров из вооруженных сил

Источник: составлено автором.

К партнерской модели могут быть отнесены частные военные компании, действующие как обычные рыночные субъекты с поправкой на военную и охранную сферу деятельности. Крупнейшим заказчиком их услуг являются другие частные фирмы, а государства обращаются к ним по необходимости, имея, однако, возможности по выстраиванию долгосрочных и устойчивых связей. Основная роль подобных организаций сводится к обеспечению услуг охранного, консультационного и логистического характера, с тем отличием от других моделей, что география их деятельности не включает зоны полномасштабных военных конфликтов. Важное значение подобных компаний обуславливается их массовостью и распространенностью – так, действуя даже в рамках исполнения услуг коммерческих заказчиков, подобные ЧВК в любом случае влияют на общий контур обеспечения безопасности государства и реализации его интересов.

Правовой статус и финансирование таких компаний в обязательном порядке имеет официальный, легальный характер. В отличие от более неоднозначного статуса других видов, компании, функционирующие в

патронажной модели, как правило формально представлены охранными структурами или компаниями-поставщиками.

Данные ЧВК практически никогда не используются для оказания услуг в условиях боевых действий и являются скорее охранными компаниями с расширенным функционалом. Подобное обстоятельство обуславливается в первую очередь необходимостью налаженной координации на местах с представителями вооруженных сил, которая наблюдается в рамках других моделей – направляющей и патронажной.

Степень самостоятельности может быть охарактеризована как практически полная, основанная на использовании легальных механизмов коммерческой деятельности в сфере частных военно-охранных услуг.

Материально-технические средства подобные компании приобретают строго в соответствии с официальными процедурами, не имея возможностей для их обхода.

Рекрутирование персонала организаций, относящихся к партнерской модели, также имеет строго официальный характер.

Наличие собственной атрибутики в таких компаниях встречаются большинстве случаев лишь в виде корпоративной эмблемы, однако такие символы носят скорее характер формальных, не связанных с потребностями в создании определенного восприятия компании среди потенциальных рекрутов.

В качестве ключевых представителей партнерской модели следует выделить:

- G4S, Erinys International, Control Risks (Великобритания);
- Kroll (США);
- GardaWorld (Канада);
- Aeneas Groupe, Anticip (Франция)
- Paladin Group, Sharp End International (Австралия);
- РСБ-Групп (Россия).

С учетом изложенных обстоятельств, автором также осуществлен SWOT-анализ партнерской модели использования ЧВК, представленный в таблице 6.

Таблица 6 – SWOT-анализ партнерской модели

Сильные стороны	Слабые стороны
1 Значительные компетенции в секторе охранных услуг; 2 Устойчивая кадровая политика; 3 Полностью легальный характер деятельности	1 Ограниченный инструментарий; 2 Неспособность к участию в боевых действиях; 3 Ослабленные требования к личному составу
Возможности	Угрозы
1 Участие в развитии комплексных программ по обеспечению безопасности государства; 2 Расширение перечня предоставляемых услуг	1 Уменьшение перечня предоставляемых услуг на фоне отсутствия доступа к военным технологиям; 2 Снижение качества предоставляемых услуг в результате монополизации рынка

Источник: составлено автором.

Патронажная модель включает в себя специально создаваемые сообщества, координируемые, а в некоторых случаях и полностью управляемые вооруженными силами или иными специальными структурами государств. Ключевыми их целями являются ведение боевых действий и оказание вспомогательной поддержки силам на местах, а также охрана и сопровождение установленного круга лиц в наиболее опасных зонах. Часть таких компаний является относительно устойчивыми и организованными структурами, другие выступают в роли квази-ЧВК, действуя крайне ограниченный промежуток времени.

С точки зрения правового статуса подобные организации либо не регистрируются вовсе, либо основываются на фиктивно созданных компаниях, оказывающих услуги околвоенного характера. Финансирование подобных структур является дифференцируемым, осуществляемым через фирмы-посредники или же полностью теневым образом.

Участие в боевых действиях или, по крайней мере, нахождение в зонах конфликтов, является основной целью создания подобных организаций и практически всегда воплощается на практике.

Самостоятельность же данных компаний в условной мере отсутствует. ЧВК подобного типа имеют субъектность на локальном уровне, однако выбор зоны действий и перечня проводимых мероприятий зависит преимущественно от сопровождающих их деятельность государственных структур. В то же время, значительным управленческим и политическим риском является выход подобных структур из-под вертикальной системы управления.

Источником происхождения материально-технической базы данных компаний является государственная инфраструктура, передаваемая напрямую либо оформляемая через сторонние структуры (например, как в случае с рядом американских ЧВК в 2022–2023 годах). Методы рекрутирования персонала могут включать как официальное оформление через специализированные компании-прокладки, так и теневой найм.

Значительное число подобных частных военных компаний имеет собственную атрибутику, активно распространяемую в социальных сетях с целью привлечения в свои ряды новых представителей. Кроме того, атрибутивные элементы становятся также фактором групповой сплоченности, крайне необходимой в условиях выстраивания командной системы управления.

SWOT-анализ патронажной модели приведен в таблице 7.

Таблица 7 – SWOT-анализ патронажной модели

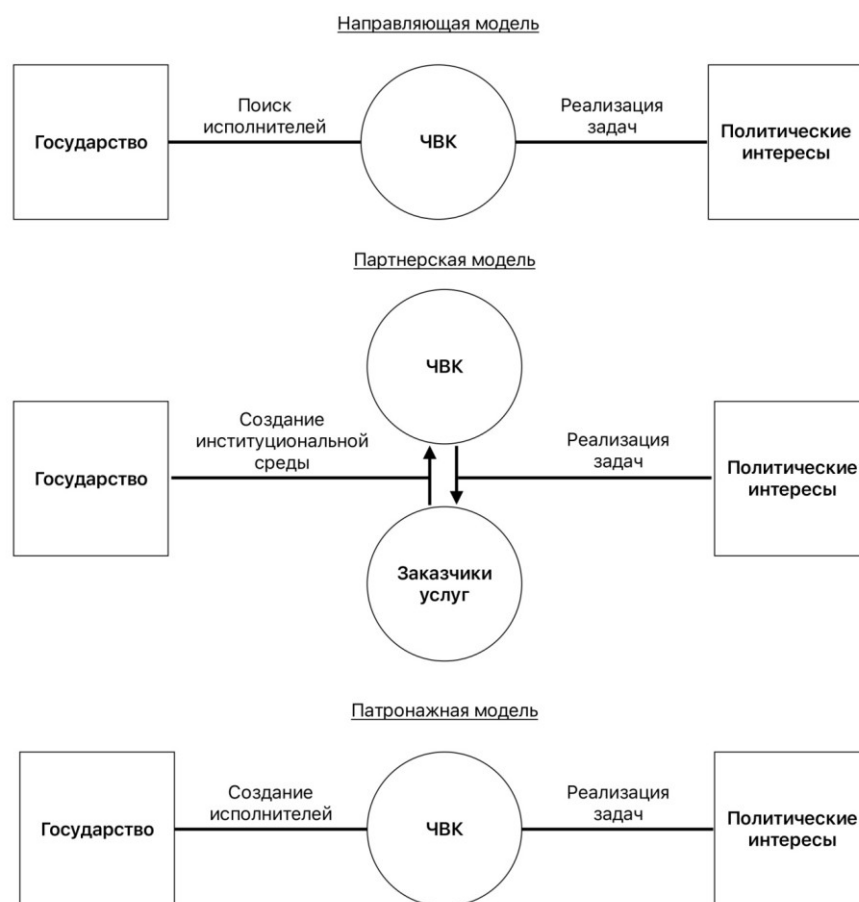
Сильные стороны	Слабые стороны
1 Значительная степень готовности к участию в боевых действиях; 2 Наличие материально-технических и кадровых ресурсов для дополнения или замещения подразделений вооруженных сил	1 Вариативная подконтрольность, зависящая от действий конкретных командиров; 2 Отсутствие возможностей для легального взаимодействия с коммерческими, государственными или международными структурами
Возможности	Угрозы
1 Легализация и формализация деятельности с переходом в «направляющую» модель	1 Выход из-под контроля военно-политического командования; 2 Развитие собственной политической субъектности ЧВК

Источник: составлено автором.

В качестве ключевых представителей патронажной модели могут быть выделены:

- ЧВК Вагнер, ЧВК Редут (Россия);
- Mozart Group, FOG, Sons of Liberty International (США);
- Elite Global Response (Великобритания).

Общая визуализация схемы моделей использования ЧВК представлена на рисунке 8.

Источник: составлено автором.

Рисунок 8 – Виды моделей использования ЧВК государствами

В рамках направляющей модели государства осуществляют подбор ранее зарегистрированных ЧВК, контрактуют их услуги на официальной основе. Впоследствии, подобные организации, получающие доступ к государственной инфраструктуре, как правило, существенно расширяются,

становясь компаниями-флагманами по оказанию военных и охранных услуг для государственных нужд.

В случае с партнерской моделью использование ЧВК для реализации политических интересов первоначально заключается не в непосредственной контрактации их услуг, а в создании общей институциональной среды, в рамках которой компании получают свой легальный статус. Государство же в свою очередь, являясь модератором процессов юридического оформления деятельности ЧВК, располагает возможностью для их контроля, в том числе посредством лицензирования экспортной деятельности. ЧВК, функционирующие в рамках партнерской модели, вносят значимый вклад в реализацию ключевых направлений обеспечения безопасности, высвобождая государственные силовые ресурсы для решения иных задач.

Патронажная же модель предполагает создание государством компаний, используемых для реализации собственных целей, первоочередными из которых являются цели в области военной политики. Сам процесс создания ЧВК, функционирующих в рамках патронажной модели, предполагает две разновидности:

1) Непосредственные организационные действия по формированию ЧВК «с нуля» (например, как в случае с рассмотренными в исследовании Watchguard International и Keenie Meenie).

2) Обращение к формально созданным, но практически не функционировавшим организациям (в случае с Forward Observations Group).

Следовательно, в отношении компаний партнерской модели характерно утверждение о невозможности ведения их деятельности в отрыве от действий иницирующих их развитие государственных структур (в отличие от компаний, действующих в направляющей или партнерской модели). Данные модели наглядным образом демонстрируют значение частных военных компаний для государств, использующих их максимально дифференцированно. По мнению автора, наиболее стабильной из представленных моделей является партнёрская. Её ценность для интересов

государства обуславливается постоянством таких компаний и их стремлением к легальной и прозрачной деятельности, отвечающей международным стандартам. Для сегмента таких организаций являются актуальными те же проблемы, что и для обычных коммерческих структур, включая риски образования монополий на охранном рынке и проблематику недружественных слияний и поглощений.

Направляющая модель, вероятно, так же будет сохранять свое значение в роли инструмента проекции государственной силы, проводимой частными акторами. Важным вектором деятельности подобных компаний будет контроль ключевых морских и сухопутных коммуникаций, месторождений газа, нефти и других полезных ископаемых. Главный риск, связанный с компаниями данного типа, заключается в опасениях о возможности их становления в виде частных армии, действующих в парадигме интересов транснациональных корпораций. Недопущение подобного развития ситуации зависит не только от наличия адекватных внутрикорпоративных установок у представителей крупного бизнеса, но и от того, насколько эффективно будет организовано государственное регулирование подобных компаний.

Патронажная модель, актуализировавшаяся 2022 году на фоне украинского конфликта, в настоящее время применяется более осторожно, учитывая политические и управленческие риски. В российской же практике компании, действовавшие в рамках патронажной модели, начали расформировываться, включаясь в состав Вооруженных сил. Частные военные кампании подобного типа, как отмечалось ранее в работе, используются фактически в роли прокси подразделений, однако оценки о сохранении такого тренда в будущем являются преждевременными. Важным обстоятельством в этой связи является то, что патронажная модель существует и развивается в наиболее явные периоды гибридного противостояния между государствами, в то время как направляющая и

партнерская модели является более стабильными и независимыми от кардинальных изменений в мировой политике.

Компании, функционирующие в рамках патронажной модели, сталкиваются с рядом схожих негативных факторов, обуславливающих их недолговечность. Одной из наиболее явных проблем является невозможность долгосрочного поддержания устойчивого статуса – ввиду своей ориентации на ведение боевых действий, а также специфики отношений направляющей их страной, такие компании в перспективе либо испытывают сложности из-за внутренних конфликтов (как в случае с Группой Моцарта или FOG), либо же расширяются настолько, что становятся угрозой для курирующих их государственных структур (как в случае с ЧВК Вагнер).

Целесообразность их существования также не является однозначно определяемой, формулируясь в зависимости от возникающих задач военного характера. Фактически, деятельность компаний патронажной модели может быть классифицирована в категориях локальных и крупных операций. В случае с точечными операциями, как правило, подразумевается необходимость осуществления диверсионно-разведывательных действий, так называемых «black ops», то есть действий, имеющих заведомо нелегальный характер и направленных на сбор наиболее закрытой информации, требующей физического присутствия (например, для фото и видеофиксации стратегических объектов), или же на непосредственные кинетические действия, призванные нанести урон выявленным целям противника. Осуществление подобной деятельности, фактически проводимой ведущими мировыми государствами, сопровождается использованием механизмов теневого финансирования и сокрытия непосредственных бенефициаров операций. Следует отметить, что для подобных операций организациям вовсе не обязательно иметь формальный или неформальный статус частных военных компаний, так как подобные мероприятия успешно проводятся и при помощи компаний классического рыночного сектора.

В случае с задействованием ЧВК для реализации крупномасштабных задач, определяемых требованиями военной безопасности, существуют механизмы добровольческих формирований и особых подразделений в составе вооруженных сил или национальных гвардий государств. Использование подобного варианта является более безопасным с политической точки зрения ввиду того, что такие формирования все же заключают формализованные контракты с государством, в отличие от патронажных ЧВК, действующих на уровне обобщенных форм и методов согласования действий между государственными и частными институциями. Фактически, ключевое значение таких ЧВК в этой связи сводится к использованию фактора бренда, призванного обеспечить стабильный приток кадров в компанию и, следовательно, в распоряжение государства.

Таким образом, стоит отметить, что все три модели, являющиеся концентрированным выражением взаимодействия государственных институций и частных военных компаний, представлены гибкими инструментами, используемыми государствами в реализации собственных интересов. Следовательно, органы военно-политического управления и далее будут комбинировать применение различных моделей в зависимости от возникающих обстоятельств, что определяет также и перспективные направления развития самих частных военных компаний.

Выводы по главе 2

Использование частных военных компаний сопровождается регулярным изменением форматов их деятельности, основанных на потребностях государства. Исторический опыт развития ЧВК показывает, что основными причинами становления их в качестве военно-политического инструмента послужили изменения в характере ведения боевых действий, а также особенностей государственного управления и распространения практики перехода на аутсорсинговые контракты. Наиболее крупные и многофункциональные ЧВК традиционно представлены в странах Запада (особенно – в США и Великобритании), однако в современных реалиях

организации подобного типа получают должную степень развития и в других государствах, включая Турцию и Китай.

В соответствии с периодизацией этапов развития ЧВК в мире, текущая ситуация может быть охарактеризована как переходный период, подразумевающий активное развитие гибридных форматов, сочетающих в себе и обособленное использование ЧВК, и их включение в состав военной организации принимающих сторон.

Российские же ЧВК начали развиваться гораздо позже, однако оказались способны быстро видоизменяться в зависимости от требуемых задач, определяемых государственными институтами. Достигнув по некоторым параметрам сопоставимых с вооруженными силами возможностей, ЧВК не смогли подвергнуться интеграции в правовое пространство в качестве самостоятельных акторов. К настоящему же времени наблюдаются тенденции, отображающие высокую рискованность дальнейшего использования ЧВК с перспективы государственных интересов, что обуславливает наблюдаемое угасание их деятельности и замещение государственными конвенциональными формированиями.

На основании практического анализа деятельности российских и зарубежных частных военных компаний автор пришел к выводу о существовании трех ключевых форм (моделей) использования ЧВК, которые могут быть обозначены как направляющая, партнерская и патронажная.

Направляющая модель представлена крупными частными силовыми акторами, используемыми для реализации государственных интересов. Партнерская модель предполагает существование классических военных и охранных компаний, для которых характерна ориентация на коммерческих заказчиков, в то время как действия государства в отношении них сводятся к созданию общих условий развития. Патронажная же модель подразумевает полноформатное использование военизированных подразделений, правовой статус которых либо не соответствует фактически осуществляемым мероприятиям, либо не подразумевает критерия легальности вовсе.

С учетом изложенного автором сделан вывод о приоритетном значении партнерской модели при безусловном учете необходимости обращения к направляющей для решения ключевых задач в области военно-политических интересов государства. Использование же патронажной модели, при внешних преимуществах, в долгосрочной перспективе приводит либо к распаду подобных организаций, либо же к появлению политических рисков, связанных с их развитием.

Глава 3

Основные направления политико-правового регулирования деятельности ЧВК в Российской Федерации

3.1 Нормативно-правовые проблемы регулирования ЧВК и пути их решения

Несмотря на свою достаточно обширную историю, включающую несколько десятилетий активного функционирования, частные военные компании остаются неоднозначно определяемым феноменом как с точки зрения международного права, так и с позиции правовых систем отдельно взятых государств.

Проблемы, связанные с определением и классификацией ЧВК, а также аспекты мониторинга, оценки и корректировки их деятельности, безусловно вносят свои коррективы в формирование системы регулятивного надзора за оперативной и стратегической деятельностью частных военных компаний [153]. Кроме того, на эту проблематику влияет и международный характер деятельности ЧВК. Данный факт формулирует и характеризует необходимость наличия действующих механизмов сразу на трех уровнях нормативно-правового регулирования, а именно:

- 1) На внутриорганизационном уровне.
- 2) На уровне национальных государств.
- 3) На межгосударственном уровне.

Внутриорганизационный уровень, как правило, представлен сводом внутрикорпоративных правил, предписаний и должностных инструкций, обязательных для обеспечения устойчивого функционирования и развития ЧВК как на уровне небольших групп, так и крупных структур, активно участвующих в современных конфликтах и имеющих развитую собственную или привлекаемую извне инфраструктуру. Подобные правила призваны не

только устанавливать общие рамки деятельности ЧВК, но и персонализировать ответственность в компании, придать ей адресный характер.

В качестве ключевых направлений саморегулирования ЧВК на внутриорганизационном уровне стоит выделить особенности выстраивания трудовых отношений, а также правил поведения сотрудников компаний. Традиционно, наиболее формализованные трудовые контракты в сфере оказания частных военных и охранных услуг существуют в странах Запада. С учетом своего легального статуса подобные компании предоставляют как программы страхования, так и тарификацию заработной платы, зависящую от степени риска, которому подвергаются сотрудники при выполнении поставленных задач.

В российской же практике до перехода ЧВК на подписание контрактов с Министерством обороны заключение трудовых договоров в большинстве случаев имело условный, неформальный характер, не подразумевающий строгую юридическую силу, но призванный тем не менее определенным образом структурировать имеющиеся отношения между работодателями и рекрутами. В то же время иная ситуация складывалась с зарегистрированными частными охранными организациями, действующими, в том числе, и на зарубежных рынках.

Кроме того, для российских ЧВК стало свойственно создание кодексов – неформальных правил, так называемой «миссии» организации. В частности, ЧВК Вагнер, продолжающий по состоянию на 2025 год набор сотрудников для проведения боевых и вспомогательных операций на Африканском континенте (пусть и в значительно сокращенном объеме по сравнению с периодами своей наибольшей активности), на своем сайте формулирует такие принципы компании как:

- защита интересов России;
- взаимопомощь и взаимовыручка среди бойцов;
- отказ от насилия в отношении мирного населения и мародерства;

– неприятие сдачи в плен и ценность самопожертвования [78].

Следует отметить, что при всей степени неформальности подобных правил, их исполнение, поддерживаемое строгой внутрикорпоративной дисциплиной, фактически является прямым элементом самоконтроля компаний.

Регулирование на национальном уровне является наиболее объемным и важным по своему значению, определяя механизмы не только надзора, но и модерирования деятельности ЧВК. Во многом это обусловлено тем, что ЧВК в любом случае не представлены сугубо транснациональными акторами, являясь, прежде всего, инструментом конкретных государств. Исходя из этого, именно на государства-регистраторы возлагается наибольшая степень ответственности за действия создаваемых на их территории ЧВК даже в том случае, если они ведут свою деятельность исключительно в зарубежных странах.

Для западных частных военных компаний преимущественно свойственно регулирование, основанное не на одном базисном законе, определяющим условия создания и функционирования ЧВК, а на нескольких правовых источниках [92], предметом которых является определение отдельных аспектов деятельности компаний. В частности, в американской практике к числу нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность ЧВК, относятся:

– Закон «О контроле за экспортом оружия» (Arms Export Control Law), регулирующий, в числе прочего, порядок выдачи компаниям лицензий на осуществление деятельности, связанной с использованием вооружений или их обслуживанием за рубежом.

– «Единый кодекс военной юстиции» (The Uniform Code of Military Justice) и «Закон о военной экстерриториальной юрисдикции» (Military Extraterritorial Jurisdiction Act) [117], определяющие порядок применения мер воздействия, принятых в вооруженных силах, к сотрудникам ЧВК (формально являющихся гражданскими лицами).

Кроме того, правовое регулирования деятельности ЧВК затрагивает не только общие, функциональные аспекты их деятельности, но и отдельные направления, требующие корректировки в связи с возникающими прецедентами. В качестве одного из примеров подобного государственного регулирования можно отметить историю с компанией Blackwater, которую после событий, связанных с гибелью мирного иракского населения в 2007 году, спустя некоторое время обязали принять меры к обеспечению большей транспарентности своих действий в рамках исполнения охранных и военизированных функций. Так, в 2007 году Госдепартамент США принял постановление, согласно которому на всех транспортных средствах компании в Ираке требовалась установка камер видеонаблюдения, а сотрудников Blackwater, охраняющих дипломатов, на постоянной основе начали сопровождать агенты федеральных ведомств США. Кроме того, переговоры между группами Blackwater, обеспечивающими безопасность дипломатов, и представителями Вооруженных сил США начали записываться с целью предотвращения потенциальных коррупционных историй, а также для воспрепятствования возможному оказанию давления на кадровых военных со стороны сотрудников ЧВК.

В то же время подобные меры носили преимущественно тактический характер, затрагивая отдельные аспекты деятельности подрядчиков на местах. Их вероятной целью было установление управленческой и нормативной дисциплины, повышения степени согласованности действий частных подрядчиков. Однако введение ответственности за действия, включая возможные правонарушения и преступления, не предусматривалось в качестве приоритета государственной политики.

Так, в 2004 году главой коалиционной администрации Полом Бремером был издан приказ № 17, сущность которого сводилась к предоставлению сотрудникам частных компаний фактического иммунитета от уголовного преследования на территории Ирака [44]. Публично известные случаи преступлений с участием представителей Blackwater, включая эпизод

с убийством гражданских лиц на площади Нисур в Багдаде, а также резонансное дело об убийстве сотрудником компании охранника вице-президента Ирака, заканчивались немедленным выездом подозреваемых за пределы страны-местонахождения и ведением расследования уже на территории США [117].

Подобная экстерриториальность и неподсудность местным законам в краткосрочной перспективе являлась безусловным преимуществом для американских ЧВК, имевших возможность не лимитировать собственные действия ограничениями правового характера. В то же время, в долгосрочной перспективе подобные тенденции рассматриваются скорее, как негативные – в первую очередь из-за того, что прецеденты с уходом от ответственности приводили к ужесточению местного населения, воспринимавшего контракторов как захватчиков. Явным свидетельством подобного отношения послужила ранее упомянутая казнь четырех сотрудников Blackwater. Несмотря на общий уровень ожесточения, многочасовые издевательства над телами погибших все же выходили за рамки привычного даже по меркам Ирака периода активной фазы ведения войны. Недопущение подобных ситуаций не могло быть обеспечено исключительно силовыми методами, а требовало налаживания коммуникаций и выстраивания системы партнерских отношений с местным населением, выявлением лояльных групп и иных способов, призванных предотвращать чрезвычайные ситуации, а не только купировать их последствия.

Однако, в целях объективного анализа следует сделать уточнение, что подобные действия со стороны ЧВК были вызваны не только внутренними причинами, но и достаточно конкретно определяемыми факторами в виде типа и формы оказываемых услуг. Охранные функции, подразумевающие рассмотрение любого стороннего лица в качестве потенциальной угрозы, несомненно, влияли на общий уровень психологического напряжения сотрудников. Так, во время суда над участниками расстрела на площади Нисур, подозреваемые неоднократно указывали, что сопровождение

охраняемых объектов в условиях плотной городской застройки и при наличии широко распространенных прецедентов с атаками террористов-смертников, неизбежно вызывали ожесточенное поведение у самих контракторов, включая расталкивание автомобилей на пути движения колонны и открытие предупредительного огня.

Правовое регулирование деятельности частных военных компаний в странах Европы отличается отсутствием конкретизации понятия самих ЧВК. Так, для государств континентальной Европы, включая, например, Францию и Германию, характерно отсутствие специальной нормативной базы, регулирующей деятельность частных военных подрядчиков. Правовая система Великобритании в свою очередь подразумевает модель регулирования, схожую с американской, фокусируясь на предмете лицензирования зарубежной деятельности компаний.

В России, как отмечалось ранее, в правовом поле отсутствует понятие частных военных компаний, а структуры, определяемые как ЧВК на функциональном уровне, существуют либо в виде частных охранных организаций, либо же не легализованы. Согласно статье № 359 «Наёмничество» Уголовного кодекса Российской Федерации наемник определяется как «лицо, действующее в целях получения материального вознаграждения и не являющееся гражданином государства, участвующего в вооруженном конфликте или военных действиях, не проживающее постоянно на его территории, а также не являющееся лицом, направленным для исполнения официальных обязанностей» [86]. Указанное определение не является полным и не отображает всей проблематики современных вооруженных конфликтов, позволяя гибко трактовать вопрос правовой оценки участия сотрудников ЧВК в зоне боевых действий. Ключевым обстоятельством в данной связи является положение о том, что наемником признается только лицо, не являющееся гражданином государства, участвующего в конфликте.

Отдельные попытки ввести понятие ЧВК в российское правовое поле имели локальный характер и могли быть связаны с необходимостью осуществления анализа динамики общественных настроений, либо же с целенаправленным политическим пиаром на фоне значительного информационного внимания к данной тематике. В то же время, ряд подобных инициатив дошли до этапа разработанных законопроектов. Несмотря на то, что их принятие не смогло осуществиться, сам факт разработки и доведения до этапа сформулированных документов, уже свидетельствует о важном продвижении в попытках нормативно-правового определения деятельности ЧВК. Исходя из этого, представляется целесообразным осуществить анализ данных документов с целью выявления их ключевых параметров, а также определения общей динамики вынесения проблемы существования и развития ЧВК в публичную плоскость.

Первой из таких попыток стало внесение в 2012 году партией «Справедливая Россия» законопроекта «О государственном регулировании создания и деятельности частных военных компаний» [53], согласно которому было дано следующее определение ЧВК: «военная компания, имеющая специальное разрешение (лицензию) для оказания на договорной основе военных услуг иностранным юридическим лицам в иностранных государствах».

К достоинствам данного законопроекта следует отнести также формулирование возможности внедрения механизмов государственной поддержки для ЧВК, включая меры, направленные на предоставление требуемых налоговых и иных льгот. Также, предполагалось обязать сами ЧВК внедрять программы страхования жизни и здоровья сотрудников.

В то же время, для ЧВК устанавливался режим исключительно внебюджетного финансирования, что существенным образом способно ограничивать деятельность таких компаний. Кроме того, законопроект предполагал возможность ведения деятельности ЧВК только в зарубежных государствах. Подобная мера, как минимум, представляется недоработанной

на уровне технического исполнения. Так, возникает вопрос о том, должно ли это условие распространяться только на оказание услуг или же применяться и к размещению инфраструктуры внутри самой Российской Федерации. Данный аспект представляется неоднозначным также на том основании, что в качестве целей законопроекта были заявлены «создание рынка военных услуг» и «создание выгодных экономических условий иностранным юридическим лицам для вложения средств в приобретение российской продукции военного назначения».

Внесению самого законопроекта при этом предшествовали парламентские обсуждения, в рамках которых термин ЧВК впервые был обозначен в российском политическом дискурсе. Кроме того, впервые была дана и позитивная оценка в отношении возможности их функционирования. Так, Владимиром Путиным, занимавшим на тот момент пост Премьер-министра, было отмечено, что ЧВК «являются инструментом реализации национальных интересов без прямого участия государства» [68]. Однако, несмотря на данные обстоятельства, законопроект был отправлен на доработку и не получил предварительного заключения.

Следующим этапом в попытках нормативного регулирования деятельности ЧВК стало внесение в 2014 году законопроекта «О частных военно-охранных компаниях» [54]. Инициатором снова выступила партия «Справедливая Россия», значительно видоизменившая текст предыдущего варианта. В пояснительной записке указывалось, что его принятие позволило бы решить целый ряд проблем, связанных с отсутствием регулирования деятельности ЧВК. В частности, к основным преимуществам подобного решения причислялись возможность получения государством легального ресурса проекции силы, не требующего задействования вооруженных сил, а также трудоустройство бывших военнослужащих и сотрудников силовых структур. Кроме того, особый акцент был сделан на финансовой составляющей. Указывалось, что легализация ЧВК способна существенным

образом увеличить налоговые поступления государства в условиях разрастания запроса на обеспечение безопасности.

К числу достоинств законопроекта можно отнести следующие положения:

1) Содержит описание предполагаемых функций военно-охранных компаний, включая услуги военного (разминирование, вооруженное сопровождение), охранного (безоружное сопровождение, оборудование систем защиты) и консультационного характера (обучение, консалтинг, оценка безопасности).

2) Предполагает ведение реестра частных военно-охранных компаний, осуществляя учет и контроль предприятий, действующих в данной сфере.

3) Предполагает внедрение процедуры лицензирования компаний. Лицензиаром должна была стать Федеральная служба безопасности России. В то же время сама процедура лицензирования в законопроекте не конкретизировалась, а предполагалась к уточнению отдельным Положением о лицензировании.

4) Формулирует обязательства работодателей по страхованию сотрудников компаний.

К числу недостатков могут быть отнесены следующие пункты:

1) Содержит положение о том, что для учредителя частной военно-охранной компании данный вид деятельности должен быть основным. Несмотря на имеющуюся оговорку о том, что разрешение может быть предоставлено в порядке исключения при наличии должных оснований, данная ситуация потенциально может затруднять развитие рынка военных и охранных услуг. Как отмечалось в исследовании ранее, для многих российских крупных компаний, особенно работающих в энергетическом секторе, свойственно создание собственных дочерних профильных структур, действующих в сегменте обеспечения безопасности.

3) Предполагает внесение несоразмерно крупного уставного капитала – 100 млн рублей. Подобное требование исполнимо лишь для крупных

корпораций, но исключает возможность участия в рынке частных военных услуг независимых групп, объединений ветеранов и иных заинтересованных лиц, имеющих для этого должные компетенции.

4) Запрет на участие в составе компаний лицам, имеющим судимость. Несмотря на необходимость отсечения криминальных элементов от военной сферы, полный запрет на подписания контрактов гражданам с судимостью не только ограничивает кадровый ресурс компаний, но и препятствует достижению важной социальной цели функционирования ЧВК – агрегированию слоев общества, не имеющих возможность вступить в вооруженные силы, но желающих участвовать в поддержании обороноспособности государства.

4) Предполагает возможность допуска иностранных военно-охранных компаний на российский рынок. Представляется, что в условиях несформированности отечественно рынка услуг в этой сфере, подобная мера может быть преждевременной. В то же время, безусловным позитивным фактором могли бы стать программы тренинга и обмена опытом с зарубежными компаниями.

5) Содержит положение об обязательности проведения служебной проверки в случае применения огнестрельного оружия или специальных средств. Подобная мера, актуальная для охранных компаний, действующих в относительно безопасной среде, не применима для воплощения на практике в зонах повышенной опасности или в регионах военных конфликтов.

Помимо указанных аспектов, следует отметить существенность вопроса об уточнении самих названий компаний. Так, представляется необходимым проведение дифференциации между представленным в законопроекте понятием военно-охранных компаний, и существующими охранными организациями, деятельность которых регулируется отдельным законом.

Несмотря на имеющиеся пробелы, данный законопроект стал важным этапом в попытках легализации ЧВК в Российской Федерации. Основанием

же для отказа в его дальнейшем рассмотрении снова послужило отсутствие соответствующего заключения Правительства.

Следующий законопроект «О частной военно-охранной деятельности» [67] был внесен в 2016 году на фоне разворачивания активности российских ЧВК на территории Сирийской Арабской Республики.

К числу достоинств законопроекта следует отнести:

1) Запрет на иностранное участие в уставном капитале компаний.
2) Установление расширенного перечня услуг, оказываемых компаниями.

3) Запрет участвовать в развертывании и использовании ядерного, химического, бактериологического (биологического) и токсикологического оружия.

4) Учет необходимости страхования жизни и здоровья сотрудников компаний.

5) Наличие конкретизации процесса лицензирования компаний. В частности, внутри страны за выдачу лицензий должно было отвечать Министерство обороны. Осуществление же зарубежной деятельности согласовывалось в порядке отдельного разрешения, выдаваемого Министерством промышленности и торговли, в то время как Министерство обороны привлекалось уже для осуществления оперативного контроля.

Выявляемые недостатки при этом коррелируют со спорными пунктами из ранее рассмотренных законопроектов. В их число входят и строгий запрет на принятие соискателей с судимостью, и неурегулированность вопроса с дифференциацией между частными охранными и частными военно-охранными компаниями.

Как и в случае с более ранними прецедентами, законопроект не получил дальнейшего одобрения и был снят с рассмотрения его инициаторами.

Новое появление ЧВК в российском политическом дискурсе произошло в 2018 году, когда о необходимости формирования законодательной базы под понятие частных военных компаний и о фактическом признании их деятельности было заявлено Министром иностранных дел России Сергеем Лавровым [91]. Непосредственно после этого, партией «Справедливая Россия» был представлен новый, четвертый по счету проект закона, получивший наименование «О частных военных компаниях» [40].

Значимое изменение коснулось процедурного компонента – так, законопроект перед внесением в Государственную Думу был напрямую направлен в Правительство для получения положительного заключения. Однако, рассмотрев представленные материалы, Правительство отказалось от визирования, сославшись на состояние противоречия между текстом проекта и нормами федерального законодательства в части запрета на создание общественными объединениями вооруженных формирований, а также в соответствии с конституционной монополией государства на вопросы обороны и безопасности. Следует отметить, что оба представленных аргумента не могут быть определены как юридически безусловные. Так, частные военные компании, являющиеся коммерческими организациями, не должны квалифицироваться в качестве общественных объединений. Кроме того, деятельность подрядных структур в определенных договорами рамках не является нарушением принципа исключительного права государства.

С учетом данных обстоятельств представляется, что ключевым фактором, определившим отсутствие дальнейшего принятия указанных законопроектов, являлось отсутствие политического решения о необходимости их легализации. По мнению автора, причины сложившейся ситуации могут быть рассмотрены с позиции ранее введенных в исследовании моделей использования частных военных компаний. Так, для российской практики было характерно существование частных охранных организаций, действовавших в том числе за рубежом, и определяемых как

представителей партнерской модели, а также ряда военизированных ЧВК, относящихся к патронажной модели, не требующей обязательной легализации. Отсутствие же компаний, аналогичных крупным западным ЧВК вроде Academi или Triple Canopy обуславливало отсутствие обязательного нормативного регулирования данной отрасли.

В 2023 году лидером «Справедливой России» Сергеем Мироновым было вновь заявлено о необходимости принятия закона о ЧВК и предложено взять за основу проект от 2018 года [64]. Схожая позиция была выражена и председателем комитета по обороне Андреем Картаполовым, заявившим о том, что даже события, связанные с мятежом ЧВК Вагнер, не должны отменять необходимость в развитии института частных военных компаний в России [48]. В то же время фактические события свидетельствовали, что военно-политическим руководством в качестве приоритетного направления была обозначена не институционализация ЧВК, а их интеграция в действующие и создаваемые государственные структуры – от подразделений Росгвардии до Африканского корпуса Министерства обороны.

Помимо внутрикорпоративного и государственного уровня нормативно-правового регулирования, важное значение в формализации деятельности ЧВК имеет наднациональный или международный уровень. На практике он может включать в себя как двусторонние и многосторонние межгосударственные соглашения, так и глобальные документы, конфигурирующие основные правовые параметры функционирования частных военных компаний.

Значительная часть нормативного регулирования негосударственных субъектов военной активности на международном уровне в XX веке затрагивала вопросы ограничения и запрета наемничества, в то время как активность частных военных компаний с точки зрения международного права фактически рассматривалась как обычная коммерческая деятельность. Одними из первых проектов регулирования в этой связи послужили так называемые «Green Paper», инициированные Великобританией и

Швейцарией в начале XXI века [134]. Ключевой особенностью документов стало предложение о создании специального наднационального органа, в чьи функции вошло бы осуществление регулирования деятельности ЧВК.

Наиболее же известным соглашением в данной области является Документ Монтрё 2008 года. Подписанный представителями 59 государств, преимущественно западного мира, он носит скорее декларативный характер, не предусматривающий прямых санкций за нарушение его положений. В то же время именно этот документ стал первой и самой обширной на текущий момент попыткой сформулировать частные военные компании как инструмент в военно-политической и правовой плоскости, а также создать базу для дальнейшей правовой регуляции его использования.

В Документе представлены следующие категории государств, вступающих в отношения с ЧВК:

«1) Государства-контрагенты – это государства, которые непосредственно заключают с ЧВК контракты об оказании услуг, в том числе, в соответствующих случаях, когда такие ЧВК заключают дополнительные субконтракты с другими компаниями.

2) «Государства территориальной юрисдикции» – государства, на территории которых действуют ЧВК.

Согласно положениям документа, обязательства государств территориальной юрисдикции ограничиваются районами, в которых они способны осуществлять эффективный контроль.

3) «Государства происхождения» – это государства национальной принадлежности ЧВК, то есть страна-регистратор частной военной компании. При этом, если зарегистрированная ЧВК является дочерней организацией, то таковым государством-регистратором считается страна, на территории которой зарегистрирована материнская организация» [102].

Другим важным глобальным документом является «Международный кодекс поведения частных военных и охранных компаний», принятый в 2010 году. Несмотря на схожий рекомендательный характер,

определяющий скорее общие принципы и нормы деятельности ЧВК, некоторые государства осуществили имплементацию указанного кодекса в собственные национальные законодательства [62]. Например, подписание Кодекса является обязательным условием для Швейцарских компаний, рассчитывающих на подписание контрактов с государственными структурами. Кроме того, подобное требование предъявляется и Организацией Объединенных Наций, активно обращающейся к услугам ЧВК для обеспечения безопасности собственных миссий.

С учетом безусловной важности указанных документов как прецедента вынесения проблемы деятельности частных военных компаний в международную плоскость, они все же являются источниками «мягкого права», не придавая строгой детерминированности как понятию ЧВК, так и мерам по их контролю и регулированию.

В том же 2010 году профильной рабочей группой ООН был подготовлен проект Конвенции о частных военных и охранных компаниях. В отличие от ранее рассмотренных документов, данный проект предполагал императивный характер для подписавших его государств. Однако, его рассмотрение ограничилось проведением дискуссий, не приведших к подписанию и ратификации.

Кроме того, следует упомянуть и заключенные двусторонние соглашения между странами, призванные регламентировать порядок присутствия контингентов на территории государств. Например, Соединенными Штатами и Ираком было подписано «Соглашение о статусе вооруженных сил» (The Status of Forces Agreement), определяющее характер использования государственных и негосударственных военизированных формирований на территории Ирака [128]. В случае с Афганистаном следует выделить «Порядок регулирования деятельности частных военных компаний в Афганистане» (Procedure for regulating activities of private military and security companies in Afghanistan) [65], который несмотря на свой формально односторонний характер определял механизмы заключения договоров с

иностранными компаниями, являясь инструментом как национального, так и межгосударственного регулирования.

Рассматривая саму специфику политико-правовых проблем регулирования деятельности частных военных компаний, можно выделить по меньшей мере три ключевых явления, чей характер в полной мере детерминирует отсутствие должной степени контроля за деятельностью ЧВК на современном этапе международного развития.

Первой из таких проблем является ранее упомянутый вопрос с классификацией частных военных компаний. Непостоянство определений этого термина во многом формирует сложности с созданием устойчивых правовых механизмов и провоцирует многие компании на уход в «серую зону» со значительно более слабыми нормативными ограничениями. Так, структуры, по всем своим признакам относящиеся к частным военным компаниям, могут мимикрировать под обычные охранные компании, а их потенциальная деятельность, сопряженная с прямым ведением боевых действий, может прикрываться консультационными услугами или программами обучения.

Исходя из этого, компании могут применять и другие методы вроде вывода сотрудников за штат или дробление на малые структуры, что несомненно усложняет их классификацию. Кроме того, как отмечалось в работе ранее, резкий рост квази-ЧВК привел к положению, при котором формальная и фактическая деятельности компаний разделяются ещё сильнее. Структуры вроде Forward Observations Group не могут быть детерминированы с правовой точки зрения не только как частные военные компании, но и как частные охранные, что обеспечивает невозможность применения к ним потенциальных мер, допустимых по отношению к компаниям с установленными военными, поддерживающими или консалтинговыми видами деятельности. Следовательно, правовой надзор за деятельностью частных военных компаний может быть рассмотрен как попытка регулирования неформального института формальными методами,

что уже исходя из этого противоречия обуславливает невозможность полного достижения заданной цели.

Другой важнейшей проблемой в этой связи является вопрос о связи определения принимаемых мер и их приложением. Частные военные компании, как правило, действуют сразу в нескольких юрисдикциях, что обеспечивает повышенный уровень сложности создания эффективных правоприменительных практик. Ответственность, возлагаемая в данном случае, может носить как пропорциональный характер, так и быть применимой лишь к одной из сторон соглашения. Следствием этого является отсутствие на современном этапе механизмов сопряжения регуляционных мер.

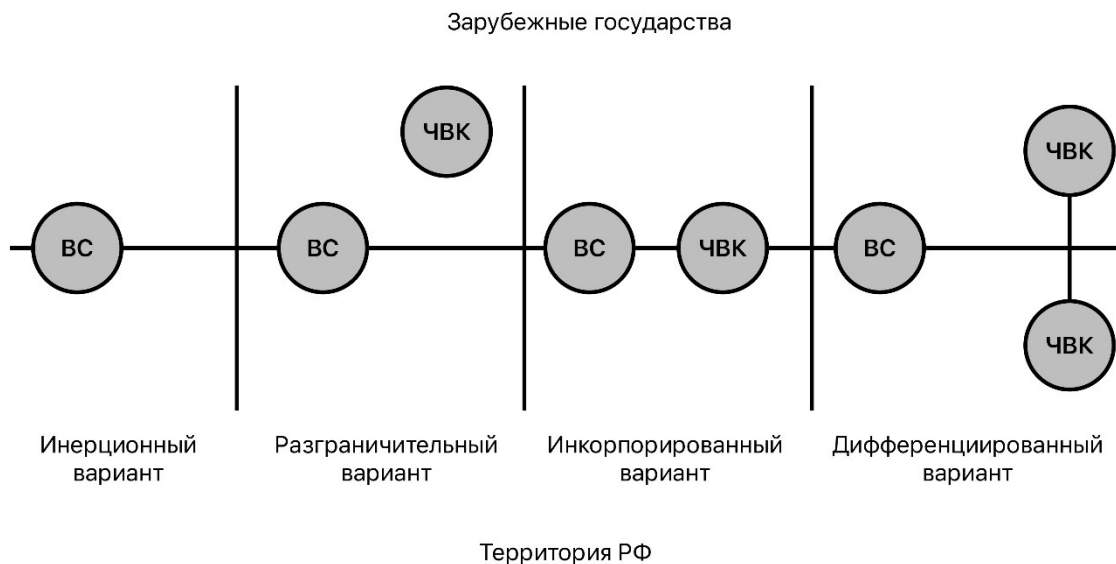
Можно констатировать, что правовое и нормативное регулирование деятельности частных военных компаний формулируется одновременно на нескольких уровнях – от внутрикорпоративного до международного. В то же время подобное регулирование скорее отстает от процесса развития самих ЧВК и не всегда отвечает нуждам времени ни по объему, ни по качеству.

Однако, помимо субъективной причины в виде того, что современные государства не нуждаются в зарегулированных частных военных компаниях, что во многом обеспечило бы им скованность в собственных действиях и могло привести, по мнению военно-политических акторов, к снижению их эффективности как элемента гибридной политики, есть и объективная сторона вопроса – ЧВК являются столь динамично меняющимся и не в полной мере сформированным институтом, имеющим различные формы представленности, что полноценное и отвечающее всем запросам международной правовой системы регулирование в этой области становится мало достижимым в обозримой перспективе.

Пути решения указанных проблем находятся, по мнению автора, в плоскости создания дифференцированных форматов регулирования ЧВК, основанных на моделях их использования. Потребность в данном решении определяется тем, что в отношении подобных компаний государства

зачастую подходят чрезвычайно системно, обобщая их и отрицая специфические отличия между ними. В частности, распространенной является практика, характерная в том числе и для России, когда непринятие закона о ЧВК, вызванное опасением появления неподконтрольных вооруженных формирований, приводит к существенному ограничению возможностей легальных многофункциональных охранных подразделений, зарекомендовавших себя как надежных исполнителей.

Анализ дальнейших путей развития частных военных компаний в российских реалиях должен учитывать как текущие особенности национального законодательства, так и фактические обстоятельства развития негосударственных военизированных субъектов, включаемых в процесс обеспечения национальной безопасности. С учетом этого, по мнению автора является необходимым выделение основных вариантов политико-правового регулирования ЧВК в России, представленных в схематичном виде на рисунке 9.

Источник: составлено автором.

Рисунок 9 – Варианты политико-правового регулирования ЧВК в России

Инерционный вариант предполагает сохранение доминирующего положения вооруженных сил в качестве инструмента обеспечения военной безопасности, применимых как для обороны территорий, так и для

потенциального ведения экспедиционных кампаний и мероприятий по силовой поддержке стран-союзников. В данном случае уместно утверждать о прекращении феномена частных военных компаний в российской действительности. Так, большая часть групп, ранее рассматривавшихся как ЧВК, в настоящее время перешла под управление Министерства обороны в качестве добровольческих отрядов. ЧВК Вагнер в свою очередь разделились на несколько составных частей, включая покинувших компанию напрямую или подписавших контракт с Министерством обороны. Кроме того, как было отмечено ранее, деятельность единственной на данный момент полноценно функционирующей части ЧВК Вагнер в Африке активно замещается Африканским корпусом. Следовательно, в парадигме продолжения наблюдаемых тенденций, оснований предполагать, что частные военные компании в России могут быть легализованы в обозримой перспективе, не усматривается.

На необходимость воспреещения развития ЧВК неоднократно указывалось, в частности депутатом Государственной Думы, генерал-лейтенантом Виктором Соболевым, заявлявшем о неприемлемости существования неподконтрольных государству военных формирований, деятельность которых может быть обратно замещена государственными структурами без возникновения угроз для военной безопасности [66].

Второй вариант – разграничительный, предполагающий выделение частных военных компаний в отдельную подотрасль. Действуя исключительно в зарубежных государствах, подобные ЧВК могли бы существенным образом усилить российское военное присутствие в различных регионах мира, особенно учитывая текущую занятость основных подразделений Вооруженных сил на СВО. Отчасти подобный вариант мог быть реализован посредством сохранения ЧВК Вагнер в её нынешнем виде. Однако, для создания рынка военных услуг существование всего одной компании, не имеющей, помимо прочего, легального статуса и не являющейся многофункциональной, представляется явно недостаточным.

На возможность внедрения подобного механизма использования ЧВК указывал Первый заместитель главы международного комитета Совета Федерации Владимир Джабаров, отмечавший, что частные военные компании могли бы быть эффективным инструментом для продвижения российских интересов за рубежом, однако внутри страны государство должно сохранять за собой монополию на военную силу [49].

В рамках третьего, инкорпорированного варианта, возможен процесс, обратный инерционному. Согласно нему, в случае принятия закона о частных военных компаниях (или расширения перечня услуг, которые могут реализовывать частные охранные компании), будут созданы предпосылки для формирования полноценного российского сегмента ЧВК, способного конкурировать с ведущими иностранными компаниями. Учитывая уже накопленный опыт, а также значительное количество бывших военных и представителей силовых структур, подобный сценарий представляется крайне вероятным на техническом уровне его исполнения. В то же время подобный вариант развития событий первостепенно является политическим вопросом, зависящим от сложившейся конъюнктуры. Ассоциации, связанные с вооруженным мятежом ЧВК Вагнер в 2023 году, безусловно осложняют подобное развитие событий. Однако, в этой связи необходимо понимать, что сам мятеж был не прямым следствием существования ЧВК, а как раз наоборот стал результатом их отсутствия в правовом поле, что повлекло за собой утрату неформальных рычагов воздействия в условиях отсутствия иных инструментов контроля.

К числу сторонников подобного варианта среди представителей российского политического класса можно отнести Сергея Миронова и депутата Государственной Думы Андрея Гурулева, неоднократно заявлявших о приоритетном значении частных военных компаний для дополнения возможностей Вооруженных сил, даже с учетом произошедшего мятежа со стороны ЧВК Вагнер [36].

По мнению автора, все три указанные варианта несмотря на определенные преимущества, имеют не менее выраженные недостатки. Так, реализация инерционного варианта существенным образом снижает вариативность силовых ресурсов, а следовательно – влияет и на степень обеспечения безопасности государства. Разграничительный вариант представляется своеобразной «полумерой» – при безусловной важности развития негосударственных силовых акторов за рубежом утрачивается компонент их функционирования внутри России, что также препятствует созданию дополнительных механизмов обеспечения государственной и общественной безопасности. Инкорпорированный же вариант, предусматривающий создание полноценного рынка частных военных услуг, сопряжен со значительными политическими рисками – особенно в условиях несформированности системы гражданского контроля над соответствующими организациями.

Дифференцированный вариант, предлагаемый автором к рассмотрению, может быть попыткой найти баланс между крайними точками зрения, подразумевающими как необходимость полной легализации ЧВК и создания рынка частных военных услуг по западному образцу, так и полного воспрещения их деятельности и возврата к осуществлению всех оборонных функций и мероприятий в сфере безопасности исключительно государственными институтами. Согласно данному перспективному варианту, ЧВК могут быть разделены на компании, действующие внутри России и отдельные организации, функционирующие исключительно в зарубежных государствах.

В случае с компаниями, действующими в границах Российской Федерации, представляется возможным осуществить нормативно-правовое регулирование посредством действующего законодательства. Федеральный закон «О детективной и частной охранной деятельности» уже предполагает наличие необходимых базовых оснований для привлечения частных подрядчиков к обеспечению государственных

нужд. В то же время, представляется крайне необходимым существенное расширение их функционала, достигаемое путем внедрения отдельных, точечных изменений в законодательство. Например, в 2023 году подобные изменения были внесены в части перечня видов специальных средств, используемых в частной охранной деятельности. Так, к указанным видам были добавлены специальные средства, предназначенные для противодействия беспилотным аппаратам. С учетом кратно возрастающих по масштабам угроз возникает необходимость в принятии дополнительных нормативно-правовых мер, направленных на развитие возможностей действующих охранных организаций.

На практике это бы означало, что отдельные охранные структуры в целях соблюдения требований к оперативности проводимых мероприятий могли бы получать разрешение на использование специальных средств под нужды охраны конкретных географических зон или объектов, с параллельным введением механизмов строгого контроля над их соблюдением. Подобное обстоятельство представляется крайне актуальным в силу того, что уже в настоящее время наблюдается очевидная диспропорция между правами и полномочиями структур, ответственных за обеспечение безопасности. Так, действующие добровольческие отряды, выполняющие функции по охране границы или объектов, в полной мере располагают необходимым вооружением, в то время как проблема оснащения частных охранных предприятий имеет очевидные правовые барьеры, напрямую влияющие на качество обеспечения безопасности объектов транспорта и топливно-энергетического комплекса в рамках исполнения компаниями своих контрактных обязательств.

По мнению автора, ключевыми направлениями для подобной деятельности могли бы стать задачи в сфере обеспечения безопасности по территориальному и отраслевому признаку, подразумевая создание:

- специальных пограничных отрядов, оказывающих на контрактной основе услуги по обеспечению безопасности государственной границы,

разминированию территорий и постановке инженерных заграждений, содействию эвакуации жителей из потенциально небезопасных зон;

– подразделений по охране стратегически важных производственных, энергетических и транспортных объектов на территории России, в том числе от беспилотных средств, а также от диверсионных групп.

Кроме того, в рамках указанного механизма представляется необходимым привлечение частных подрядчиков для обеспечения безопасности и в зарубежных государствах, но в отношении объектов, относящихся к Российской Федерации по принципу экстерриториальности – в том числе посольств, объектов энергетики, кораблей.

Для реализации же внешнеполитических государственных интересов в рамках дифференцированного варианта является возможным создание полноценных военизированных организаций, действующих исключительно в зарубежных государствах. В отличие от ранее упомянутых видов компаний, к ним могут применяться значительно более гибкие правовые нормы, способствующие развитию ЧВК.

Практическая реализация данного процесса может в свою очередь происходить как на основе использования патронажной, так и направляющей модели. В случае с патронажной моделью принятие законопроекта о регулировании частных военных компаний не является обязательным – подобные организации могут регистрироваться непосредственно за рубежом, осуществляя на территории России лишь набор сотрудников. Обращение же к направляющей модели, вероятно, потребует формализованных законодательных изменений. Однако, подобное регулирование может иметь обобщенный характер, формулируя требования к процедуре создания компаний и их филиалов, в то время как их непосредственная деятельность будет предполагать достаточную автономность, основанную на знании специфики регионов, на территории которых происходит реализация контрактных мероприятий.

Исходя из указанного, представляется, что вероятность реализации инерционного варианта нормативно-правового регулирования ЧВК в России является наиболее высокой среди всех представленных вариантов. Разграничительный и инкорпорированный варианты в свою очередь подразумевают существенную поляризацию, заключающуюся либо в полном вынесении деятельности частных военных компаний за пределы Российской Федерации, либо в их институционализации по западному образцу. С учетом этого реализация данных вариантов оценивается как маловероятная. Дифференцированный же вариант в текущих реалиях является достаточным компромиссом, учитывающим как уже сформированные тенденции, так и объективные потребности.

В заключение следует также отметить, что, несмотря на то, что категоризация компаний, основанная на принципах их использования государственными структурами, является теоретическим концептом, направленным на выявление ключевых тенденций в аутсорсинге военных услуг, именно посредством её использования представляется возможным видоизменять сложившиеся практики нормативно-правового регулирования. Конкретность и практическая исполнимость требований при этом является первоочередной для создания законопроектов, конвенций, положений о лицензировании и других документов, направленных на придание частным военным компаниям правового, легального статуса.

Государствам и международным структурам в этом контексте следует избегать как излишней зарегулированности, существенно сокращающей возможности ЧВК не только для поддержки внешнеполитических интересов, но и для обеспечения безопасности общества, так и ситуации полного отсутствия регулирования, приводящего к тому, что фактически существующие, но отсутствующие в правовом поле компании, становятся не средством купирования угроз и рисков государства, а их источником.

3.2 Государственный и гражданский контроль над деятельностью ЧВК

Традиционно, значение термина «контроль» сводится к внешнему наблюдению, проверке и анализу рассматриваемой области на предмет выявления тенденций, требующих корректировки. Применительно к военно-политической сфере государства наиболее распространенным является выделение в отдельное направление *гражданского контроля над вооруженными силами*, под которым понимается совокупность мероприятий, направленных на обеспечение соответствия фактического устройства вооруженных сил национальному законодательству, интересам общества и государства, а также заключенным международным соглашениям.

Диссертант рассматривает гражданский контроль как один из фундаментальных принципов демократического государства, закрепляющий безусловный характер подчинения силовых структур законно избранной власти. При этом это не означает, что гражданские структуры повсеместно контролируют всю военную деятельность. Вопросы военно-стратегического и оперативного планирования остаются за военными. В то же время принцип гражданского контроля устанавливает верховенство гражданских институтов в определении военной политики, военного бюджета, военного строительства и политико-правовых рамок для силовых структур. Гражданский контроль обычно трактуют в узком и широком смысле. В узком смысле гражданский контроль – это, прежде всего, контроль собственно институтов гражданского общества (СМИ, общественных организаций, политических партий и т.п.). В широком смысле гражданский контроль помимо названных институтов включает и органы законодательной власти, такие как парламент, финансовый и административный, судебный контроль. Именно во втором, широком смысле диссертант рассматривает гражданский контроль.

Такой гражданский контроль предполагает разделение на несколько составных частей и включает:

- 1) Государственный (властный) контроль.
- 2) Общественный контроль.
- 3) Личностный (персональный, партикулярный) контроль [72].

Государственный контроль осуществляется соответствующими государственными органами, не входящими в структуру вооруженных сил и имеющими полномочия для анализа, оценки и регулирования их деятельности. К их числу относятся как органы непосредственного управления, включая, например, институт гражданского министра обороны, установленный в значительном числе стран мира, так и законодательные органы власти, а также органы надзора и аудита.

Общественный контроль формируется механизмами гражданского общества и его институтами, включающими такие объединения, как политические партии и общественные организации. Другим важным направлением общественного контроля является освещение существующих проблем в средствах массовой информации, выполняющих целый ряд функций: от аналитической и прогностической до функции сбора социологических данных. Также важную роль в этом контексте играет институт экспертных оценок, формулируемых как отдельными лицами, так и научными коллективами.

Личностный контроль осуществляется гражданами государства в порядке их частной инициативы. Под ним понимается система социальных взаимодействий отдельных граждан с государством, направленных на анализ и совершенствование механизмов регулирования рассматриваемых организаций.

Следует отметить, что тематика гражданского контроля является достаточно разработанной как в зарубежной, так и в отечественной литературе. В частности, значительную ценность в контексте анализа направлений гражданского контроля представляет работа С. Хантингтона

«Солдат и Государство. Теория и практика военно-гражданских отношений» [23], в рамках которой утверждалось о необходимости создания двухступенчатой системы управления вооруженными силами. Так, вопросы непосредственного руководства предполагалось относить к компетенции самого военного командования, в то время как стратегическое целеполагание и выработка концептуальных основ функционирования армии должна была быть предоставлена политическому руководству. Кроме того, Хантингтоном фактически впервые в западном политическом дискурсе были сформулированы идеи о подчиненности армии гражданским властям. В то же время, подчеркивался особенный статус вооруженных сил как значимого и компетентного органа в сфере обеспечения защиты общества и государства.

С. Файнер в свою очередь фокусировался не только на исследовании концептуальных основ взаимодействия общества и вооруженных сил, но и соответствующих политических рисков [21]. Так, в качестве одного из наиболее вероятных конфликтогенных направлений Файнером указывалась ситуация, при которой военные могут посчитать себя «более патриотическими», чем руководящие ими гражданские власти. На практике подобное развитие событий неоднократно наблюдалось в различных странах мира – особенно в Африке, с учетом её традиционного опыта значительного влияния генералитета на политические процессы. Забегая вперед, следует отметить, что данный фактор в несколько видоизмененной форме послужил одной из причин сложившейся ситуации с мятежом ЧВК Вагнер, что подчеркивает важность нахождения консенсуса между различными участниками военно-гражданских отношений в обществе.

Большое внимание к гражданскому контролю было уделено и российскими исследователями, анализирувавшими новые подходы к восприятию вооруженных сил после крушения Советского Союза. А.А. Кулаковым подчеркивалась важность роли гражданского контроля над армией как непрямого условия установления демократического политического режима [31]. Ю.Я. Киршин утверждал [59], что контроль

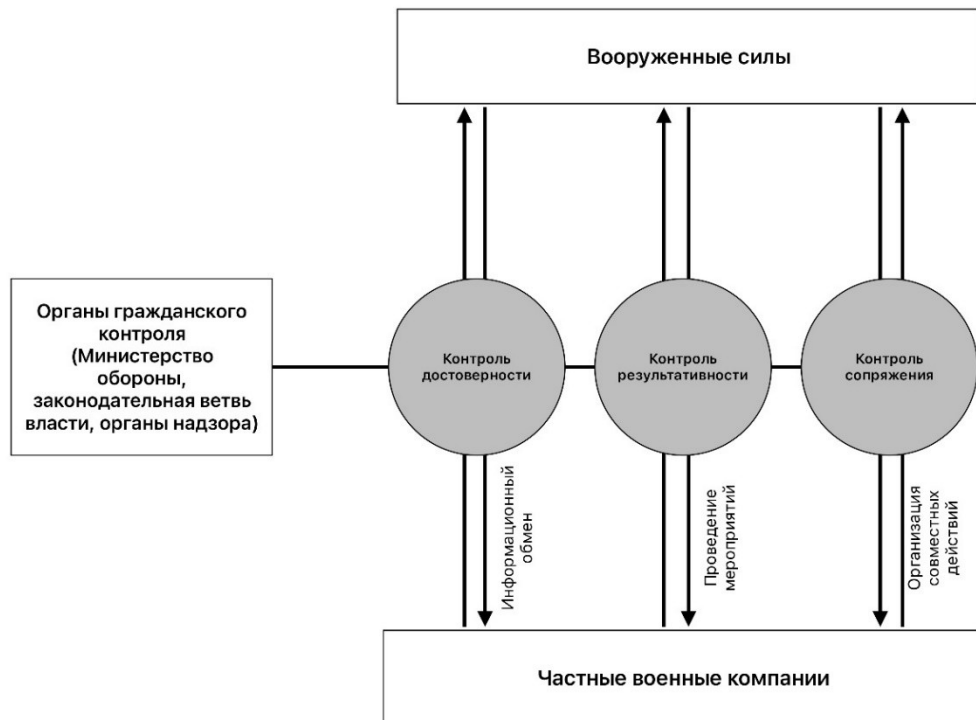
является не только способом политического регулирования, но и необходим самой военной организации в качестве условия для её одновременной устойчивости и гибкости. А.Г. Волеводз [42] не только концептуализировал ключевые направления гражданского контроля над вооруженными силами, но и предложил механизмы для их имплементации в российское законодательство, включая положения об общественной экспертизе и отчете перед законодательными органами власти.

Важность гражданского контроля не раз подчеркивалась и представителями политической сферы. Так, Президентом России Владимиром Путиным ещё в 2004 году во время послания Федеральному Собранию было обозначено, что «объемы затрачиваемых средств, интересы обороноспособности страны, а также важные социальные параметры реформы делают обязательным наличие гражданского контроля за эффективностью идущих в армии преобразований» [75]. В США же вопросы практического контроля получили существенное развитие после подписания Бараком Обамой в 2009 году Меморандума о транспарентности и открытом правительстве [100], распространившего в отношении военного ведомства многие практики, смежные с принятыми мерами надзора в отношении гражданских органов управления.

К настоящему времени механизмы гражданского контроля внедрены во многих государствах мира и показывают должную степень результативности. В то же время, государственный и гражданский контроль за деятельностью частных военных компаний является значительно менее разработанным направлением. С одной стороны, на это есть объективные причины – многие компании, определяемые как ЧВК, не имеют прямых заключенных контрактов с правительственными структурами, что обуславливает невозможность их анализа в рамках аудита вооруженных сил. С другой стороны, на сохранение подобной ситуации влияет и гибридный характер существования самих частных военных компаний, подлежащих

значительно меньшему контролю по сравнению с более устойчивой структурой вооруженных сил.

Ключевые элементы гражданского (государственного) контроля визуализированы на рисунке 10.

Источник: составлено автором.

Рисунок 10 – Ключевые элементы гражданского контроля над ЧВК

Рассматриваясь с позиции модели агента-принципала, взаимодействие между государством и частными военными компаниями сталкивается с несколькими аспектами, формулирующими необходимость установления мер контроля. К первому из них может быть отнесена проблематика проверки достоверности информации, предъявляемой частными военными компаниями. В частности, доведение неполной или некорректной информации военными подрядчиками до их заказчиков в виде государственных структур способно привести к выработке и принятию решений, основанных на заведомо ошибочных или неполных данных. Следовательно, достоверность получаемой информации становится не только фактором оценки качества оказываемых услуг, но и влияет на системные

военно-политические действия государства. Например, как было отмечено в исследовании ранее, консультативная и разведывательная деятельность американской MPRI на территории бывшей Югославии позволила избежать проведения сухопутной операции, достигнув при этом назначенных целей.

Второй аспект сопряжен с выработкой системных критериев результативности действий ЧВК. Однократные услуги имеют гораздо более выраженные параметры результативности, включая, например, обеспечение безопасности участников конкретного мероприятия, проведение конвоя через опасную зону или разминирование территории. В случае с постоянными, системными услугами, такими как реформирование местной полиции или помощь в построении новых подразделений вооруженных сил, подобная результативность определяется значительно менее выражено. Тем самым, для адекватного анализа качества предоставляемых частными подрядчиками услуг является необходимым проведение аудита соответствующих функций.

Третьим аспектом является выработка обобщенных стратегий осуществления военно-полицейских и иных мероприятий, подразумевающих совместное участие вооруженных сил и частных подрядчиков. В соответствии с теорией М. Калдор [5] о смещении центра военных конфликтов с высшего уровня, предполагающего централизованное командование, на низший, включающий инициативы отдельных командиров на местах, деятельность ЧВК требует сопряжения и согласования хотя бы общих контуров проводимых действий с их заказчиками. Кроме того, несогласованность действий или наличие разногласий между частными военными компаниями и вооруженными силами становится не только фактором снижения эффективности проводимых мероприятий, но и значительным политическим риском. В настоящее время аспекты сопряжения разнородных структур (в том числе и частных подрядчиков) получают значимую степень внимания в ключевых концепциях использования военной силы. Так, странами НАТО, в особенности США, используется и активно развивается концепция многосферных

(мультидоменных) действий, включающая как классические военные операции, так и действия в киберпространстве, а также иные программы, направленные на повышение гибкости вооруженных сил [135]. Ключевым фактором в этой связи представляется создание механизмов устойчивого взаимодействия между государственными и частными субъектами военной политики.

Существенной общей проблемой, связанной с применением к ЧВК механизмов контроля, принятых в отношении вооруженных сил, является иная структура подчинения. Так, институт гражданского контроля над вооруженными силами предполагает двухступенчатую связку «политическое руководство – военное руководство». Деятельность же частных военных компаний не подразумевает явного однозначного вышестоящего органа контроля. С одной стороны, таким органом может быть определен непосредственный заказчик их услуг – ведомство или министерство, вступающее в договорные отношения с частной военной компанией, и определяющие основные условия взаимодействия. С другой, вопросы непосредственного регулирования на местах могут быть отнесены к компетенции других ведомств, чьи представители действуют в тех же географических зонах. Подобное разделение широко представлено в американской практике, где заказчиком услуг зачастую выступает не только военное ведомство, но и гражданские структуры, включая Госдепартамент, а непосредственное взаимодействие в зонах выполнения услуг осуществляется с представителями вооруженных сил. Подобная проблематика нашла значимое отражение в российской политической действительности. Так, ЧВК Вагнер в большой период своего активного функционирования, действовал под оперативным контролем вооруженных сил, включаясь в трехступенчатый процесс (политическое руководство – вооруженные силы – ЧВК). Нарушение же эффективности этой схемы, вызванное противоречиями между ЧВК и вооруженными силами, привело к развитию деструктивных

действий не только по отношению к непосредственной вышестоящей инстанции (вооруженных сил), но и к общему политическому руководству.

Кроме того, существенной проблемой, связанной с ранее рассмотренной в исследовании тенденцией по созданию двухмодальных объединений (фактически включаемых в состав военной организации государства), является переход ЧВК от военизированной деятельности к военной. Явным политическим риском в этой связи представляется специфика, при которой частные военные компании фактически приравниваются в своих правах с вооруженными силами, однако, при этом, на них не распространяются действующие в отношении представителей армии ограничения. В том числе – и в сфере политики.

С учетом анализа международной практики следует обратиться и к мерам гражданского контроля, имеющими потенциал в отечественных условиях. Неурегулированность статуса и отсутствие должной институционализации ЧВК в Российской Федерации является не только правовой, но и политической проблемой, создающей существенные риски, связанные с возможной утратой политической лояльности со стороны негосударственных военизированных групп. Исходя из этого, представляется необходимым разработка направлений совершенствования механизмов государственного и гражданского контроля. Автором в этой связи предлагаются 2 основных направления государственного и гражданского контроля:

- *политический контроль*, целью которого является обеспечение политической лояльности частных военных компаний и купирование возможных политических рисков;
- *организационный контроль*, подразумевающий внедрение механизмов непосредственного регулирования деятельности частных военных компаний.

В области политического контроля необходимо выделить следующие направления. Во-первых, систему многостороннего регулирования, целью

которой является создание механизмов для выстраивания системы сдержек и противовесов в отношении деятельности частных военных компаний, основанной на привлечении к контролю одновременно нескольких ведомств. Основываясь на опыте ранее рассмотренных событий, связанных с ЧВК Вагнер, подобная дифференциация надзорных органов позволит вывести проблему контроля за рамки исключительно военного ведомства, что может существенным образом способствовать разрешению проблемы утраты лояльности непосредственным военным курирующим структурам.

Так, потенциально возможное разделение полномочий между государственными органами Российской Федерации по осуществлению контроля над деятельностью частных военных компаний представлено в таблице 8.

Таблица 8 – Распределение полномочий по контролю над ЧВК

Государственный орган	Компетенция
Федеральная служба безопасности	Ведение реестра частных военных компаний
Росгвардия	Лицензирование приобретения вооружения
Министерство промышленности и торговли	Лицензирование экспортной деятельности
Министерство обороны	Оперативный контроль над зарубежной деятельностью
Министерство иностранных дел	Согласование и контроль договорных отношений с зарубежными государствами
Счетная палата	Аудит финансового состояния и заключаемых контрактов
Министерство труда и социальной защиты	Контроль соблюдения норм трудового права
Федеральное собрание	Вызов на парламентские слушания, законотворческая деятельность в сфере регулирования частных военных компаний

Источник: составлено автором.

Во-вторых, политический контроль включает в себя установление законодательно оформленного запрета на участие частных военных компаний в политической деятельности. Существенный политический риск, возникающий в этой сфере, сопряжен с потенциальной возможностью лидеров вооруженных формирований включаться в политическую активность, следствием чего может стать развитие деструктивных действий

по отношению к действующему государственному строю. Исходя из этого, представляется необходимым ограничить возможность частных военных компаний принимать участие в любых формах политических действий, в том числе в создании собственных политических платформ или агитационных мероприятий.

В-третьих, предлагается расширение возможностей для гражданского контроля, ключевым элементом которого может стать введение института уполномоченных контролирующих лиц. Подобные лица, являясь сотрудниками Министерства обороны, Министерства иностранных дел или иных ведомств, могут быть прикомандированы к частным военным компаниям и осуществлять непосредственный контроль за их деятельностью на предмет соответствия государственным интересам и приоритетам. При этом, важным обстоятельством, отличающим уполномоченных лиц должен быть их формализованный статус, закрепляющий за ними легитимные возможности по воздействию на контролируемые структуры.

В случае с механизмами организационного контроля предлагаются следующие элементы. Во-первых, ведение реестра частных военных компаний. Подобная мера, включенная, в частности, в ранее рассматриваемые законопроекты о деятельности ЧВК, является необходимым условием для корректного определения их статуса. Существующая проблематика контроля негосударственных вооруженных формирований во многом связана с отсутствием системных подходов к определению частных военных компаний. Исходя из этого, введение реестра ЧВК призвано детерминировать правовой статус компаний, определяя как права соответствующих организаций, так и их обязанности. Кроме того, ведение реестра имеет и важную статистическую функцию, обеспечивающую возможность сбора и анализа информации о развитии сегмента частных военно-охранных услуг.

Во-вторых, процедура лицензирования отдельных видов деятельности. В то время как нахождение в реестре обуславливает общий

определяемый статус компании как частной военной, лицензирование предполагает предоставление дифференцированных полномочий. Например, при допуске к оказанию услуг отдельных видов, или же при ведении зарубежной деятельности. Государственные же структуры посредством лицензирования частных военных компаний получают возможность по ранжированию подрядчиков и предоставлению соответствующих полномочий наиболее эффективным или политически лояльным организациям.

В-третьих, усиление финансового контроля. В отношении вопросов ценообразования на услуги ЧВК, ключевой проблемой в определении себестоимости проводимых работ является сложность подсчета категории риска. В отличие от затрат, осуществляемых на материально-техническое обеспечение, зарплаты персоналу, программы страхования и иные однозначным образом количественно определяемые вещи, понятие рискованности, выражаемое в степени угрозы сотрудникам ЧВК во время исполнения миссии, представляется гораздо более субъективным. В этих условиях становится необходимой разработка качественно иных методологических подходов к определению ценообразования услуг ЧВК, учитывающая различные параметры их деятельности. Ключевой целью подобных мероприятий является анализ и коррекция стоимостных характеристик заключаемых контрактов и приведение их под рыночные стандарты. Следует отметить, что проведение подобных процедур осуществимо исключительно в случае, если ЧВК являются легальными структурами с должным уровнем правосубъектности.

В американской практике регулирование финансовой деятельности ЧВК осуществляется посредством использования положений закона «О контроле над экспортом вооружений». Согласно нему, на Государственный департамент США возлагаются обязанности не только по лицензированию зарубежной деятельности ЧВК, но и проверке финансового компонента договоров. На Министерство обороны в свою очередь возложена

обязанность по публикации общей информации обо всех сделках на сумму свыше 6,5 миллионов долларов США. Сделки же на сумму более 50 миллионов не могут быть заключены без получения одобрения со стороны законодательной ветви власти [69].

Важным элементом контроля финансовой сферы ЧВК является не только согласование стоимостных параметров отдельных контрактов, но и проведение общего аудита деятельности. В настоящее время российское законодательство уже предполагает обязательность проведения аудита в ряде случаев – например, для организаций с совокупным доходом за предшествующий год на сумму более 800 миллионов рублей или с суммой активов в 400 миллионов. Однако в ряде случаев, например в отношении фондов, такие показатели кратно снижены для обеспечения большей транспарентности. Представляется, что подобная мера могла бы быть введена и в отношении частных военных компаний, что позволит охватить механизмами финансового контроля деятельность субъектов не только крупного, но и среднего и малого предпринимательства, оказывающих услуги в соответствующем направлении.

При этом следует отметить, что контроль за финансами применим к компаниям, функционирующим в рамках направляющей и партнерской модели, в то время как структуры, относящиеся к патронажной системе, не подпадают под соответствующие мероприятия в силу отсутствия легальной регистрации или иных причин (формально малые размеры организации, невоенные официальные виды деятельности), не позволяющих распространять на них указанные меры контроля.

В-четвертых, внедрение многомерного контроля над процессами слияний и поглощений в сегменте частных военных компаний. Следует отметить, что подобная проблематика имеет актуальное значение в странах Запада. Так, следует обратиться, например к кейсу со слиянием компаний-конкурентов Academi и Triple Canopy, приведшее к созданию крупнейшей военизированной ЧВК в мире Constellis, функционирующей в рамках

направляющей модели. Централизация рынка частных военных и охранных услуг имеет очевидные преимущества, среди которых возможно выделение следующих:

- формирование пула устойчивых компаний, имеющих значительные ресурсы для оказания услуг;
- повышение многофункциональности компаний за счет слияния компаний, действующих в разных подотраслях;
- создание доверенных государству компаний, стремящихся к участию в реализации военно-политических задач.

В то же время подобный процесс связан и с существенными рисками, к числу которых относятся:

- потенциальное падение качества оказываемых услуг ввиду ослабления конкуренции;
- осложнение порога «входа» на рынок;
- нарушение эффективности связки агент-принципал, выражающееся в навязывании крупными частными военными компаниями своих интересов заказчикам и подмене государственных интересов корпоративными.

Исходя из указанных обстоятельств, представляется, что вопрос контроля слияний и поглощений является важным фактором регулирования развития частных военных компаний и минимизации рисков, связанных с монополизацией рынка военно-охранных услуг.

В-пятых, усиление надзора за кадровой политикой компаний. Процесс рекрутирования сотрудников частных охранных компаний является достаточно формализованным как на уровне законодательств отдельных государств, так и на внутрикорпоративном уровне, включая применение стандартов и ограничений в отношении возраста сотрудников, их опыта и компетенций, а также наличия судимостей. В то же время подобные практики распространены в значительно меньшей степени в отношении других типов организаций, включая компании военного консалтинга и компании-поставщики. С учетом этого, представляется необходимым

создание «сквозных» критериев набора персонала для всех компаний, относящихся к категории частных военных [130]. Кроме того, контроль кадровой политики должен затрагивать и надзор за соблюдением трудового законодательства [125], включая гарантированную выплату страховых пособий. Например, в российском контексте следует обратиться к опыту перевода добровольческих подразделений на заключение контрактов с Министерством обороны, одной из целей которого было заявлено обеспечение социальных гарантий бойцов.

В-шестых, заключение субподрядных договоров. Данная разновидность договорных отношений характерна, в частности, для международных миссий, в рамках которых исполнитель в виде крупной, зачастую глобально представленной ЧВК, передает свои обязательства локальным подрядчикам. Непосредственным следствием этого может служить утрата фактического контроля заказчиков услуг над проводимыми мероприятиями, а также правовая неопределенность в отношении возложения ответственности на подрядчиков или же субподрядчиков оказываемых услуг. Представляется, что запрет на передачу исполнителями обязанностей по договорам может обеспечить существенно большую степень эффективности организационного контроля.

Помимо предложенных направлений совершенствования государственного и гражданского контроля следует рассмотреть также особенности действий частных военных компаний в информационной среде. С учетом увеличения числа вооруженных конфликтов в мире, их интенсивности, а также значительного распространения интернет-контента, появляется существенная необходимость в регулировании представленности ЧВК в сетевой среде [151].

В этой связи следует обратиться к событиям, связанным с медийной активностью представителей ЧВК Вагнер в 2023 году. В условиях разрастания конфликта с Министерством обороны, особую актуальность приобрели публично-информационные действия руководства компании,

активно продвигавшие внутрикорпоративную повестку. При этом, в отдельных случаях распространяемые материалы фактически нарушали принятые законодательные нормы, являясь существенным дестабилизирующим фактором в процессе военно-политического управления.

Исходя из этого, представляется, что деятельность частных военных компаний в информационной сфере (особенно в случае с компаниями, функционирующими в рамках патронажной модели), является значимым фактором риска, требующем учета при выстраивании системы взаимодействия между государственными институтами и ЧВК.

В то же время, контроль информационных мероприятий ЧВК имеет не только внутригосударственное направление, но и должен учитывать действия зарубежных организаций. К одним из ключевых негосударственных акторов гибридных действий на современном этапе зачастую относят так называемые частные разведывательные компании, некоторые из которых могут быть отнесены и к обобщенной структуре ЧВК. Значительная часть функций подобных организаций предполагает действия в киберпространстве, включая:

- разведку на основе открытых источников (OSINT);
- проведение специальных направленных акций в сетевом пространстве;
- дезинформационные мероприятия.

На важность подобных процессов указывает и создание ведущими государствами мира собственных специальных подразделений, направленных на деятельность в киберпространстве [137]. Например, в США ведением соответствующих мероприятий занимается сразу несколько функциональных структур, включая Кибернетическое командование и Совместный военный центр информационных операций (Joint Information Operations Warfare Center). Аналогичные подразделения созданы и в европейских государствах, включая Францию и Великобританию. В

Российской Федерации функции по действию в киберпространстве возложены на Войска информационных операций Министерства обороны.

При этом, к достижению целей, возлагаемых на государственные военные структуры, привлекаются и частные организации. В частности, проведение специальных информационных мероприятий является важным направлением деятельности таких ЧВК как американской Cubic, немецкой EUBSA и британской AKE Limited [60]. С учетом этого, представляется крайне необходимым осуществление полноформатного контроля за деятельностью иностранных ЧВК в сетевом пространстве Российской Федерации, особенно в связи с тем, что для операций в киберпространстве не требуется физическое присутствие, а их осуществление может происходить из любой точки земли, что обуславливает приоритетность мониторинговых и предупредительных мероприятий в соответствующем направлении.

Подводя определенный итог, следует отметить, что руководящая роль государства по отношению к ЧВК является стандартной практикой, выражаемой в категориях непосредственного управления, взаимодействия или же создания общих институциональных условий. Обязательность подобного контроля обуславливается закрытостью сегмента частных военных компаний, а также их организованностью по принципам, свойственным вооруженным силам. Система регулирования формирований подобного типа находится в зарождающемся состоянии, однако гражданское общество и государственные институты могут перенимать смежные практики из более развитой сферы контроля над вооруженными силами.

Представляется, что вне зависимости от особенностей военно-политического управления в государстве, ключевым параметром, определяющим возможность осуществления эффективного контроля за деятельностью ЧВК является статус их институционализации, обеспеченный, в первую очередь, должным уровнем как нормативно-правового регулирования, так и гражданского контроля.

Выводы по главе 3

Деятельность частных военных компаний на современном этапе зависит от множества факторов и особенностей, неотъемлемой частью которых являются вопросы правового характера. Отсутствие соответствующих точных дефиниций в законодательствах современных государств, как и общепринятых мер нормативного регулирования деятельности ЧВК, определяет необходимость в их дальнейшей разработке.

Проекты законов рассматриваемые в Российской Федерации содержит попытки не только формулирования определения частных военных компаний, но и определение границ и пределов их деятельности. Однако, незавершенность этого процесса оставляет неурегулированными вопросы их применения, что негативным образом влияет на процесс дальнейшей институционализации ЧВК в российских условиях.

С учетом указанных обстоятельств, автором представлены четыре варианта нормативно-правового регулирования ЧВК, включая:

- инерционный, предполагающий отсутствие институционализации;
- разграничительный, предполагающий создание механизмов для ведения зарубежной деятельности;
- инкорпорированный, подразумевающий полноценную институционализацию ЧВК в российском правовом поле;
- дифференцированный, предполагающий создание нескольких одновременно действующих форматов использования ЧВК.

Развитие частных военных компаний подразумевает необходимость осуществления не только правового регулирования их деятельности, но и создания соответствующей системы государственного и гражданского контроля, к ключевым направлениям которого могут быть отнесены политический и организационный контроль. К предложениям в части установления политического контроля отнесено введение механизмов многостороннего регулирования; запрет на участие в политической деятельности; расширение возможностей для гражданского контроля.

К предложениям по организационному контролю: ведение общего реестра частных военных компаний; внедрение механизмов общего и специального лицензирования; усиление финансового контроля и аудита; внедрение многомерного контроля над процессами слияний и поглощений частных военных компаний; усиление надзора за кадровой политикой организаций, включая контроль выполнения социальных обязательств; введение запрета на передачу услуг субподрядным организациям.

Заключение

В рамках проведенного диссертационного исследования автор пришел к следующим выводам и результатам. Во-первых, частные военные компании, являясь инструментом реализации политических интересов государства, активно вовлекаются в деятельность по дополнению и, в некоторых случаях, замещению вооруженных сил. Представлено авторское определение частных военных компаний: негосударственные субъекты в сфере военных услуг и безопасности, которые функционируют на договорной основе как в интересах коммерческих организаций, так и государства, прежде всего в области обеспечения обороны страны и реализации геополитических и геоэкономических целей. Отдельно отмечена проблематика организаций, определяемых как квази-ЧВК и фактически включаемых в состав военной организации государства.

Приведена классификация частных военных компаний, основанная на их структурных и функциональных особенностях. Так, к ним отнесены следующие виды компаний:

- а) корпоративные структурированные;
- б) некорпоративные структурированные;
- в) корпоративные гибридные;
- г) некорпоративные гибридные.

Во-вторых, частные военные компании могут быть рассмотрены с позиций широкого спектра теоретических подходов, связанных с развитием государства и его военно-политических институтов. Такие концепции как неореализм, теория секьюритизации, модель-принципала агента, инструментализм и конструктивизм позволяют рассмотреть контекст развития частных военных компаний как сложного, многосоставного явления. При этом именно теоретические положения теории неореализма позволяют анализировать механизмы использования ЧВК как подчиненного по отношению к государству образования.

В-третьих, ключевыми политическими интересами государства, реализуемыми при помощи частных военных компаний являются: достижение военно-политических целей в условиях гибридного и прямого межгосударственного противоборства, включая прямое и вспомогательное участие ЧВК в симметричных и асимметричных конфликтах; снижение внутренней конфликтогенности общества, связанной с возможностью человеческих потерь в военной деятельности при обязательной воинской повинности, а также в удовлетворении пацифистских настроений и в направлении милитаристской энергии общества; обеспечение антитеррористической безопасности, в том числе с нивелированием политических рисков от угроз террористического характера.

В-четвертых, рассмотрен исторический контекст развития ЧВК как инструмента реализации военно-политических интересов государства. К числу ключевых, рубежных этапов, отнесены: создание первых ЧВК (1960-1980-е годы); революция в сфере аутсорсинга (1990-е годы); формирование крупных ЧВК – лидеров рынка (2000-2010-е годы); диверсификация ЧВК, появление квази-структур (2020-е годы – настоящее время).

В российской практике предложены другие периоды. К первому периоду (2000-е годы) относится зарождение первых ЧВК, основанных на развитии ЧОПов и их выходе на международные рынки. Второй период (2011–2021 годы) подразумевает под собой развитие военизированных компаний, ориентированных на ведение боевых действий. Также отмечается появление специально создаваемых государством частных военных структур. В рамках третьего периода (2022–2023 годы) происходит становление фактических частных армий и максимизация материально-технических ресурсов ЧВК, а также их участие в ведении полномасштабных войсковых наступательных операций. В качестве четвертого, текущего периода, обозначен процесс переформатирования сегмента частных военных

компаний, включающего возвращение части функций ЧВК к государственным структурам.

В-пятых, автором приведена разработанная классификация моделей использования частных военных компаний государствами, включающая в себя три вида: направляющую, партнерскую, патронажную.

Направляющая модель подразумевает активное влияние государства на частные военные компании, используя их как инструмент дополнения вооруженных сил и оставляя за ними определенную самостоятельность в вопросах корпоративного развития. Партнерская модель предполагает создание соответствующей институциональной среды, в рамках которой государства могут contracting отдельные услуги ЧВК, не оказывая прямого влияния на их внутренние процессы. Патронажная модель связана с установлением полноформатного контроля над деятельностью конкретных компаний, подразумевающим постановку целей и задач, преимущественно реализуемых в сфере замещения вооруженных сил.

Каждая из моделей выделена на основе анализа семи критериев: правового статуса, финансирования, возможности участия в боевых действиях, степени самостоятельности, источника происхождения материально-технической базы и вооружений, способа рекрутирования персонала, наличия собственной атрибутики. Необходимость разработки подобной модели обоснована тем обстоятельством, что частные военные компании классифицируются в современной науке фактически только по типу своих обязанностей, исключая при этом специфику их взаимодействия с главным инициатором их активности – государством.

В-шестых, проанализирован мировой и отечественный опыт правового контроля за деятельностью частных военных компаний. Отмечено, что несмотря на предпринятые попытки нормативного регулирования ЧВК в России, данное направление представляется недостаточно разработанным для полноценной институционализации частных военных компаний в российское правовое поле.

Определены и конкретизированы элементы нормативного регулирования, включающие в себя как внутрикорпоративный контроль, так и регулирование на национальном и наднациональном уровне. Приведена авторская классификация вариантов дальнейшей правовой институционализации ЧВК в России, включающая инерционный, разграничительный, инкорпорированный и дифференцированный варианты.

В-седьмых, отображены ключевые направления осуществления государственного и гражданского контроля над деятельностью частных военных компаний. Проанализирован соответствующий международный опыт, а также предложена система направлений его совершенствования в российской практике, включая направления политического и организационного контроля. Отмечено, что существенным политическим риском становится фактическое «уравнивание» в правах частных военных компаний и вооруженных сил, осуществляемое, при этом, с недостаточным возложением ответственности на частных подрядчиков.

Исходя из указанного, в работе осуществлен анализ частных военных компаний как инструмента реализации политических интересов государства с нескольких сторон: от теоретико-методологических аспектов их существования до практических вопросов их функционирования.

Несмотря на периодически встречающиеся оценки о том, что развитие частных военных компаний является признаком ослабления государства и утратой монополии на вооруженные действия, на практике создание ЧВК является прерогативой сильных стран, имеющих достаточный уровень развитости вооруженных сил, позволяющий осуществлять им процедуры аутсорсинга. Особенную актуальность имеют и вопросы развития ЧВК в российской практике.

С одной стороны, на характер их дальнейшей институционализации влияет сложный и неоднозначный опыт их использования. С другой – деятельность ЧВК в современных российских условиях представляется крайне необходимой, учитывая реальные и потенциальные угрозы как

внешнего, так и внутреннего характера, требующие обращения государства к услугам устойчивых военизированных формирований. Исходя из этого, представляется, что разработка тематики использования государствами частных военных компаний имеет не только теоретическую, но и значимую практическую важность.

Список литературы

Книги и монографии

1. Бартош, А.А. Туман гибридной войны. Неопределенности и риски конфликтов XXI века / А.А. Бартош. – Москва : Горячая линия – телеком, 2022. – 323 с. – ISBN 978-5-9912-0785-0.
2. Бест, Д. Война и право после 1945 года / Д. Бест. – Москва : ИРИСЭН, 2010. – 676 с. – ISBN 978-5-91066-037-7.
3. Брега, А.В. Политический риск: проблемы анализа и управления / А.В. Брега. – Москва : Планета-Копир, 2005. – 208 с. – ISBN 5-93888-466-7.
4. Вебер, М. Политические сочинения, 1895-1919 / М. Вебер ; перевод с немецкого Б. М. Скуратова. – Москва : Праксис, 2003. – 424 с. – ISBN 5-901574-25-7.
5. Калдор, М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / М. Калдор ; перевод с английского А. Аполлонова, М. Дондуковского. – Москва : Издательство Института Гайдара, 2015. – 413 с. – ISBN 978-5-93255-417-3.
6. Кокошин, А.А. Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности / А.А. Кокошин ; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» ; МГУ имени М.В. Ломоносова – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2013. – 261 с. – ISBN 978-5-7598-1068-1.
7. Коновалов, И.П. Эволюция частных военных компаний / И.П. Коновалов, О.В. Валецкий. – Пушкино : Центр стратегической конъюнктуры, 2013. – 136 с. – ISBN 978-5-906233-20-2.
8. Конышев, В.Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории / В.Н. Конышев. – Санкт-Петербург : Наука, 2004. – 372 с. – ISBN 5-02-027011-3.

9. Кревельд, М.В. Трансформация войны / М.В. Кревельд. – Москва : ИРИСЭН, 2011. – 320 с. – ISBN 978-5-91066-041-4.
10. Куманьков, А.Д. Война в XXI веке / А.Д. Куманьков. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. – 296 с. – ISBN 978-5-7598-1957-8.
11. Лиддел Гарт, Б. Энциклопедия военного искусства / Б. Лиддел Гарт. – Москва : АСТ, 2003. – 651 с. – ISBN 5-17-017435-7.
12. Луговой, К. Штурм Бахмута Позывной «Констебль» / К. Луговой, А. Савицкий. – Москва : Москвоведение, 2024. – 816 с. – ISBN 978-5-6051966-0-0.
13. Мюнклер, Г. Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках / Г. Мюнклер. – Москва : Кучково поле, 2018. – 384 с. – ISBN 978-5-9950-0891-0.
14. Сушенцов, А.А. Очерки политики США в региональных конфликтах 2000-х годов / А.А. Сушенцов. – Москва : МГИМО-Университет, 2014. – 230 с. – ISBN 978-5-9228-1096-8.
15. Тиле, Г. Война поколения Z. Тактика легкой пехоты в современной войне / Г. Тиле, К. Малкасян, У. Линд. – Москва : Издательство Родина, 2024. – 336 с. – ISBN 978-5-00222-181-3.
16. Уваров, Н.М. Частный бизнес на службе военных ведомств. По опыту основных зарубежных стран / Н.М. Уваров. – Москва : Удиторнал УРСС, 2009. – 48 с. – ISBN 978-5-354-01180-3.
17. Уэсселер, Р. Война как услуга / Р. Уэсселер. – Москва : Столица-Принт, 2007. – 320 с. – ISBN 978-5-98132-114-6.
18. Avant, D. The Market for Force: The Consequences of Privatizing Security / D. Avant. – Washington DC : Cambridge University Press, 2005. – 310 p. – ISBN 978-0-511490-86-6.
19. Buzan, B. Security: A New Framework for Analysis / B. Buzan, O. Waever, Jaap De Wilde. – Cambridge : Lynne Rienner Pub, 1997. – 239 p. – ISBN 978-1555877842.

20. Feaver, P.D. *Armed Servants: Agency, Oversight and Civil-Military Relations* / P.D. Feaver. – Cambridge : Harvard University Press, 2005. – 400 p. – ISBN 978-0674017610.
21. Finer, S.E. *The man on horseback: the role of the military in politics* / S.E. Finer. – New York : Praeger, 1962. – 268 p. – ISBN 0-86187-967-8.
22. Holsti, K.J. *International Politics. A Framework for Analysis* / K.J. Holsti. – New Jersey : Prentice-Hall International, 1987. – 494 p. – ISBN 978-0134733-22-7.
23. Huntington, S.P. *The soldier and the state: the theory and politics of civil-military relations* / S.P Huntington. – Cambridge : Belknap Press of Harvard University Press, 1957. – 534 p. – ISBN 0-674-81735-4.
24. Mandel, R. *Armies Without States: The Privatization of Security* / R. Mandel. – London : Lynne Rienner Publishers, 2002. – 170 p. – ISBN 978-1588260666.
25. McFate, S. *The Modern Mercenary: Private Armies and What They Mean for World Order* / S. McFate. – New York : Oxford University Press, 2015. – 272 p. – ISBN 978-0199360109.
26. Mearsheimer, J.J. *The Tragedy of Great Power Politics* / J.J. Mearsheimer. – W.W. : Norton & Company, 2014. – 555 p. – ISBN 978-0393020250.
27. Morgenthau, H.J. *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace* / H.J. Morgenthau. – New York : McGraw & Hill, 1993. – 448 p. – ISBN 0070433062.
28. Scahill, J. *Blackwater: The Rise of the World's Most Powerful Mercenary Army* / J. Scahill. – New York : Bold Type Books, 2008. – 560 p. – ISBN 978-1568583945.
29. Singer, P.W. *Corporate Warriors: The Rise of the Privatized Military Industry* / P.W. Singer. – Ithaca : Cornell University Press, 2003. – 348 p. – ISBN 978-0801441141.

30. Waltz, K.N. Theory of International Politics / K.N. Waltz. – New York : McGraw-Hill, 1979. – 250 p. – ISBN 978-0075548522.

Авторефераты диссертаций

31. Кулаков, А.А. Гражданский контроль над армией: мировой опыт и российская специфика : специальность 09.00.10 «Философия политики и права» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Кулаков Андрей Анатольевич ; Военный университет. – Москва, 1998. – 22 с. – Библиогр.: с. 21. – Место защиты: Военный университет.

32. Кулакова, Н.Н. Военно-политические интересы РФ и их реализация в современных условиях : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Кулакова Нина Николаевна ; Военный университет. – Москва, 2011. – 24 с. – Библиогр.: с. 24. – Место защиты: Военный университет.

33. Цыбаков, Д.Л. Гражданский контроль над армией: мировой опыт и российская специфика : специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Цыбаков Дмитрий Леонидович ; Орловская региональная академия государственной службы. – Орел, 2004. – 24 с. – Библиогр.: с. 23. – Место защиты: Орловская региональная академия государственной службы.

Электронные ресурсы

34. Африканский анклав ЧВК. Какие перспективы у зарубежных миссий группы «Вагнер» / РБК : сайт. – Текст : электронный. – URL:

<https://www.rbc.ru/newspaper/2023/06/28/6499554f9a7947b9346fa32d?ysclid=mf i99n8x5l906025318> (дата обращения: 05.05.2025).

35. Ахвердов, И. Уйгуры в «новой» Сирии – как фактор переформатирования Ближнего Востока / И. Ахвердов // ФСК : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.fondsk.ru/news/2025/03/07/uygury-v-novoy-sirii-kak-faktor-pereformatirovaniya-blizhnego-vostoka.html> (дата обращения: 15.06.2025).

36. В Госдуме рассказали о будущем экс-командиров «Вагнера» / lenta.ru : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://lenta.ru/news/2023/07/11/gurulev_says/ (дата обращения: 12.08.2025).

37. В столичном метрополитене меняют часовых. Москва создает собственную ведомственную охрану / Коммерсантъ : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5773457> (дата обращения: 10.01.2025).

38. Военная демократия и жесточайшая дисциплина. Пригожин из Соледара рассказал об управлении ЧВК «Вагнер» / cont.ws : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://cont.ws/@Artemon/2462165> (дата обращения: 21.12.2024).

39. Военная доктрина Российской Федерации / Министерство иностранных дел Российской Федерации : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1584621/ (дата обращения: 09.05.2025).

40. Военное подразделение в структуре крупных компаний – возможно ли это / ИА REX : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://iarex.ru/articles/92382.html> (дата обращения: 25.04.2025).

41. Война на продажу. Ведущие частные военные компании мира / Военное обозрение : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://topwar.ru/66972-voyna-na-prodazhu-veduschie-chastnye-voennye-kompanii-mira.html> (дата обращения: 01.09.2024).

42. Волеводз, А.Г. Гражданский контроль почти не виден / А.Г. Волеводз // Независимое военное обозрение : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://nvo.ng.ru/concepts/2006-04-21/1_control.html (дата обращения: 04.06.2025).

43. Волкова, Ю. Bloomberg узнал о боях с участием ЧВК Вагнера на передовой в Ливии / Ю. Волкова // РБК : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/09/2019/5d8b5bbe9a7947dc7ae5b3be> (дата обращения: 21.06.2025).

44. Воронцов, А. Лицензия на убийство как способ демократизации страны / А. Воронцов // lenta.ru : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://lenta.ru/articles/2004/06/24/immunity/> (дата обращения: 27.01.2025).

45. Вышки в пустыне. Будни российских нефтяников в послевоенном Ираке / Коммерсантъ Власть : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2448357> (дата обращения: 20.04.2024).

46. Где в Африке ждут бойцов «Вагнера» / Независимая газета : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2023-07-26/3_8783_kb.html (дата обращения: 17.12.2024).

47. Гусаров, С. «Не способны контролировать собственные объекты»: в МО РФ заявили об опасности биологических лабораторий США по всему миру / С. Гусаров // RT : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://ru.rt.com/ppfr> (дата обращения: 10.05.2025).

48. Депутат Госдумы Картаполов заявил о необходимости принять регулирующий ЧВК закон / Коммерсантъ : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6068088> (дата обращения: 17.05.2025).

49. Джабаров допустил деятельность ЧВК только за пределами России / mk.ru : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2023/07/14/dzhabarov-dopustil-deyatelnost-chvk-tolko-za-predelami-rossii.html> (дата обращения: 12.08.2025).

50. Документ Монтрё: правила и пожелания для ЧВК / Центр стратегической конъюнктуры : сайт. – Текст : электронный. – URL: <http://conjuncture.ru/montreau-17-09-2008> (дата обращения: 17.09.2024).

51. Дума разрешила Росгвардии иметь на вооружении тяжелую технику / РБК : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/07/2023/64b7e27a9a79477fbf65e4ba> (дата обращения: 20.12.2024).

52. Ерофеев, И. Чужая война. Как зарабатывают частные военные компании / И. Ерофеев // Forbes : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.forbes.ru/biznes/357417-chuzhaya-voyna-kak-zarabatyvayut-chastnye-voennye-kompanii> (дата обращения: 11.12.2024).

53. Законопроект № 62015-6 «О государственном регулировании создания и деятельности частных военных компаний» / СОЗД : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/62015-6> (дата обращения: 10.08.2025).

54. Законопроект № 630327-6 «О частных военно-охранных компаниях» / СОЗД : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/630327-6> (дата обращения: 10.08.2025).

55. Захарова: В Дейр-эз-Зоре могли погибнуть предположительно пятеро россиян / Военное обозрение : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://topwar.ru/136132-zaharova-v-deyr-ez-zore-mogli-pogibnut-predpolozhitelno-pyatero-rossiyan.html> (дата обращения: 01.05.2024).

56. Итоги Саммита 2019 / Саммит Россия-Африка : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://summitafrica.ru/about-summit/summit-outcomes-2019/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 17.04.2025).

57. Как работает отряд «Ливадия» / Новости СМОТРИМ ру : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://smotrim.ru/article/3433292> (дата обращения: 19.03.2025).

58. Канчуков, С. Частные военные компании – помощь или обуза для России? / С. Канчуков // ИА REX : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://iarex.ru/articles/28444.html> (дата обращения: 15.09.2024).

59. Киршин, Ю.Я. Армия XXI века и гражданский контроль / Ю.Я. Киршин // Military article. Военно-научные публикации : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://militaryarticle.vibrokatok.by/nezavisimoe-voennoe-obozrenie/nvo-2004/16912-armiya-xxi-veka-i-grazhdanskij-kontrol> (дата обращения: 15.05.2025).

60. Крикунов, А. Роль ЧВК и НПО в информационных войнах / А. Крикунов // «ВКонтакте» : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://vk.com/wall-28070401_1054 (дата обращения: 12.08.2025).

61. Леонов, Ю. Тысячи боевиков сложили оружие в ЦАР. Какую роль в этом сыграла ЧВК «Вагнер»? / Ю. Леонов // lenta.ru : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://lenta.ru/news/2025/08/13/tsar-ddr/> (дата обращения: 15.08.2025).

62. Международно-правовое регулирование деятельности частных военных и охранных компаний / РСМД : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodno-pravovoe-regulirovanie-deyatelnosti-chastnykh-voennykh-i-okhrannykhkompaniy/> (дата обращения: 21.05.2025).

63. Миронов предложил создать морские частные военные компании / РИА НОВОСТИ : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://ria.ru/20250528/mironov-2019467899.html> (дата обращения: 12.08.2025).

64. Миронов: правительство не поддержало закон о ЧВК из-за угроз безопасности государству / Коммерсантъ : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5843724> (дата обращения: 30.03.2024).

65. Небольсина, М.А. Частные военные и охранные компании в Афганистане: практика применения и последствия использования / М.А. Небольсина // РСМД : сайт. – Текст : электронный. – URL:

<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chastnye-voennye-i-okhrannye-kompanii-v-afganistane-praktika/> (дата обращения: 10.08.2025).

66. Незаконное вооружённое формирование: Депутат Госдумы генерал Соболев высказался о будущем ЧВК «Вагнер» / Военное обозрение : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://topwar.ru/224785-nezakonnoe-vooruzhennoe-formirovanie-deputat-gosdumy-general-sobolev-vyskazalsja-o-buduschem-chvk-vagner.html> (дата обращения: 12.08.2025).

67. Новая версия законопроекта о частных военно-охранных организациях внесена в Госдуму / ТАСС : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://tass.ru/politika/2526726> (дата обращения: 10.08.2025).

68. Нужна ли России частная армия / РБК : сайт. – Текст : электронный. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2016/06/24/576bbf8f9a79472a3da6725f> (дата обращения: 01.05.2025).

69. О частных военных компаниях в США / Министерство иностранных дел Российской Федерации : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1896217/ (дата обращения: 18.02.2025).

70. Основатель ЧВК Blackwater Принс предложил воссоздать в США каперов / ВЕСТИ : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.vesti.ru/article/4339994> (дата обращения: 12.04.2025).

71. Патрушев: Запад хочет привлечь ЧВК для контроля за российскими судами / РИА НОВОСТИ : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://ria.ru/20250731/zapad-2032608244.html> (дата обращения: 12.08.2025).

72. Певень, Л.В. Гражданский контроль над вооруженными силами – важное звено в системе гражданско-военных отношений / Л.В. Певень // coldwar.ru : сайт. – Текст : электронный. – URL: <http://www.coldwar.ru/rvo/102008/grajdanskiy-kontrol-nad-voorujennimi-silami.php> (дата обращения: 13.05.2025).

73. Подберёзкин, А.И. Защита системы национальных ценностей, национальных интересов и суверенитета в новой ВПО (на примере США) / А.И. Подберёзкин // Центр военно-политических исследований : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://defence.mgimo.ru/?q=analitika/zashchita-sistemy-nacionalnyh&ysclid.ya.ru> (дата обращения: 14.10.2024).

74. Польша вдвое увеличит численность армии / РБК : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/18/03/2022/623484249a7947db994e3627> (дата обращения: 17.02.2024).

75. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 26 мая 2004 года / Kremlin.ru : сайт. – Текст : электронный. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22494> (дата обращения: 11.08.2025).

76. Пригожин рассказал об истоках группы Вагнера / РБК : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/26/09/2022/63314cef9a7947bf65368f6c> (дата обращения: 26.12.2024).

77. Призраки войны: как в Сирии появилась российская частная армия / РБК : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.rbc.ru/magazine/2016/09/57bac4309a79476d978e850d> (дата обращения: 01.02.2024).

78. Работа в ЧВК «Вагнер» в Африке – набор и вакансии 2025 / Warlines.ru : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://warlines.ru/> (дата обращения: 01.09.2025).

79. Размер и прогнозы рынка частных военных услуг / Market Research Intellect : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.marketresearchintellect.com/ru/product/global-private-military-services-market-size-and-forecast/> (дата обращения: 24.09.2025).

80. Ричард Кларк: в терактах 11 сентября виноват Буш / Lenta.ru : сайт. – Текст : электронный. – URL:

<https://web.archive.org/web/20131212012833/http://lenta.ru/world/2004/03/25/bush/> (дата обращения: 15.12.2024).

81. Рыжов, В. Боб Денар, Жан Шрамм, Роже Фольк и Майк Хоар: судьба кондотьеров / В. Рыжов // Военное обозрение : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://topwar.ru/172388-bob-denar-zhan-shramm-rozhe-folk-i-majk-hoar-sudba-kondotierov.html> (дата обращения: 02.04.2025).

82. Смелость и завоевание. Интервью Эрика Принса, основателя ЧВК Blackwater / Aftershock : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://aftershock.news/?q=node/1386556&full> (дата обращения: 27.09.2024).

83. Соколов, Д. Продажные стволы. Составлен список западных ЧВК, зарабатывающих на Украине / Д. Соколов // Аргументы и факты : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://aif.ru/politics/world/prodazhnye-stvol-y-sostavlen-spisok-zapadnyh-chvk-zarabatyvayushchih-na-ukraine> (дата обращения: 19.05.2025).

84. Сотрудники ЧВК обеспечивали безопасность участников арктической экспедиции MOSAiC / «ВКонтакте» : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://vk.com/wall-123538639_1935240 (дата обращения: 12.08.2025).

85. Стало известно о конкуренции ЧВК Вагнера с западными ЧВК / Lenta.ru : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://lenta.ru/news/2019/11/19/black_economics/ (дата обращения: 21.07.2024).

86. Уголовный кодекс Российской Федерации. Статья 359. Наемничество / КонсультантПлюс : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/a9e28227f557dc1e6659c1d88613790bb3dddb5b/ (дата обращения: 10.09.2025).

87. Украинский скандал «Вагнергейт» / Военное обозрение : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://topwar.ru/190439-avtor-ukrainskij-skandal-vagnergejt-versija.html> (дата обращения: 01.10.2024).

88. Ходаренок, М. Гибридное оружие войны. Что такое гибридные войны / М. Ходаренок, А. Зинченко // газета.ru : сайт. – Текст : электронный.

– URL: <https://www.gazeta.ru/army/2016/08/10/10112729.shtml> (дата обращения: 03.05.2025).

89. Цоц, Е. Машина Запада воюет за Киев под видом частных армий / Е. Цоц // Регнум : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://regnum.ru/article/3704959> (дата обращения: 10.05.2025).

90. ЧВК «Вагнер» развивал бизнес в Африке, используя западные банки – FT / FRANK MEDIA : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://frankmedia.ru/178756/> (дата обращения: 14.03.2025).

91. ЧВК в законе: зачем Сергей Лавров предлагает легализовать «солдат удачи» / РБК : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/15/01/2018/5a5ca1219a7947afc1b76bfd> (дата обращения: 10.08.2025).

92. Что известно о частных военных компаниях и их правовом статусе в разных странах / ТАСС : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://tass.ru/info/17079899> (дата обращения: 11.11.2024).

93. Экс-конгрессмен США: американские СМИ продолжают лгать о биологических лабораториях на Украине / Russia Today : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://russian.rt.com/inotv/2022-03-15/Eks-kongressmen-SSHA-amerikanskie-SMI-prodolzhayut> (дата обращения: 12.07.2024).

94. Counter-terrorism strategy (CONTEST) 2018 / GOV.UK : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.gov.uk/government/publications/counter-terrorism-strategy-contest-2018> (дата обращения: 14.05.2025).

95. Dew, N. The Evolving Private Military Sector. A Survey / N. Dew, B. Hudgens // ResearchGate : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.researchgate.net/publication/235155574_The_Evolving_Private_Military_Sector_A_Survey (дата обращения: 12.06.2025).

96. Gettleman, J. Hard Drinking and Murky Finances. How an American Veterans Group Imploded in Ukraine / J. Gettleman // The New York Times : сайт. – Текст : электронный. – URL:

<https://www.nytimes.com/2023/02/01/world/europe/american-veterans-ukraine-mozart.html/> (дата обращения: 06.06.2025).

97. Joint Counter-Terrorism Center in Berlin (GTAZ): A Model for Combating Terrorism 2 / ECCI : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://en.europarabct.com/?p=46930> (дата обращения: 17.05.2025).

98. Norton-Taylor, R. Britain is at centre of global mercenary industry, says charity / R. Norton-Taylor // The Guardian : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.theguardian.com/business/2016/feb/03/britain-g4s-at-centre-of-global-mercenary-industry-says-charity> (дата обращения: 11.11.2024).

99. SIPRI: мировые военные расходы в 2024 году выросли на рекордные 9,4% / ТАСС : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/23797819> (дата обращения: 15.06.2025).

100. Sternstein, A. White House launches open government initiative / A. Sternstein // Nextgov : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://web.archive.org/web/20120303132709/http://www.nextgov.com/nextgov/ng_20090521_4542.php (дата обращения: 17.09.2025).

101. The Global Terrorism Index / Vision of Humanity : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.visionofhumanity.org/maps/global-terrorism-index/#/> (дата обращения: 15.09.2025).

102. The Montreux Document on Private Military and Security Companies / Montreux Document Forum : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.montreuxdocument.org/about/montreux-document.html> (дата обращения: 11.05.2025).

103. UCDP: Sharp increase in conflicts and wars / Uppsala Universitet : сайт. – Текст : электронный. – URL: <https://www.uu.se/en/news/2025/2025-06-11-ucdp-sharp-increase-in-conflicts-and-wars> (дата обращения: 15.09.2025).

104. Аватков, В.А. Один в поле не воин: ведущие ЧВК Турции / В.А. Аватков, А.И. Сбитнева // Пути к миру и безопасности. – 2023. – № 2 (65). – С. 219–232. – ISSN 2307-1494.

105. Апухтин, Ю.С. Частные военные компании: новая цель политической криминологии / Ю.С. Апухтин // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2009. – № 2 (17). – С. 104–107. – ISSN 2218-8576.

106. Балаклеец, Н.А. Героическое измерение постгероического общества / Н.А. Балаклеец // Logos et Praxis. – 2023. – № 2. Том 22. – С. 39–48. – ISSN 1998-9946.

107. Бартош, А.А. Модель гибридной войны / А.А. Бартош // Военная мысль. – 2019. – № 5. – С. 6–23. – ISSN 0236-2058.

108. Бэттлер, А. Национальные интересы, национальная и международная безопасность / А. Бэттлер // Полис. Политические исследования. – 2002 – № 4. – С. 146–158. – ISSN 1026-9487.

109. Вербицкая, Т.В. Военная дипломатия и политика России в Сирии / Т.В. Вербицкая // Сравнительная политика. – 2017. – № 3. – С. 45–51. – ISSN 2221-3279.

110. Волеводз, А.Г. Международно-правовое регулирование деятельности частных военных и охранных предприятий (ЧВОП) : современный этап международного правотворчества / А.Г. Волеводз // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. – № 1 (2). – С. 233–251. – ISSN 2224-0543.

111. Волжанин, Д.А. ЧВК как инструмент влияния на международной политической арене / Д.А. Волжанин, Н.С. Дубков, Д.В. Литвиненко // Общество: политика, экономика, право. – 2023. – № 1. – С. 33–38. – ISSN 2071-9701.

112. Габиева, С.М. Правовое регулирование и практика противодействия экстремизму в России и за рубежом / С.М. Габиева,

Д.Ш. Пирбудагова // Национальная безопасность / *Nota bene*. – 2014. – № 6 (35). – С. 922–931. – ISSN 2073-8560.

113. Гулевский, А.Н. Войны будущего: варианты и прогнозы / А.Н. Гулевский, Н.А. Гулевская, Ю.П. Доронин // Вестник Калмыцкого университета. – 2023. – № 3. – С. 137–145. – ISSN 1995-0713.

114. Е.Е. Королькова. Развитие американского рынка частных военных и охранных компаний на примере конфликта в Афганистане 2001-2021 годов / Е.Е. Королькова, М.А. Небольсина // Международные процессы. – 2022. – № 1 (68). Том 20. – С. 122-147. – ISSN 1728-2756.

115. Зеленев, Е.И. Военная стратегия и военное присутствие КНР в Африке: сравнительно-исторический ракурс / Е.И. Зеленев, М.А. Солощева // Сравнительная политика. – 2021. – № 3. – С. 142–164. – ISSN 2221-3279.

116. Исаев, Л.М. Российская политика секьюритизации в Африке: анализ Африканских СМИ / Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина, Я.Б. Лиокумович // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2023. – № 2. – С. 322–338. – ISSN 2313-0660.

117. Королькова, Е.Е. Уголовная ответственность сотрудников частных военных и охранных компаний по единому кодексу военной юстиции США / Е.Е. Королькова // Журнал зарубежного законодательства и правоведения. – 2018. – № 5 (72). – С. 121–124. – ISSN 1991-3222.

118. Косов, Г.В. Частные военные компании: элитологический анализ / Г.В. Косов, Л.Н. Гарас // Вопросы элитологии. – 2015. – № 4. – С. 72–82. – ISSN 2712-8415.

119. Кузина, С.И. Военная политика России на современном этапе: политико-правовые аспекты / С.И. Кузина, И.Г. Сагирян, Е.А. Краснова // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2023. – № 5 (156). – С. 121–125. – ISSN 2219-0279.

120. Курылев, К.П. Феномен частных военных компаний в военно-силовой политике государств в XXI веке / К.П. Курылев, Е.В. Мартыненко, Н.П. Пархитко, Д.В. Станис // Вестник международных

организаций: образование, наука, новая экономика. – 2017. – № 4. Том 12. – С. 130–149. – ISSN 1996-7845.

121. Лебедева, В.И. Совершенствование политико-правовой основы деятельности Антитеррористического центра СНГ и борьба с насильственными проявлениями экстремизма / В.И. Лебедева // Вестник экономической безопасности. – 2024. – № 5. – С. 107–111. – ISSN 2414-3995.

122. Макаева, А.Р. Проблемы определения правового статуса нерегулярных вооруженных сил (на примере ЧВК «Вагнер») / А.Р. Макаева // Правовой альманах. – 2024. – № 3 (34). – С. 38–44. – ISSN 2949-060X.

123. Малышев, В.Н. Деятельность частных военных компаний и государственные интересы / В.Н. Малышев, А.Е. Руденко, Е.С. Катун // Вестник Военной академии материально-технического обеспечения. – 2015. – № 3. – С. 20-25. – ISSN 2413-4090.

124. Манойло, А.В. Гибридные войны в контексте постглобализации / А.В. Манойло, Д.Г. Евстафьев // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – № 4. Том 14. – ISSN 2542-0240. – Текст : электронный. – DOI 10.23932/2542-0240-2021-14-4-10. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gibridnye-voyny-v-kontekste-postglobalizatsii> (дата обращения: 20.08.2025).

125. Марков, А.Ю. ЧВК как форма аутсорсинга функций Вооруженных Сил РФ: вопросы трудового права / А.Ю. Марков // Диалог. – 2023. – № 4 (26). – С. 21-23. – ISSN 2413-130X.

126. Махнёв, В.А. Частные военные компании КНР в Африке / В.А. Махнёв, П.Р. Зайнуллина // Власть истории – История власти. – 2022. – № 4 (32). – С. 92–99. – ISSN 2415-7015.

127. Надтока, Р.В. Частные военные компании как активный проводник национальных интересов государства: угроза или новые возможности для России / Р.В. Надтока // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2018. – № 1 (17). – С. 206-216. – ISSN 2587-8204.

128. Небольсина, М.А. Частные военные и охранные компании в Ираке и Афганистане: аспекты деятельности и механизмы контроля / М.А. Небольсина // Ежегодник ИМИ. – 2012. – № 1 (2). – С. 288–306. – ISSN 2410-471X.

129. Никитин, А.И. Принципы и формы международно-правового регулирования частных военных и охранных компаний / А.И. Никитин // Московский журнал международного права. – 2023. – № 2 (65). – С. 193–106. – ISSN 0869-0049.

130. Овчаров, А.В. Частные военные компании в России / А.В. Овчаров // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2018. – № 3. – С. 84–93. – ISSN 2312-3184.

131. Панюжева, М.М. Ключевые внешнеполитические кадры команды Дональда Трампа / М.М. Панюжева // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2018. – № 2 (578). – С. 95–112. – ISSN 2686-6730.

132. Попов, А.С. Противодействие терроризму во Франции в 2006-2016 гг. : историко-правовой аспект / А.С. Попов // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 7 (63). – С. 77-81. – ISSN 2221-2787.

133. Попова, К.С. Правовое регулирование частных военных компаний в международном праве / К.С. Попова, А.С. Ерёменко // Вестник науки. – 2024. – № 2 (71). – С. 198–201. – ISSN 2712-8849.

134. Рыжов, Н.А. О зарубежном опыте правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний / Н.А. Рыжов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 5. – С. 199–214. – ISSN 2072-8166.

135. Савченко, Е.О. Эволюция взглядов военного руководства США на проблемы развития вооруженных сил в современных геополитических условиях / Е.О. Савченко // Военная мысль. – 2018. – № 2. – С. 68–81. – ISSN 0236-2058.

136. Сазонова, К.Л. «Гибридная война»: международно-правовое измерение / К.Л. Сазонова // Право: журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 4. – С. 177–187. – ISSN 2072-8166.

137. Сайфетдинов, Х.И. Гибридные войны, проводимые США и странами НАТО, их сущность и направленность / Х.И. Сайфетдинов // Военная мысль. – 2022. – № 5. – С. 13-20. – ISSN 0236-2058.

138. Сидоров, А.С. Военно-политический баланс возможностей Франции в Сахеле: этапы и механизмы выхода с ТВД / А.С. Сидоров // Актуальные проблемы Европы. – 2022. – № 4. – С. 79–108. – ISSN 0235-5620.

139. Слепенков, В.А. Деятельность ЧВК на постсоветском пространстве / В.А. Слепенков, В.Г. Цыплин // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. – 2022. – № 87. – С. 125–130. – ISSN 2712-8911.

140. Соколов, Р.Н. Применение частных военных компаний в рамках СВО на Украине: обзор / Р.Н. Соколов, А.В. Мельников // Технологии социально-гуманитарных исследований. – 2023. – № 2. – С. 115–123. – ISSN 2949-2599.

141. Старцун, В.Н. К вопросу об актуализации законопроектной деятельности по созданию частных военных компаний в Российской Федерации / В.Н. Старцун // Вестник военного права. – 2017. – № 2. – С. 71–73. – ISSN 2541-7622.

142. Сутерс, Д. Социология и военные исследования: расширяя горизонты с помощью классиков / Д. Сутерс // Социологические исследования. – 2021. – № 2. – ISSN 0132-1625. – Текст : электронный. – DOI 10.31857/S013216250012680-1. – URL: <https://www.socis.isras.ru/article/8505> (дата обращения: 17.05.2025).

143. Терновкая, Л.О. Современное западное государство: от пацифизма к милитаризму / Л.О. Терновкая // Вестник экономических и социологических исследований. – 2023. – № 4. – С. 46–56. – ISSN 3034-2309.

144. Хажметов, К.А. Классификация частных военных охранных компаний / К.А. Хажметов // Обозреватель. – 2014. – № 5 (292). – С. 83–92. – ISSN 2074-2975.

145. Ханалиев, Н.У. Расширение НАТО на восток у границ России как неприкрытая угроза военного давления на безопасность и суверенитет Российской Федерации / Н.У. Ханалиев // Вопросы политологии. – 2022. – № 6 (82). Том 12. – С. 1954–1967. – ISSN 2225-8922.

146. Цвяк, А.А. Возможности и пределы деятельности частных военных компаний: политический контекст / А.А. Цвяк // Социально-гуманитарные знания. – 2024. – № 1. – С. 193-196. – ISSN 0869-8120.

147. Цвяк, А.А. Политические аспекты приватизации сектора военных услуг в странах Запада (на примере функционирования ЧВК) / А.А. Цвяк // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – № 2. – С. 84-88. – ISSN 2223-6392. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://dom-hors.ru/nauchniy-zhurnal-obschestvo-politika-ekonomika-pravo/2025/2> (дата обращения: 08.07.2025).

148. Цвяк, А.А. Политические аспекты функционирования частных военных компаний в сегменте национальной безопасности / А.А. Цвяк // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2024. – № 3 (856). – С. 40-46. – ISSN 2500-347X. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/3_856_S.pdf (дата обращения: 08.07.2025).

149. Цвяк, А.А. Политические особенности структурирования частных военных компаний в системе национальной безопасности государств / А.А. Цвяк // Проблемы и перспективы осуществления междисциплинарных исследований : сборник статей Международной научно-практической конференции : в 2 частях. Часть 2. – Уфа : АЭТЕРНА, 2023. – С. 199–201.– 212 с. – ISBN 978-5-00177-815-8. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://aeterna-ufa.ru/sbornik/NK-530-2.pdf> (дата обращения: 08.07.2025).

150. Цвяк, А.А. Политические факторы значимости частных военных компаний / А.А. Цвяк // Вопросы политологии. – 2024. – № 1 (101). – С. 76-81. – ISSN 2225-8922.

151. Цвяк, А.А. Частные военные компании в информационном поле: тенденции и технологии / А.А. Цвяк // Технологии информационного общества : сборник трудов XVII Международной отраслевой научно-технической конференции. – Москва : МТУСИ, 2023. – С. 382-383. – 383 с. – ISBN 978-5-00068-431-3. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: <https://media-publisher.ru/wp-content/uploads/Proceedings-2023.pdf> (дата обращения: 08.07.2025).

152. Цвяк, А.А. Частные военные компании как актор современной политики / А.А. Цвяк, О.М. Михайленок // Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № 4. – С. 97-100. – ISSN 0869-8120.

153. Яковлев, М.М. Перспективы и направления формирования законодательства Российской Федерации о частных военных компаниях в свете опыта событий 2015-2022 гг. / М.М. Яковлев // Юридическая техника. – 2023. – № 17. – С. 680–686. – ISSN 0712-0076.

154. Baum, J.A.C. Outsourcing War: The Evolution of the Private Military Industry after the Cold War / J.A.C. Baum, A. Mcgahan // SSRN Electronic Journal. – 2009. – № 1. – ISSN 1556-5068. – Текст : электронный. – DOI 10.2139/ssrn.1496498. – URL: https://www.researchgate.net/publication/228191607_Outourcing_War_The_Evolution_of_the_Private_Military_Industry_after_the_Cold_War (дата обращения: 20.07.2025).

155. Janowitz, M. Military Institutions and Citizenship in Western Societies / M. Janowitz // Armed Forces & Society. – 1976. – Volume 2. – P. 185–204. – ISSN 0095-327X.

156. Jentleson, B.W. Who «Won» Libya? The Force-Diplomacy Debate and Its Implications for Theory and Policy / B.W. Jentleson, C.A. Whytock // International Security. – 2006. – Volume 1. – P. 47–86. – ISSN 1531-4804.

157. Miller, G. The Political Evolution of Principal-Agent Models / G. Miller // Annual Review of Political Science. – 2005. – Volume 8. – P. 203–225. – ISSN 1094-2939.